

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

ВИЛЬНА

1865.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1.

По желанію публики, статья Вѣстника: «Панскія Фацеціи»
печатана, въ исправленномъ видѣ, отдѣльными брошюрами,
числѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ.

Желающіе пріобрѣсть эту весьма интересную брошюру, м
гутъ обращаться съ своими требованіями въ редакцію «Вѣстни
западной Россіи», къ книгопродавцамъ: виленскому г. Сеньковск
му, петербургскому А. Ѳ. Базунову и московскому А. Н. Ѳерапо
тову, прилагая 1 рубль за 4 экз., съ пересылкою, и такъ далѣе.

Выписывающіе 1 экз., прилагаютъ 30 к.; выписывающіе Вѣс
никъ прилагаютъ только 20 к. за каждый экземпляръ.

2.

Вышло въ свѣтъ *вторымъ изданіемъ* весьма важное вообще
весьма необходимое въ западной Россіи вчастности — сочинені
подъ заглавіемъ: «Критическое обозрѣніе ученія римской церкв
о видимой главѣ церкви.»

Желающіе выписать это сочиненіе могутъ адресоваться к
профессору кіевскаго университета Сильвестру Сильвестровичу Го
гоцкому,—прилагая по 40 к. за экземпляръ, съ пересылкою. Вы
писывающимъ отъ 10 до 50 экземпляровъ, дѣлается уступка н
каждомъ экземплярѣ 5, а выписывающимъ отъ 50 до 100 и болѣе—
10 копѣекъ.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

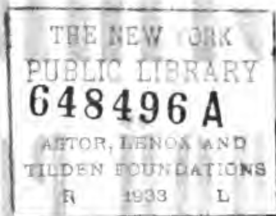
ІЮНЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи Р. М. Ромма.

1865.

Дозволено цензурою, 19 августа 1865 года. Вильна.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

Учредители Виленскаго Свято-Духовскаго Братства, *возстановленнаго* 6 Августа, текущаго 1865 года, сдѣлали честь, между прочимъ, и «Вѣстнику западной Россіи»—предложеніемъ открыть подписку для желающихъ поступить въ число членовъ этого Братства и принимать посильныя пожертвованія новыхъ братьевъ на богоугодныя и человѣколюбивыя дѣла, составляющія цѣль и задачу новаго, Виленскаго, православнаго учрежденія.

Настоящимъ заявленіемъ редакція западнаго Вѣстника исполняетъ эту лестную, совпадающую съ ея симпатіями, порученность Виленскаго Братства и, если ея голосъ можетъ сколько нибудь усилить его голосъ,—именемъ христіанскаго братолюбія и единодушія, именемъ угнетеннаго вѣками въ здѣшней странѣ православія,—проситъ всѣхъ православныхъ христіанъ Россіи оказать посильную, нравственную и матеріальную поддержку, благословенному назадъ тому три почти вѣка вселенскимъ патріархомъ Іереміею, нынѣ возрожденному и болѣе чѣмъ гдѣ-либо многознаменательному и необходимому, Виленскому, Свято-Духовскому братству.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА:

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ"

ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ 18$\frac{65}{66}$ ГОДУ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года „Вѣстникъ западной Россіи" будетъ праздновать четвертое свое новолѣтіе.

Намъ самимъ не приходится говорить о характерѣ и направленіи этого изданія, а тѣмъ болѣе о его заслугахъ и дѣятельности. Пусть и то и другое оцѣнятъ, по нормальной стоимости, друзья и враги «Вѣстника». Дорожа вниманіемъ первыхъ, мы не можемъ оставаться равнодушными и къ ненависти послѣднихъ. Эта ненависть есть лучшая наша аттестація,—а доказательствъ въ этомъ родѣ у насъ накопилось таки—не мало.

Поэтому, уклоняясь отъ оцѣнки самихъ себя, мы только увѣримъ подписчиковъ на наше изданіе въ томъ, что съ нашей стороны будутъ приняты всѣ мѣры къ улучшенію изданія со стороны внутренней и внѣшней и къ своевременному выходу книжекъ «Вѣстника», — такъ чтобы къ объявленному редакціею сроку, т. е. къ концу

іюля мѣсяца, вышли всѣ двѣнадцать книжекъ этого журнала.

Вѣстникъ не можетъ и не желаетъ измѣнять своей программы, поэтому и въ $18^{65}/_{66}$ году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ прежнемъ видѣ и объемѣ. Онъ остается вѣренъ тѣмъ же четыремъ своимъ рубрикамъ:

Отдѣлъ I.

Историческіе акты.

Здѣсь будутъ помѣщаться сохранившіеся въ разныхъ архивахъ и библіотекахъ акты, относящіеся къ церковной, гражданской и народобытовой исторіи западной Россіи, въ *буквальныхъ* спискахъ съ подлинниковъ, съ переводами на русскій языкъ тѣхъ изъ нихъ, которые составлены на польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, — съ изъясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій тѣхъ документовъ, которые составлены на древнемъ русскомъ языкѣ, и приложеніемъ необходимыхъ примѣчаній.

Отдѣлъ II.

Очерки и расказы изъ событій прошедшаго быта и нравовъ, на основаніи актовъ, помѣщенныхъ въ предъидущемъ отдѣлѣ, и вообще источниковъ, служащихъ для исторіи западной Россіи,— научныя изслѣдованія вопросовъ, относящихся къ той же исторической сферѣ, біографіи замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ упомянутыхъ краяхъ, свѣденія о церквахъ, монастыряхъ учрежденіяхъ и мѣстахъ, имѣющихъ историческое значеніе, и описанія мѣстностей съ историческими воспоминаніями. Здѣсь также будутъ имѣть мѣсто всякія изслѣдованія и статьи по части отечественной археологіи.

Отдѣлъ III.

Критика сочиненій и статей, относящихся къ западной Россіи и заслуживающихъ вниманіе нападокъ на Вѣстникъ,—опровerженіе вымысловъ и клеветъ на Россію и православіе, распространяемыхъ печатно врагами нашего отечества—и у насъ и за границею,—обличеніе ихъ во всякомъ искаженіи фактовъ,—вообще полемика со всѣмъ, что направлено къ нарушенію цѣлости нашей вѣры и народности.

Отдѣлъ IV.

Очерки, описанія и изслѣдованія разныхъ сторонъ настоящаго быта западной Россіи, въ связи съ ея прошедшею исторіею,—статитическія свѣденія о сихъ странахъ, свѣденія о заграничныхъ—славянскихъ племенахъ вообще и въ особенности о племенахъ, принадлежавшихъ прежде къ Россіи,— о русской грамотности и распространеніи ея въ областяхъ западной Россіи,—новыя государственныя постановленія, исключительно касающіяся сихъ странъ,—извлеченія изъ русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ разныхъ извѣстій, касающихся западной Россіи,—библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ и брошюрахъ, имѣющихъ предметомъ эти страны,—некрологи и разныя мелкія статьи (въ стихахъ и прозѣ), не подходящія подъ рубрику первыхъ трехъ отдѣловъ. Корреспонденція. Объявленія и проч.

ВѢСТНИКЪ

выходитъ съ іюля мѣсяца, ежемѣсячно, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ВИЛЬНѢ, въ редакціи журнала и книжномъ магазинѣ г. *Сеньковскаго*.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,—у коммисіонера «Вѣстника», книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ д. Ольхиной.

ВЪ МОСКВѢ,—у такогожъ коммисіонера, книгопродавца *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ Заиконоспасскаго монастыря, у книгопродавца г. *Черенина*, на Никольской улицѣ.

ВЪ КІЕВѢ,— у коммисіонера «Вѣстника», книгопродавца *С. И. Литова*.

ВЪ ВАРШАВѢ,—у книгопродавца г. *Дутова*—и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА" ЗА ГОДЪ:

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 к., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала «Вѣстникъ западной Россіи», *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «*Вѣстникъ*» за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за $18^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны, по 5 руб. 50 коп., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за $18^{63}/_{64}$ годъ—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.—съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій**.

Редакторъ-Сотрудникъ **И. Эремичъ**.

I.

№ 15-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Выпись изъ книгъ градскихъ новогрудскихъ духовнаго завѣщанія Филина Ивановича Горбатовскаго. 1618 года (*).

Я Филипъ Ивановичъ Горбатовскій зѣмянинъ (дворянинъ, землевладѣлецъ) Господарски земли Новогородское чыню (дѣлаю) явно и вызначаю симъ моимъ Тестаментомъ (духовн. завѣщаніемъ) остаточное воли моее ижъ я будучи отъ Пана Бога хоробою (болѣзнью) обложною (тяжкою, навѣжоный (постигнутый) але (но) при доброй памяти у зу-

(*) Печатаемъ этотъ документъ въ доказательство, 1) что еще въ началѣ 17 вѣка русскій языкъ въ западной Россіи былъ не только общеупотребительнымъ, но и юридическимъ, 2) что тогдашніе предки нынѣшнихъ ополяченныхъ Горбатовскихъ были послѣдователями греческой, православной вѣры, 3) что упоминаемая въ немъ церковь Цыринская (существующая и нынѣ въ новогрудскомъ уѣздѣ) еще въ 1618 году не была отнята на унію и 4) наконецъ, что въ то время дворяне западной Россіи назывались, по русскому обычаю, по имени и отчеству. *Ред.*

полномъ розумѣ памятуючи на то ижъ всякія речы (дѣла) которые письмомъ объяснены небываютъ нетыле (не только) впрышлы але и втеперешни вѣкъ и часъ (время) з памяти людское сходятъ про то и я постерегаючы тогожъ абы по зейстю моемъ з сего Свѣта о убогую маентностку (имѣнійце) мою межъ кровными и потомными моими якая трудность и шарпанина (разладъ) незаходила Умыслиломъ черезъ письмо и сесъ Тестаментъ мой тую остатную волю мою ознаймити а напервей коли мене Панъ Богъ з сего Свѣта до хвалы своеіе светое поволати (позвать) рачитъ (удостоитъ), а Тѣло мое грешное маетъ поховати (погребсти) на мѣстѣ томъ гдѣ отъ мене назночоно будетъ, Панъ Фѣдоръ Степановичъ Дятько мой з малжонкою (супругою) моею панею Ивановною водлугъ порадку Церкви Греческое своимъ власнымъ коштомъ (издержкою) и накладомъ непотребуючи од малжонки моее на тотъ погребъ ниякого накладу. А з стороны убогое маентностки моее такъ лежачое то естъ Имѣнийца Горбатовского вземли Новгродское лежачого, яко тежъ и Рухомое (движимое) всякое в томъ Имѣницу моемъ будучое то всѣ од мала до велика яко самое Имѣнице Горбатовское з забудованіемъ (строеніемъ) вшелякимъ (всякимъ) также и ввесь спратъ (рухлядь) домовы, збоже (хлѣбъ зерновой) молочоное въ гумнѣ зложоное (складеное, и въ Полю засѣеное и всѣ отмала у до велика што одноколвѣкъ (что только) маю, и по смерти моей позостанетъ, то все одписую и дарую вѣчными часы превеченому Дядьку моему Пану Фѣдору Степановичу Горговскому отдаляючи отъ того всего всихъ кровныхъ близкихъ и повиноватыхъ моихъ з которое маентности моее мѣнованы Дядько мой Панъ Федоръ маетъ и повиненъ будетъ заразъ (сейчасъ) скоро по смерти моей вшестъ Нѣдѣль по отправленю (по совершеніи) остаточного (послѣдняго) стола ведле Обряду Церкви Греческое той малжанце

моей пани Аполоніи Ивановнѣ отдати и заразъ кромъ жадное (никакой) трудности заплатити яко властного (собственнаго) пожичоного (занятаго) долгу моего готовыхъ грошей литовскихъ копъ пять, хусты (бѣлье) тежъ вшелякіе бѣлые и вшелякую одежи и такожъ вшелякую маентность увсе отмала и довѣлика яко свою маентность по Брате, дотого маетъ тежъ ей тамже заразъ з гумна моего дати жита (ржи) сырого чыстого солянокъ пять, Отцу Свѣщеннику Цирынскому за працу (трудъ) іего мѣру жыта чыстого дать и запроводъ тѣла моего ведле можности, и слушности (справедливости) наградить,—а на шпиталь (богадѣльню) Цырынски отписую пѣкарню которую Панъ Федоръ маетъ отдати и на то есмы далъ Пану Федору Степановичу Дядьку моему, и малжонце (женѣ) моей сесъ мойТестаментъ остатнее воли моее, до которого Пѣчать свою прылюжывши, просилесмы о прыложенѣ Пѣчати, и о подпись рукъ ихъ Милостей Отца Макара Ивановича Свѣщенника Цирынского, Духовника моего, Пана Станислава Минаковского, а Пана Илію Ивановича Горбатовскаго и Пана Федора Петровича вознаго земли Новогородское што Ихъ Милость на прозьбу мою учинили, Пѣчати прыложити и руки подписати рачили (изволили), до сего моего Тестаменту. Писанъ въ Горбатовичахъ Року тысѣча шестсотъ Осмнадцатого мѣсѣца Ноября Дѣвятого дня.

(У того Тестаменту Пѣчатей прытисненыхъ пять, а подпись рукъ. Слѣдуютъ подписи свидѣтелей письмомъ Рускимъ подписаны суть).

2.

Копія привиллегіи короля Стефана Баторія, данной городу Липску (въ люблинской губерніи Царства Польскаго) 1580 года (*).

Стефанъ Божею милостю Король Полски Велики князь Литовски Руски Пруски Жомойски Мазовецки Инфлянтски, Княже Седмигродзкое и иныхъ.

Озноймуемъ симъ листомъ нашымъ всимъ вобецъ (вообще) и кождому з особна комубы того ведати потреба бы-

(*) Документъ этотъ, писанный по русски, служитъ доказательствомъ, что жители города Липска и всего августовскаго уѣзда, гдѣ этотъ городъ находится, были русскіе. Онъ съ другими документами доставленъ въ редакцію г. Н. Виноградовымъ, при нижеслѣдующемъ письмѣ.

„Препровождаю при семъ къ вамъ, милостивый государь, для напечатанія въ издаваемомъ вами „Вѣстникѣ западной Россіи", точный списокъ граматы, данной городу Липску, августовскаго уѣзда, королемъ польскимъ Августомъ III, 27 іюня 1744 года и содержащей въ себѣ прежнія граматы, на русскомъ языкѣ, пожалованныя этому городу польскими королями въ 1580, 1582, 1584 и 1602 годахъ *)."

„Къ сожалѣнію въ послѣднее время обнаружено, что, кромѣ Липска, сохраняютъ еще русскія грамоты, только два города августовской губерніи: Вержболовъ,—Кальварійскаго и Высокомазовецкъ,—ломженскаго уѣздовъ, данныя королемъ Сигизмундомъ III, первому 15 іюля 1593 года, а второму 21 маія 1620 г. Старательно уничтожала и уничтожаетъ шляхетская орда все, что знаменовало и знаменуетъ въ польской его части Руси непріятную пришельцамъ истину: что Русь — не *Польша*, что Русь Польшею стать не можетъ! Мнѣ пріятно заключить письмо мое къ вамъ, милостивый государь, выраженіемъ твердаго убѣжденія, что настала теперь пора положить конецъ — возможности *ясневельможнымъ* лжецамъ заявлять, ни на чемъ, кромѣ грубаго обмана, неоснованныя притязанія на искони русскую окраину залѣшанскую.

Примите увѣреніе и проч...... *Николай Виноградовъ.*

13 іюля 1865 г. Г. Вильна.

*) Такъ какъ всѣ эти граматы почти одного содержанія, то мы помѣщаемъ здѣсь только древнѣйшую изъ нихъ—1580 года. *Ред.*

ла нинешнимъ и напотомъ будучымъ. Ижъ Мы Господаръ бачечы (видя) къ заложеню и забудованю мѣста надъ рекою портовою Боброю местцо прыгожее и пожытечное (полезное), выслали есмо передъ выѣздомъ нашымъ на войну противъ неприятела нашого и Речы Посполитое Векикому Князю Московскому въ року (году) теперашнимъ тысяча петсотъ осмдесятомъ на размеренье Ревизоровъ Секретара нашого Станислава Локвицкого за которую помѣрою размѣрою разделенемъ плацовъ и огородовъ Местхихъ звлаща (въ особенности) для способности Реки портовое, за коротки часъ видечи не малое зобраніе людей купецкихъ на ожеданіе втомъ Месте Липскови, одъ часу тымъ большъ зо всихъ сторонъ оныхъ прыбываетъ и втомъ Местѣ нашомъ видечи в якомбы запорадномъ заложенемъ Месте пожитки и доходы скарбу (казны) нашого розумножены были — и тое место в порадокъ з иншими месты нашеми упрывилейоваными и правомъ Магдебургскимъ од продковъ нашыхъ и од насъ Господара надаными прывести всимъ подданымъ того Места нашого Липска право Магдебургское дали и тымъ листомъ нашымъ даемъ и позваляемъ на вечные часы къ которому праву Магдебурскому з роздробою и помнажанемъ ихъ печатъ месткая лодью съ жаглемъ (парусомъ) назначаемъ и подаемъ и въ томъже Листе нашомъ всимъ обывателемъ Липскимъ од насъ даномъ таковую печатъ и гербъ на свидетельство яснѣйшее выразили есмо лодь съ жаглемъ розказали вызваляючи тыхъ подданныхъ нашыхъ пререченого Места Липского од вшелякихъ правъ земскихъ Великово княжества Литовского и звычаевъ посполитыхъ которое право Магдебургское звыкли залюдняти выймуячи тежъ обыватели того Места и передъ мѣщаны теперешные и на потомъ будучые тымъ Листомъ нашымъ на часы вечные отъ зверхностей вшелякихъ (всякихъ властей) всѣхъ и каждаго

зособно Великого Княжества Литовского Воеводъ, Каштелановъ, Старостъ, Державцевъ (владѣльцевъ), Судей, Подсудковъ, Урядниковъ и Намѣстниковъ всякихъ такижъ перед ними албо которомъ зихъ зособна а речы (дѣла) такъ великие, яко и малые и выступъ якиколвекъ (какой нибудь) стояли албо одповедали и для прыказанія котороколвекъ правного жадныхъ (никакихъ) винъ платити не будутъ повинни — одно передъ Войтомъ того Места теперь и на потемъ будучымъ которые од насъ водлугъ потребы подааванъ быти маетъ и передъ Бурмистромъ з посредку себе водлугъ (по) обычаю инныхъ Местъ Великого княжства Литовского обранымъ и постановленнымъ правомъ Магдебургскимъ а водлугъ поступку и захованія (сохраненія) того права одповедатъ (отвѣчать) и справоваться (руководствоваться) маютъ то естъ передъ войтомъ и лавниками тогожъ Места прысяглыми и водлугъ часу будучы миречы доткливые (дѣла оскорбительныя) и кровавые яко то злодейство (воровство) мужебойство за члонкахъ (членахъ) охромене (увѣчье) о поджогу, и о инные вшелякіе (всякіе) речы и о выступки (преступленія) злосливые суду Войтовскому належачые а передъ Бурмистромъ и радцами того Места речы и справы вшелякіе поточные которые суду Бурмистровскому и Радскому належатъ — каждому жалобливому (жалующемуся) тежъ того Места Обывателемъ яко и посторонньмъ особомъ одповедати будутъ повинны даючи и позваляючи Войта з Лавниками; а Бурмистра з Райцами в Месте передреченомъ водлугъ часу (времени) уставленнымъ, маетъ и зверхности (власти) вшелякіе таковые справы (дѣла) до Люду ихъ припалые слухати и узнавати, судити, сказывати (осуждать) карати ведле поступку и сего права Магдебургского мочни, сего листу нашого а всимъ посполъ (вмѣстѣ) такъ того Места нашого Липска Обывателемъ яко тежъ посторонним особамъ ко-

торые бы колвекъ сказняніе и Декреты (рѣшенія) преречоныхъ Радъ Места поменоного, обтежливымъ были розуметы, вольно маетъ быти од сказни и Декретовъ ихъ од державцы (владѣльца) Липского, теперъ и на потомъ будучого одложивши до скрынки (сундучка) Местское водлугъ повинности права Магдебургского копа грошей апеллевати, а потемъ од суду державцы и декретовъ его разей вшелякихъ судовныхъ до насъ и до Суду нашого естлибы было потреба одзывати на которы урадъ Бурмистровски в томъ месте человекъ побожны и в праве Магдебургскомъ умѣентны (знающій), а в томже месте оседлы з чотырохъ особъ посполитого чоловека, а черезъ тыхъ мещанъ Дзѣржавцы нашому Липскому оказаныхъ звѣрхности нашое, одинъ черезъ тогожъ Дзѣржавца нашого теперъ и на потомъ будучого уставлены быти маетъ; такъ тежъ Войта чоловека побожного и умѣентного на которого судъ справъ доткливыхъ прыпадати маетъ, Мы на томъ ураде ужыванію и обыходе звыкломъ Войтовскимъ особливымъ Листомъ нашымъ до жывота каждого зособна албо давали нашое потвержати и заховати з грунтами (землями) на Войтовство належачыми которыхъ грунтовъ о волокахъ не большъ одно (лишь) двѣ волоки маютъ быти и зевшелякою (со всякою) власностію (собственностію) обѣцуемъ (обѣщаемъ), надъто хотечы Мы тымъ подданнымъ нашымъ Купцомъ и вшелякимъ Ремесленникомъ также иннымъ обывателемъ и передъ мѣщаномъ того места Липска шчедрейшею (болѣе щедрую) ласку (милость) оказали постановить есьмо умышлили в томъ месте четыры ярмарки дорочные (въ году) то естъ, первшы на день трехъ королевъ (Богоявленія), други на день святого Войтеха по великодню (по Пасхѣ) трети на день Апостоловъ святыхъ Петра и Павла, четверты на день Симона и Іуды,—а тыденный (недѣльный) торгъ на каждый день четвертогъ въ кождую недѣлю обыходити и од-

правовати уставляемъ даючи мочь и владность помененымъ Мещаномъ Липскимъ прерeченые ярмарки такъ дорочные яко и торги каждое недѣли дневъ и часовъ (временъ) вы-жей описаныхъ обычаемъ инныхъ мѣстъ и мѣстечекъ нашыхъ Великого княжества Литовского обыходити и одправовати— всимъ и кождому зособна купцомъ, фурманомъ (извощикамъ) крамаромъ (лавочникамъ) перекупнемъ, ремесленникомъ ме-щаномъ селяномъ и людемъ всякого стану (званія) будучымъ до помененого места Липска на дни и на часы (времена) по-мененые ярмарковъ дорочныхъ и дней торговыхъ зо вся-кими товарами и речами (вещами) продажными прыити и прыѣхати вольно быти маетъ — и товары таковые прода-вати заменяти и наемные купецтва и гандли (торговли) зо всякими особами одкуль-кольвѣкъ (откуда бы то нибыло) прыбылыми справовати в которомъ месте Липскомъ бочку померныя в которой бы были чотыры корцы меры краков-ское надоптаную встрыхъ вольную ку вымерыванію всякого збожа (хлѣба) обывателомъ тогожъ места Липска прывлаща-емъ и прыписуемъ о таргoвое меское также од иншыхъ вше-лякихъ речей куплей и товаровъ которыми колвекъ прозвиски названыхъ на кождый тыждень въ каждый четвертокъ веч-ными часы на пожытекъ (пользу) нашъ маетъ быти выби-рано од таковыхъ людей которые на торгъ з товары сво-ими прыѣзжати будутъ окромъ мещанъ которые од торговаго речей купецкихъ маютъ быти вольны, ведле (согласно) обы-чаю иншыхъ местъ нашыхъ упривилиованыхъ.—Которому прерeченому Месту Липску и обывателямъ іего всимъ кгрун-ты (земли) месткие, то естъ в волокахъ, селискахъ, ого-родахъ моргахъ, заставахъ сеножатахъ лесахъ и иншые которые колвекъ посполитые з тое новые померы черезъ выжей мeнованого ревизора нашого, на то вселоного тому Месту назначоные и приданые, яко же в должъ и вширы-ню в межахъ и вграницахъ своихъ стегают нынѣйшимъ

прывилеемъ нашымъ потвержаемъ, приписуемъ и привлащаемъ (усвоиваемъ) имъ самымъ и потомкамъ ихъ на всякіе потомные часы, обычаемъ иншыхъ местъ нашыхъ упрывилеваныхъ держати, а еслибы кто кгрунты якие месткіе з становъ (чиновъ) нашыхъ были заняли и месту отошли, або если на темъ купотребѣ нашей болшъ кгрунтовъ тыхъ месткихъ отведетъ, то тогды преречоному (сказаному) месту таково ниже кгрунтовъ и такъ у того, яко отведетъ одмену слушную (справедливую) водле уставы нашее на иншымъ местцу кгрунты нашымъ на таковой же повинности месткой державцы нашому Липскому оддати и выполнити розкажемъ; з которыхъ кгрунтовъ месткихъ тымъ способомъ черезъ насъ тому месту приданыхъ и приписаныхъ мещане пререченые кажды з нихъ вси чынши и вшелякіе доходы копщизны и иншые повинности водле уставъ нашыхъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ черезъ насъ уставленныхъ скарбу нашому належащые звыклымъ обычаемъ во кождомъ року платити и полнити будутъ повинни которые то вси доходы чыншы месткие Войтъ з лавниками места помененого выбирать и до державцы нашого Липского-оддавать а на то квиты (квитанціи) одбирать маетъ. Вшакожъ (впрочемъ) абы тымъ способнѣй потребы своего места опатровалъ Ратушъ будовати а в улицахъ на гостинцахъ (большихъ дорогахъ) завартѣ (заставу) почыняти и иншие потребы месткие опатровати (исполнять) и сами тожъ домы свои добре будовати за унижоною прозбою ихъ з ласки нашое плаченіе пругового (саженное) з плацовъ домовыхъ месткихъ всимъ обывателомъ места пререченого Липска на пожитокъ (пользу) ихъ посполыти (на общую ихъ пользу) одпустити есмо и даровати тымъ листомъ нашымъ такъ же з нихъ ничого платити небудутъ винни вѣчными часы; а штосе дотычетъ (касается) дому Гостинного которы тые же подданые збудовати (выстроитъ) маютъ и будутъ повинны въ

томъ месте Липску коштомъ и накладомъ своимъ на прыѣздъ людей купецкихъ збудовати тотъ домъ гостинны кромѣ даванія всякихъ платовъ и доходовъ до скарбу нашего вольны вечными часы быти маетъ выймуючые (за исключеніемъ) только то еслибы въ томъ дому Гостиномъ шынкъ або корчма была, тогды копщина (пошлина съ выручки за продажу) и чоповое (винокуренное) потомужъ яко и од иншыхъ корчемъ платили и давати будутъ повинни бровары и котлы до сыченія медовъ до варенія пива и паленія горелки также и солодовни каждому з тыхъ подданыхъ нашыхъ липскихъ въ дому своемъ вольно мети будетъ надто на туюжъ потребу а пожытокъ посполиты поменонаго места нашого дати есмо обывателомъ его и прывилеемъ тымъ нашымъ даемъ доходы и пожытки вси, з лазни (бани) з ваби, з постригальни, одъ ятокъ (лавокъ) сольныхъ и хлѣбныхъ которе собе мещане въ месте збудовати (построить) маютъ вечне и на веки — которая лазня для безпечности од огня на стороне за ведомостию ураду двора нашого Липского маеть быти збудовано, и уставляемъ абы жаденъ (никакой) мещанинъ въ томъ месте лазни особливыхъ пры домахъ своихъ мети несмелъ але одна лазня посполитоя быти маетъ, ктому всихъ мещанъ нашыхъ Липскихъ одъ толокъ (поголовная барщина въ извѣстный день года) кгвалтовъ (тожъ) вольныхъ мети хочемъ вынявшы (исключая) власные (собственные) потребы нашы гдыбы для розерванія ставовъ гребель (во случаѣ разрыва прудовъ и плотинъ) нашыхъ и поводъ (наводненіе) потреба вказывала (требовала необходимость) уставуемъ тежъ особливе не хотечы и въ томъ перканы (заборы) тому месту нашему допускати и нигде по гостинцахъ (большихъ дорогахъ) около того места будучыхъ на кгрунтахъ (земляхъ) такъ нашыхъ яко и шляхецкихъ карчмы въ мили быти немаютъ пры томъ уставуемъ и то мети хочемъ абы шляхта бояре люди слу-

жебные которого колвекъ стану которые впродреченномъ месте нашомъ Липску оседлости свои маютъ и мети будутъ, звлаща (вособенности) которые бы особливыми листы нашыми з повинности местское вынятые не были в таковыхъ своихъ оселостей посполъ (вмѣстѣ) зо всими мещаны поменеными подъ правомъ и Юрисдикціею местскою одповедали и всякіе повинности местке звыклые полнити зглядомъ (въ уваженіе) тое таковое ласки од насъ тому месту Липску показаное в рынку и в улицахъ местскихъ на речкахъ болотахъ и индей где бы колвекъ потреба была мостить и бруковатъ (тоже мостить), надто (сверхъ того) ратушъ на рынку того места своимъ накладомъ (коштомъ) збудовати (построить) дороги гостинцы около места въ тымже кгрунте ихъ власномъ местскомъ положоные своимъ коштомъ напрововати будутъ повинни, а подъ тымъ Ратушомъ около ратуша которы черезъ нихъ будетъ збудованъ на посполиты пожытокъ того места маетъ быть вольно крамницы (лавки) побудовати для складу и продавання всихъ товаровъ крамныхъ з которыхъ то коморъ таковыхъ чыншы доходы черезъ урадъ помененаго места выбѣраны и на посполиты пожытокъ местки оборочоны быти маетъ а для безпечности одъ огня солодовни и бровары (винокуренные заводы) на сторонѣ одъ места маютъ быти будованы кто ма (имѣетъ) для тоежъ небеспечности (опасности) огновое абы вси мещане и кажды зособна въ томъ месте нашомъ, комины (трубы) мурованые (каменныя) або добре опатроные (хорошо устроеные) мети, повинность на нихъ тою вкладаемъ, а ижбы тымъ снаднѣй (лучше) потребомъ того места нашого догодити могло з ласки нашое господарское за чоломбитіемъ всѣхъ тыхъ мещанъ нашыхъ Липскихъ позволили есмо и симъ листомъ нашымъ позволяемъ в томъ же месте нашемъ Липскомъ складъ соли рекою Бобру до места нашого Липска з места нашого Гонендзкаго прыходячое мети вечными ча-

сы што всѣ и каждое разъ зособна въ своихъ артыкулехъ и пожиткахъ можно имъ ховати сами за себе и за потомки нашие королей ихъ милости польскихъ и великихъ князей литовскихъ тымъ листомъ прывилеемъ нашымъ ховати обецуемъ (хранить обѣщаемъ) на вечне часы и на то дали есмо имъ сей нашъ листъ подписавши его рукою нашою господарскою до которого есмо и печать нашу прывесити розказали. Писанъ во Городне лета Божего нароженя тысяча пятсотъ осмдесятого месеца Декабра осмого дня подпись руки господарское.

Stephanus Rex.

М. П.

Венцлавъ Агрыпа писарь.

№ 16-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Записка о сожженіи поляками и уніатами въ м. Ольшанской жителя м. Млієва Данила Кушнира за несогласіе его на унію противодѣйствіе оной. 1766 г. октября 24.

Губерніи смѣлянской, въ мѣстечку Мглѣевѣ жилъ Даніилъ Кушниръ, который за вѣру православную каѳолическую грекороссійскую по нижеписанному пострадалъ. Сдѣлано сіе описаніе октября 24 дня въ каѳедрѣ переясловской.

За Днѣпромъ, въ коронѣ польской, находящіеся священство и народъ издревле содержали по всѣмъ обря-

дамъ христіанскимъ православное, восточное грекороссійское исповѣданіе и принадлежали иные къ кіевской, а другіе къ переясловской православнымъ епархіямъ. Между тѣмъ, хотя отъ римлянъ и уніятовъ крайне насилуемы были къ римскому и уніатскому закону, и хотя нѣкоторие изъ священства и принуждены къ тому, однако православный народъ и до нынѣ ненарушимо содержалъ и содержитъ православное, грекороссійское исповѣданіе.

И сего 1766 году, какъ прочіе въ полской области находящіеся православніи народи, въ томъ числѣ и губерніи смѣлянской, мѣстечка Мглѣева, церкви Успенія Пресвятыя Богородицы прихожане будучи насилуемы отъ уніатовъ къ уніи и паче возревновавъ по благочестіи, минувшаго марта мѣсяца послѣднихъ чиселъ, во вторую недѣлю святаго великаго поста, согласясь всеобще, начали совѣтовать приходскому своему священнику Василію Гдишицкому, чтобы онъ единогласно съ ними обѣщался содержать благочестіе цѣло и ненарушимо, и надлежалъ бы къ епархіи переясловской, и то присягою утвердилъ; однако онъ Василій, будучи отъ уніатскаго архіерея рукоположенъ и придержуясь своего уніатскаго закона, не только на оній тѣхъ прихожанъ совѣтъ склонятися не похотѣлъ: но еще удобь возможного старателства прилагалъ, чтобы и прихожанъ къ своей уніи привратить. А именно: первое ихъ самихъ разнообразно бранилъ, потомъ православныхъ архіереевъ непотребными словами поносилъ, а наконецъ и православной грекороссійской вѣры исповѣданіе хулилъ и уничижалъ. Но за Божіею помощію ничѣмъ правовѣрныхъ одолѣть не могъ; а напротивъ того благочестивіе прихожане оніи, видя его яростію распаленна и таковому ихъ совѣту крайне неблагодарна, не пожелавъ имѣть его у себе приходскимъ священникомъ, усовѣтовали не допустить его къ своей

приходской церквѣ; а собрався всѣ обще въ церковъ, какъ одѣяніе священническое, такъ книги и сосуди церковніи, оставя одну только гробницу, съ святыми дарами на престолѣ стоящую, всѣ позабирали и въ сундукѣ, нарочно для того сдѣланномъ, замкнули; и потомъ, не смѣя оной гробници, будучи простолюди, коснуться, совѣтовали, какимъ бы образомъ оную гробницу взять и также спрятать. Между тѣмъ тамошній млѣевскій атаманъ, по имени Кирикъ, а прозванія неизвѣстнаго, вѣдаючи изъ тѣхъ прихожанъ одного человѣка, лѣтами уже не млада, благоговѣйна къ Богу, во всемъ безпорочна, надъ всѣми же тыми искренняго и первѣйшаго ревнителя ко благочестію, именемъ Даніила Кушнира, съ согласія общаго, приказалъ ему, яко старѣйшему человѣку, гробницу оную взять съ престола; чему оній Даніилъ повинуясь, со страхомъ и благоговѣніемъ приступилъ къ престолу Божію и предъ престоломъ положилъ три поклона до земли, и завѣсою церковною руки обернувъ, взялъ оную гробницу съ престола, благоговѣйно постановилъ въ показаномъ же сундукѣ между означенними оними вещами, спряталъ въ комору, на которой колокольня здѣлана. Однакъ оній уніатъ Василій и потому не толко не преклонился, но еще въ болшее развращеніе пришедъ, не имѣя въ сердцѣ своемъ страха Божія и не могши онымъ прихожанамъ ничего сдѣлать, возъимѣлъ злобу на помянутаго старика Даніила, и говорилъ ему въ глаза: какъ ты отважился гробницу съ престола взять, такъ я сдѣлаю тебѣ то, что больше на свѣтѣ жить не будешъ. А сказавъ тое, заразъ поѣхалъ въ мѣсто Смѣлу до отца своего, смѣлянского жителя, протопопа мошенского и черкасского, Аѳанасія Гдишицкаго, уніата, а изъ прежнихъ прошедшихъ еретиковъ еретика и гонителя на

вѣру православного народа, и тамо ему ложную занеслъ жалобу, что якобы оній Даніилъ съ гробницею въ корчму ходилъ и оною пилъ горѣлку, а съ горѣлкою и частки святыхъ даровъ повиповалъ. Оній же Даніилъ какъ оставилъ горѣлку пить, семь годовъ уже тогда миновало. Что оній Аѳанасій Гдишицкій отъ сына своего когда вислушалъ, заразъ распалился гнѣвомъ, и немедленно пошли оба къ тамошнему смѣлянскому губернатору Вонжу съ прошеніемъ о учиненіи оному бѣдному старику сатисфакціи; который губернаторъ, по настоятельств оныхъ безчеловѣчныхъ уніатовъ, заразъ повелѣлъ взять его подъ караулъ и заковать въ желѣза, что вдругъ и учинено; а заковавъ, отдалъ его въ замокъ смѣлянскій, гдѣ и содержанъ былъ съ вышеписаннаго марта мѣсяца сего года до іюля мѣсяца первыхъ чиселъ подъ карауломъ. Между тѣмъ множество православнаго народа, видя оного старика невинно, по ложнымъ доносамъ, страждущого, и соболѣзнуя объ немъ, первѣе прошеніемъ убѣждали оного протопопа объ отпускѣ его свободна; но какъ по тому ихъ прошенію ничего не успѣли, то оній народъ, сложивъ нѣсколько денегъ сумми, взонамѣрились было его откупить. Однакъ онъ Гдишицкій, видя оного народа столко за нимъ соболѣзнующа, точію отказалъ сіе: ежели на унію пристанетъ, то отпущенъ будетъ; а ежели нѣтъ, то казненъ будетъ смертію. Когда жъ благочестивіе люди таковіи его Гдышицкаго немилосерднии рѣчи оному, Христа ради и вѣры Его православной, страждущему старику Даніилу обявили на разсужденіе; то онъ не только не пожелалъ самъ приставать на унію, но еще и тому православному народу совѣтовалъ крѣпко и ненарушимо содержать православное грекороссійское исповѣданіе; и просилъ при томъ ихъ, чтобы уже больше объ немъ не просили, сказуя; я готовъ за вѣру

православную и умрети, а на унію пристать не хочу. Что оній Гдишицкій видя, не могши чѣмъ бы его Даніила склонить къ своей злопротивной уніи, разъярился немилосердною яростію; не чувствуя въ сердцѣ своемъ страха Божія, велѣлъ его, за согласіемъ и совѣтомъ показанного губернатора Вонжа, провадить къ стоящему на Украинѣ близъ мѣстечка Олшаной обозу, и тамо за прибитіемъ заразъ писать декретъ на оного старика невинного, чтобъ руки ему пенькою обвертѣть и, смолою обливъ, огнемъ жегти. Что услышавъ многіе изъ тамошнихъ войсковихъ, сожалѣя о таковой оному старику бѣдѣ, стали ему Гдишицкому совѣтовать, не дѣлалъ бы онъ ему таковаго немилосердного и безчеловѣчного мученія, а наказалъ бы, ежели въ чемъ виновенъ, точію боевимъ наказаніемъ каковимъ. Однакъ онъ, будучи крайнею распаленъ яростію, не могъ отмѣнить своего безчеловѣчнаго предпріятія. И тако оный протопопъ Гдишицкій упалъ и увѣрилъ на ложное представленіе своего сына, самъ былъ на безвиннаго старика Даніила доносщикомъ, а сыновья его родные Гдишицкіе свидѣтелями, чего ни покакимъ правамъ и законамъ не дѣлается. А какъ приспѣ время ему Даніилу мученія онаго, и приступилъ къ нему единъ попъ уніатъ, хотя его исповѣдывать, то онъ, крѣпко придержуясь православной вѣры, того уніата къ себѣ исповѣдывать не допустилъ, сказуя: я васъ уніатовъ отрицаюся, ученія вашего и исповѣданія слушать не хочу, я уже на то приготовился и св. таинъ пріобщался; а вы дѣлайте надо мною, что хощете, и, проговоривъ самъ слова исповѣданія, сколько могъ знать наизустъ, отдалъ себе на волю ихъ. Въ томъ разѣ, по повелѣнію оного немилосерднаго и безчеловѣчнаго мучителя протопопа Гдишицкаго, заразъ началъ палачъ жегти огнемъ руки такъ, что оній страдалецъ отъ великой болѣзни не утерпѣлъ

и вопилъ болѣзненно, сказуя: Господи, Боже мой! что сіе мнѣ подалъ еси; воля твоя святая на мнѣ да будетъ; говоря притомъ: о Боже мой! пріими духъ мой; а потомъ, взирая на православный народъ, окрестъ его стоящій во множествѣ, съ разныхъ селъ для устрашенія старательствомъ уніатовъ согнанній, говорилъ: православніе христіане! не вѣруйте вы уніатамъ, они проклятіи, и вѣра ихъ проклятая. И какъ только руки ему обгорѣли; то многіе при томъ бывшіе тамошніе господа усумнѣваяся, есть ли на немъ вина, достойна таковаго мученія, или нѣтъ, уговаривали онаго Гдишицкаго, чтобъ оного мучившагося хотя и безъ рукъ отпустилъ, сказуя при томъ: довольно было бы съ него и такой муки. Но оній безчеловѣчный мучитель Гдишицкій, таковаго совѣта не слушая, во удовольство своей затвердѣлой и окаменненной ярости, еще доставлялъ того, чтобы оному страдальцу была и голова отсѣчена, сказуя при томъ: ежели ему головы не отсѣчете, то мнѣ отсѣкутъ, а потому и повелѣно палачу дѣлать то, что Гдишицкій приказываетъ. По какому Гдишицкаго велѣнію, когда, завязиваючи оному невинному мученику очи, палачъ сказалъ: не бойся, старичекъ! Богъ съ тобою; то оній мученикъ, при послѣднемъ уже своемъ издыханіи, говорилъ палачу: я небоюсь; а ты дѣлай то, что тебѣ велятъ. И тако и главу ему вдругъ отсѣкъ, и, отсѣкши, встромилъ на палю, и пригвоздилъ гвоздемъ большимъ желѣзнымъ посреди головы до пали; а, пригвоздивъ, пришолъ къ оному Гдишицкому и, отеръ свои руки объ полы одѣянія его Гдишицкаго, началъ требовать отъ него денегъ: заплати мнѣ за работу, что я работалъ; и потому оній Гдишицкій, вынувъ изъ своего кармана, невѣдомо сколько денегъ, и заплатилъ ему. А заплативши, наконецъ приказалъ и тѣло оного мученика сожещи, и сожжено такъ, что по сожженіи православніи люди, выривъ

ровикъ неболшой, только оставшійся пепелъ съ нѣкоторою частію костей загребли. Каковое мучителство видя приходившій для исповѣди сего мученика Даніила уломъ нѣкоторый, уніатъ, много говорилъ въ слухъ всѣмъ людямъ и войску, окрестъ тамо собравшемуся: напрасно сему человѣку таковое мучителство причинили.

И тако житель млѣевскій Данило Кушниръ отъ рукъ безправныхъ уніатовъ скончался, 1766 года, мѣсяца іюля 29 дня въ день субботній, на святаго великомученика Каллиника. По всемъ томъ безбожномъ и несправедливомъ содѣланіи и выполненію проклятомъ тиранства надъ страдалцемъ, объявленнимъ, тотъ безбожный уніатъ, протопопи уніатскаго смѣлянскаго Аѳанасія Гдишицкаго сынъ,Василій Гдишицкій, пришедъ въ домъ усопшаго страдальца жены, домагался, какъ будто по справедливости, безстыдно на сорокоустъ осьми рублей денегъ. Но показанная жена въ отвѣтъ ему сказала: сорокоустъ вашъ за душу страченного мужа моего будетъ Господу Богу непріятенъ; а когда безвинно его замучили, то уже болше нѣтъ чего вамъ дѣлать: ежели угодно, возмите еще и мене. О каковомъ его уніата Василія Гдишицкаго домагателствѣ, и что за такого душу хощетъ отправлять сорокоустъ, котораго Даніила помянутаго самъ былъ и убійцею, послухавъ рейментарь генеральный Вороничь отъ оффиціала уніата Григорія Мокрицкаго, говорилъ ему оффиціалу Мокрицкому, обличая его уніата Василія Гдишицкаго: руки его Василія въ кровь неповинннаго онаго смученнаго омоченни; и такъ не только ему Василію за его душу мши (обѣдни) отправлять, но и до олтаря и престола Божія доступать и коснуться не слѣдуетъ.

Глава же его пригвождена оставалася на палѣ (столбѣ) мѣсяца сентября до остатныхъ чиселъ, а потомъ когда взята въ ночи тамо правовѣрними, то безбожніи попи уявили

рейментарю взятіе той главы; который рейментарь Вороничъ, не вѣдая, кто ее взялъ, зыскивалъ къ себѣ онаго страдальца Даніила жену, и дѣтей, сродниковъ, и содержалъ подъ арестомъ и грозно устрашалъ, допытываясь, не взялибъ оніе, альбо не вѣдаютъ. А когда при томъ сторонные, близъ ихъ живущіе люди засвидѣтельствовали, что изъ нихъ тоей ночи никто изъ дому не выходилъ, то оніе отпущенны въ домъ.

Сего октября принесена въ Переяславль, въ катедральный, святовознесенскій переяславскій монастырь, и погребена въ катедральной переяславской церкви, за лѣвымъ клиросомъ, предъ кіотомъ пресвятыя, преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы, воплощенія Бога Слова (*въ спискѣ пропускъ*) преосвященнымъ Гервасіемъ, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

Современный списокъ этой записки заимствованъ изъ рукописной книги, озаглавленной: *Зерцало Богословія Кирилла Транквиліона* и принадлежащей помѣщику кіевской губерніи, васильковскаго уѣзда, г. Ревякину.

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго мятежа

1831-1863 г.

(*Продолженіе.*)

ГЛАВА 4.

Затишье революціонныхъ явленій.—Положеніе партій.—Эмиссары.—Симеонъ Конарскій.—Царство Польское, Познань и Галиція—Подземная дѣятельность польской эмиграціи. — Распространеніе революціонной литературы. — Сближеніе партій эмиграціи.—Князь Адамъ Чарторыйскій.

Консерваторы давали ту поддержку правительству *Людовика Филиппа*, что революціонная партія во Франціи притихла, и оправляясь отъ потерпѣнныхъ пораженій, втайнѣ питалась новыми замыслами.

Партія *Чарторыйскаго*, думая, что только европейскія государства могутъ возстановить Польшу, вела свою глухую работу и заботилась объ охраненіи польской національности и расширеніи и утвержденіи этой національности, по возможности, въ пространнѣйшихъ границахъ. Она указывала на мирный путь, внушая высокому мѣстному дворянству, платившему подати въ ламберовское казначейство, какими средствами можно достигнуть утвержденія національности, идя то прямыми, то окольными, невидимыми путями, и какъ вести корабль къ желаемой пристани, минуя подводные камни всѣхъ враждебныхъ партій эмиграціи.

Партія клерикальная, при дружественныхъ сношеніяхъ с.-петербургскаго кабинета съ Ватиканомъ, была парализирована въ своихъ дѣйствіяхъ апостольскимъ посланіемъ папы отъ 9 іюня (28 мая) 1832 года къ латинскому духовенству въ Польшѣ; это посланіе, а равно письмо *Григорія XVI* къ Императору Николаю Павловичу отъ 4 января 1834 года, которымъ ясно предъ лицемъ Европы папа высказывалъ свое желаніе чтобы латинское духовенство пребывало вѣрными подданными Государю, не были одобрительными актами, послѣ которыхъ клерикальная партія могла бы съ высшихъ слоевъ іерархіи костела, проводить идеи возстановленія Польши; потому *резуррекціонисты* и *братья св. Викентія* только глухими кознями могли возбуждать духъ готовности къ мятежу въ низшей братіи туземнаго латинскаго духовенства.

Партія *демократическая* одна не переставала неусыпно и дѣятельно вести свои приготовленія; она начала эмиссарами.

Съ замыслами *Заливскаго*, въ Царствѣ Польскомъ, нѣсколько эмиссаровъ прибыли возбуждать Литву; *Волловичъ* былъ открытъ въ гродненской губерніи и былъ повѣшенъ; пребыванія *Болевскаго* въ минской губерніи, *Коперницкаго* въ виленской обнаружились только тогда, когда они успѣли уже выбраться изъ предѣловъ имперіи.

Самый ретивый и ловкій изъ всѣхъ эмиссаровъ, присланныхъ въ западныя губерніи Россіи, былъ *Симеонъ Канарскій*. Родомъ изъ августовской губерніи, онъ служилъ въ польскихъ войскахъ во время мятежа 1831 года, съ *Хлаповскимъ* былъ въ Литвѣ, съ нимъ ушелъ, въ чинѣ капитана, за границу и въ Парижѣ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ эмиграціи. Посланный въ Англію, онъ оттуда прибылъ въ Краковъ,—мѣсто сбора охотниковъ для экспедиціи *Заливскаго* въ 1833; послѣ ея неудачи, онъ вернулся во Францію, сталъ однимъ изъ коноводовъ демократической партіи и основалъ въ 1834 году демократическій польскій журналъ: «Полночь«. Когда въ эмиграціи выработалась мысль, что слѣдующее возстаніе должно быть единовременно съ преобразованіемъ всего соціальнаго устройства, то для основы сѣти новаго тайнаго общества на новыхъ демократическихъ началахъ и для поддержанія этого настроенія въ краѣ, *Канарскій* вызвался провести это дѣло и отправился въ западный край. Онъ прибылъ туда въ концѣ 1835 года: изъ дома въ домъ, онъ объѣздилъ всѣ западныя губерніи, устроилъ въ нихъ демократическіе кружки и отдѣльно еще демократическое студенческое общество въ кіевскомъ университетѣ и виленской медико-хирургической ака-

демiи. *Канарскiй* увѣдомлялъ своихъ сообщниковъ въ Парижѣ о необыкновенныхъ своихъ успѣхахъ и высылалъ туда обильную денежную дань. 28 лѣтъ отъ роду, онъ былъ неутомимъ, вездѣ устраивалъ правильные кружки, съ предсѣдателями и секретарями, указывалъ имъ цѣль ихъ будущей дѣятельности, являлся на дворянскихъ съѣздахъ, проводилъ демократическiя идеи, необходимость пожертвованiй всякаго рода на дѣло освобожденiя *ойчизны* и, послѣ двухъ лѣтнихъ странствованiй, наконецъ былъ схваченъ въ Вильнѣ, куда прiѣхалъ на время ярмарки и контрактовъ 1838 года. *Канарскiй* былъ сужденъ и разстрѣлянъ 15 февраля 1839 года.

Произведенное слѣдствiе раскрыло частью его дѣйствiя и дѣйствiя его агентовъ и вновь навербованныхъ; въ числѣ ихъ находились многiе изъ дѣятелей, которыхъ имена встрѣчаются при литовскомъ мятежѣ 1831 года—Станислава *Шумскаго,* Медера *Кончи, Гребницкихъ*, Эдуарда и Северина *Ромеровъ.* Изъ участниковъ слѣдствiе открыло 221 лицо; мелкiе помѣщики, преимущественно изъ молодежи, чиновники, учителя, ксендзы, лекаря и множество студентовъ и писцовъ составили контингентъ, навербованный *Канарскимъ;* участвовало и нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ одна изъ неизбѣжныхъ графинь *Платеръ.* По мѣрѣ вины, уличенные были присуждены къ каторжной работѣ, къ ссылкѣ на поселенiе и въ военную службу солдатами.

Валентинъ *Звѣрковскiй,* бывшiй въ 1831 г. депутатомъ сейма отъ г. Варшавы и потомъ однимъ изъ членовъ обще-европейскаго кружка революцiонеровъ, съ своей точки зрѣнiя, смотря на благоденствiе соотечественниковъ, въ рѣчи, на слѣдующемъ собранiи демократическаго общества, между прочимъ выразился:

«Погибъ Канарскiй! эмиграцiя много заслужила предъ *ойчизной!* Съ нимъ польская нацiя оплакиваетъ и другiя жертвы; но должны ли мы считать жертвы, если мы хотимъ возстать собственными силами, и если мы сознаемъ, что силы достаточно въ 20 миллiонахъ нашего народа? Число новыхъ жертвъ ничтожно, когда вспомнимъ что 30 т. нашихъ братьевъ легло въ 1831 году. Безъ заговора *Лукашискаго, Высоцкаго, Заливскаго,* подхоронжихъ варшавской школы и академистовъ, безъ университетскихъ кружковъ въ Вильнѣ развѣ когда либо могло вспыхнуть возстанiе?»

Похожденiя и казнь фанатика *Канарскаго* подали поводъ эмиграцiи превратить его бiографiю въ цѣлый романъ, котораго, конечно, онъ былъ героемъ. Тутъ все есть: и любовь, и хлопы

со слезами на очахъ, слушавшіе его вдохновительныя рѣчи, преданность и самоотверженіе его товарищей и патріотовъ, есть русскіе шпіоны, которыхъ дурачитъ *Конарскій*, является и русскій офицеръ, глубоко, при всемъ своемъ ничтожествѣ, сознающій возвышенныя чувства и подвиги *Конарскаго*, готовый для новой дѣятельности спасти врага своего отечества, зачинщикомъ мятежа, который долженъ былъ истребить ядомъ и ночными убійствами русскихъ солдатъ и усмиреніе котораго пришлось бы обагрить снова русскою кровью; наконецъ авторъ панегерика *Конарскому* не могъ пропустить случая и не дать волю распаленной своей фантазіи и злобѣ, чтобы не создать, для назиданія Европы, цѣлое судопроизводство русскихъ, вполнѣ достойное, насъ «кровожадныхъ, изступленныхъ варваровъ.» Онъ возстановляетъ у насъ *пытки*, на которыхъ рѣжутъ людей и вливаютъ въ раны кипящее масло, и разные такіе ужасы, которыхъ не придумывала и испанская инквизиція.

Много чудеснаго въ панегирикѣ *Конарскому!* Въ суровой темницѣ вбиваютъ ему гвозди подъ ногти, а онъ разыгриваетъ на флейтѣ патріотическія мотивы; никогда доселѣ не писавъ стиховъ, онъ, по прочтеніи ему смертнаго приговора, излился длиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ и, къ довершенію всѣхъ чудесъ, поэтическое произведеніе *Конарскаго* изъ виленской темницы, вдругъ очутилось въ Парижѣ.

Казнь *Конарскаго*—«мученика-патріота», какъ его назвали, встрѣтила много сочувствія въ польскомъ обществѣ, но едва ли нарядныя, изящныя польскія пани и панны, которыя покупали колечки, будто бы выкованныя изъ оковъ *Конарскаго*, надѣли бы ихъ съ такимъ патріотическимъ умиленіемъ, если бы открылась предъ ними картина всѣхъ замысловъ и готовимая ими расправа крестьянъ, которые, по выраженіямъ рѣчей собраній въ Поатье, «въ грозномъ кровавомъ судѣ справедливаго народа, должны были потребовать у дворянства отчета въ погибели отечества, его тщеславномъ властолюбіи, своекорыстномъ любостяжаніи и продажѣ его независимости, — потребовать у пановъ отчета въ вѣковомъ »гнетѣ хлоповъ ихъ блаженнымъ невѣжествомъ и презрѣніемъ правъ братьевъ простолюдиновъ.»

Подобно тому какъ въ Россіи продѣлки эмиссаровъ были по временамъ частью раскрываемы, такъ и въ Галиціи и Познани до свѣдѣнія правительства доходило, что между поляками существуетъ подземное броженіе умовъ.

Современное состояніе областей, въ которыхъ польское дво-

рянство владѣло помѣстьями, не отбивало у эмигрантовъ охоты, отваживаться на опасныя похожденія. Напротивъ того ихъ нетерпѣніе росло при видѣ—что имъ, работавшимъ подъ маскою ревнителей народнаго благоденствія и исполнителей его затаенной и задушевной воли, съ каждымъ днемъ все становилось труднѣе найдти опору въ простолюдинахъ, за представителей нуждъ которыхъ они силились выдавать себя предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Русское правительство приняло систему строгаго преслѣдованія коноводовъ революціи. Царство Польское было занято значительными войсками, входившими въ составъ арміи, не преставашей именоваться *дѣйствующею;* фельдмаршалъ *князь Варшавскій* постоянно былъ покровителемъ крестьянъ, во всякихъ ихъ справедливыхъ жалобахъ. Пруссія съ каждымъ днемъ онѣмечивала давнишнія прежнія польскія области; сами поляки видѣли, что Силезія и Померанія для нихъ уже окончательно потеряны; только въ Познани еще нѣсколько держалась польская интеллигенція, подъ покровительствомъ вліятельнаго класса польскихъ помѣщиковъ; но проникнувшій туда германскій элементъ ежедневно усиливался; правительство, неослабно облегчало всѣ къ тому пути, да и самому населенію, при распространеніи на Познань общаго государственнаго благоустройства Пруссіи, и въ голову не приходило, когда либо съ сожалѣніемъ вспомнить о прошедшемъ времени бывшей польской неурядицы и тяжкаго ига польскихъ пановъ.

Австрійская имперія, какъ извѣстно, составляетъ сумму нѣсколькихъ разнонаціональныхъ областей; потому австрійское правительство, не имѣя основнаго достаточно-сильнаго зерна, съ которымъ могло бы идентифировать обширныя разнохарактерныя свои владѣнія и къ которому могло бы притягивать ихъ послѣдовательнымъ направленіемъ государственнаго развитія, другими путями стремилось укрѣпить за собою галиційскія владѣнія и упрочить связи пріобрѣтенныхъ подданныхъ съ царствующею династіею.

Марія Терезія, и въ особенности Іосифъ II, утвердили свое господство въ Галиціи энергическими мѣрами къ истребленію безобразныхъ слѣдовъ неурядицы рѣчи посполитой и деспотическаго своеволія ея представителей, шляхетства и латинскаго духовенства. Австрійское правительство даровало личную свободу крестьянамъ, устроило суды, на которыхъ они, равноправными гражданами, могли искать защиты, постановленіями положило ко-

нецъ произволу повинностей, за право пользованія помѣщичьею землею и, наравнѣ со всѣми гражданами, утвердило за ними право пріобрѣтать всякія недвижимости.

Народонаселеніе Галиціи представляетъ два различныя племена: жители *западной*-польскаго происхожденія, мазуры и паписты; *восточной*-русскаго происхожденія, червоноруссы и уніаты. Австрійское правительство, хотя и принадлежитъ къ западной церкви, явилось однако справедливымъ защитникомъ уніатовъ, ограждало ихъ храмы и свободу церкви отъ свирѣпыхъ насилій латинскаго духовенства, устроило семинарію, для надлежащаго образованія уніатскихъ священниковъ, и въ недоконченныхъ распряхъ за церковныя владѣнія недвижимостями между латинянами и уніатами, до того держалось строгой справедливости, что ксендзы доводили до Рима жалобы въ пристрастіи къ уніатамъ австрійскихъ властей и судовъ.

Наполеоновскія войны на время прекратили административныя работы австрійскаго правительства къ улучшенію быта крестьянскаго сословія, но, по возвращеніи Галиціи къ Австріи, она не только привела въ исполненіе прежнія предначертанія, но назначенный въ Галицію генералъ-губернаторомъ баронъ *Гауэръ* пошелъ далѣе. Вникая въ сущность теченія дѣлъ, онъ видѣлъ, что предоставленное помѣщикамъ право барщины, хотя въ установленныхъ границахъ, и право двороваго суда, для веденія хозяйства, на практикѣ были поводомъ къ великимъ и нескончаемымъ злоупотребленіямъ со стороны помѣщиковъ, потому что ближайшій надзоръ мѣстною администраціею за исполненіемъ издаваемыхъ постановленій и суды были въ рукахъ туземцевъ, а эти туземцы-поляки, своими связями и взятками, всегда являлись на сторонѣ пановъ и тѣмъ болѣе усиливали вліяніе этого сословія, столь вреднаго правительству и обществу своею традиціонною интеллигенціею.

Баронъ *Гауэръ* замѣстилъ поляковъ во всѣхъ вліятельныхъ должностяхъ чиновниками изъ другихъ провинцій Австріи, образованными и честными; въ особенности призвалъ онъ многихъ изъ развитой Богеміи. Шляхетство вѣками утвердившееся въ самообольщеніи, что оно составляетъ отъ народа особую породу, добилось того, что и народъ вполнѣ усвоилъ себѣ это мнѣніе. Если, даже крестьяне западной Галиціи, отрекались отъ названія поляковъ, называя себя *галичанинами* или *австріаками*, то легко можно судить, какое сочувствіе со стороны крестьянъ восточной Галиціи могло встрѣтить приглашеніе сдѣлаться поляка-

ми. Поляки, по народному понятію, были туземцы, члены такъ называемаго образованнаго сословія, но никакъ не мужики.

Въ будущей главѣ мы увидимъ поведеніе сельскаго населенія, когда оно было призвано положить свое сочувствіе на чашки вѣсовъ; изъ нихъ на одну были положены народныя воспоминанія, учрежденія и заботы австрійскаго правительства къ улучшенію крестьянскаго быта, на другую—торопливыя, щедрыя и запоздалыя обѣщанія шляхетства, котораго деспотическое высокомѣріе, корыстолюбивое властолюбіе, измѣну и измѣнчивость народъ изучалъ на опытѣ въ теченіи вѣковъ.

Честолюбивые строители воздушныхъ замковъ, реформаторы общественнаго устройства, своекорыстные благодѣтели человѣчества тогда на дѣлѣ могли убѣдиться, что довѣренность народа нельзя пріобрѣсть въ нѣсколько часовъ щедротами безграничной милости, которыя они ему сулили—поневолѣ, когда нужда была за плечами, а горячка исполненія ихъ желаній была въ сердцѣ и безпокойныхъ умахъ. Сами ораторы не лучше прочихъ понимали сущность своихъ обѣщаній. Практикою жизни народъ выработалъ то благоразуміе, котораго, среди распаленныхъ рѣчей, дышавшихъ местью безсильной злобы и ученыхъ фантастическихъ диссертацій, не могла въ себѣ выработать ни пресловутая польская эмиграція, ни польское шляхетство, которое она за собою вела на буксирѣ.

Эмиграція искала въ такъ называемыхъ образованныхъ вліятельныхъ классахъ первыхъ себѣ помощниковъ, но и въ этихъ классахъ находилось трудно поддающееся на демагогическія выходки сословіе консерваторовъ-помѣщиковъ, важное однако потому, что оно преимущественно располагало средствами.

Произведеніями революціонной литературы, съ ея ультра-демократическими принципами, землевладѣльцы должны были перевоспитываться; политическіе и стратегическіе трактаты въ брошюрахъ Бема и въ статьяхъ польскихъ журналовъ, особенно 3-го мая, творенія фантастическихъ перьевъ, и гнусныя, іезуитскія и варварскія правила въ сочиненіи «Партизанская война *Хржановскаго,*" должны были усвоить увѣренность въ совершенной возможности исполненія самыхъ размашистыхъ мечтаній. Но не въ средѣ польской эмиграціи могла явиться предупреждающая, здравая критика этихъ ребяческихъ учено-военныхъ бредней, тѣмъ болѣе что поляки провозгласили геніями ихъ авторовъ.

Эмиссары живымъ словомъ должны были убѣждать невѣрую-

щихъ, увлекать колеблящихся и въ толпѣ чиновниковъ, адвокатовъ, лекарей, аптекарей, студентовъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ и мелкой шляхты вербовать самихъ многочисленныхъ и усердныхъ ревнителей.

Не было сторонъ, съ которыхъ не приступали бы эммисары, чтобы традиціонную интеллигенцію высокаго шляхетства переработать въ свою пользу, искусить теоріями комунизма. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ комунизмъ проповѣдывался между мужчинами и дамами путемъ *сердечныхъ влеченій*, число *три* принято *за символическое и симпатическое число*, и тройками слагалось общество новыхъ комунистовъ. Помѣщикъ *Феликсъ Пониквитскій* и лѣкарь *Тарасевичъ* были ревностными агентами и распространителями этого общества, къ которому спустились даже и аристократическіе кружки. Княгиня С. была одною изъ самыхъ ретивыхъ ученицъ коммунизма и новыя теоріи возила для распространенія въ Царство Польское. Князь, ея супругъ, по видимому сперва не очень радовался и поддавался новому ученью; по его словамъ «княгиня въ комунизмѣ сдѣлалась настоящимъ профессоромъ; но что эти профессора погубятъ сотни три членовъ приставшихъ къ ихъ обществу; что *Пониквитскаго* и *Тарасевича* давно было надо посадить на цѣпь.». Но стараніями помѣщицы Яг. онъ и самъ съ помѣщикомъ Яномъ Шв. попалъ въ тройку общества, правда не первоначальнаго, но раскола *женскаго комуническаго общества*, съ нѣкоторыми измѣненіями первоначальнаго статута, произведенными г-жею Яг.

Польская эмиграція считала Галицію самою удобною страною для начала возстанія, къ образованію корня мятежа. Тамъ, вблизи вольнаго города Кракова, демократическія ученія усердно были прививаемы учащейся молодежи, жаждущей, по обыкновенію, избавиться отъ власти настоящихъ наставниковъ, и съ этой точки зрѣнія смотрѣвщихъ на правительство; кромѣ воспитанниковъ они обработывали городское сословіе, къ нимъ склонялись и дворяне, съ одной стороны недовольные стѣсняющимъ ихъ австрійскимъ правительствомъ, а съ другой подстрекаемые великими планами и краснорѣчивыми доводами эмиссаровъ въ каждомъ кружку ловко умѣвшихъ, въ призывы къ патріотизму и возстановленію прежней славы и могущества Польши, вплетать демократическія тенденціи, на сколько эти вводныя предложенія не препятствовали бы замышляемому дѣлу. Случались дивныя встрѣчи двухъ посвященныхъ—однимъ и тѣмъ же эмиссаромъ. Одинъ утверждалъ, что всѣ прокламаціи демократической партіи собствен-

но необходимы для господствующаго общественнаго мнѣнія и поддержанія сочувствія въ революціонерахъ Европы, а другой—что въ новосозданной Польшѣ должны исчезнуть и богачи и магнаты, и что послѣдуетъ такой общественной переворотъ, вслѣдствіе котораго только оказанныя ойчизнѣ заслуги дадутъ право на почести и значеніе.

Австрійское правительство давно уже и часто натыкалось на кружки заговорщиковъ. Въ 1835 году открытъ былъ такой кружокъ въ пограничной стражѣ западныхъ округовъ Галиціи, въ 1837 году въ тарновскомъ округѣ, въ 1840 въ одномъ пѣхотномъ полку и между студентами и семинаристами Львова.

Правительство, въ невѣдѣніи всѣхъ широкихъ замысловъ европейскихъ революціонеровъ и польской эмиграціи, считало ихъ выходками пылкой молодежи и увлеченіями невѣждъ, которыя болѣе достойны сожалѣнія, нежели кары. При принятой системѣ заговоровъ, слѣдствія скоро теряли концы, а отдѣльные кружки, своею слабостью, вводили правительство въ заблужденіе и не вызывали особенно строгихъ мѣръ; все приписывалось сосѣдству буйныхъ головъ сосѣдняго вольнаго города Кракова, въ которомъ пріютилось много участниковъ возстанія 1831 года. Польское дворянство усердно работало, чтобы поддержать заблужденіе въ правительственныхъ сферахъ и корчило преданнѣйшихъ сторонниковъ правительства и друзей нѣмцамъ.

Въ 1843 году польская эмиграція положила собрать всѣхъ надежныхъ своихъ членовъ для окончательнаго разрѣшенія—кому изъ нихъ отправиться въ Польшу для рѣшительныхъ приготовленій къ возстанію; они должны были явиться съ паспортами купцевъ, купеческихъ прикащиковъ и венгерцевъ коробочниковъ, торгующихъ по деревнямъ. Вытравленные на лѣвой рукѣ знаки L. 1. 7. должны были давать средства заговорщикамъ узнавать другъ друга.

Эмигрантъ Феликсъ *Киневичъ,* одинъ изъ главнѣйшихъ ревнителей возмущенія мозырскаго уѣзда въ 1831 году, нѣсколько разъ потомъ, съ разными порученіями отъ эмиграціи, являлся тайно на родинѣ; въ 1844 году онъ прибылъ снова эммиссаромъ, подъ видомъ прикащика, нанимающаго рабочихъ въ Царство Польское; онъ возбуждалъ къ революціи минскихъ помѣщиковъ и главными его туземными агентами сдѣлались помѣщики *Оскерки* и *Еленскіе;* у нихъ стали являться безпрестанныя сборища сосѣдей, преимущественно у *Емилія Оскерки* въ Водовичахъ; особенно дѣятельны были Наполеонъ и Антонъ *Еленскіе.* Первый былъ

участникомъ бунта 1831 г.,—сосланъ на Кавказъ и потомъ помилованъ. Антонъ *Еленскій* въ лѣсныхъ своихъ дачахъ устроилъ мастерскія для приготовленія боевыхъ припасовъ, косъ, копій и т. п.; *Киневичъ* далѣе отправился на югъ, вошелъ въ ближайшія сношенія съ главноуправляющимъ имѣній графини *Браницкой* Людвигомъ *Солтаномъ* и съ помѣщиками *Горватами*.

Въ Пруссіи явились, по имѣющимся свѣдѣніямъ, эммисары Эдуардъ *Дембовскій*, перешедшій потомъ въ Царство и за тѣмъ въ Галицію подъ именемъ *Барковскаго*, Завиша *Черный* и *Лечинскій*. Въ Литвѣ изъ главнѣйшихъ мѣстныхъ агентовъ были лѣкарь *Реніеръ* въ г. Вильнѣ, Людвигъ *Яснинскій*, монахъ доминиканъ и Іосифъ *Скибинскій* ксендзъ пробощъ, въ губерніи.

Если демократы эмиграціи предполагали что среда, которая въ Галиціи даетъ наибольшій контингентъ для возстанія, можетъ быть обработана ксендзами, рѣчами, обѣщаніями эмиссаровъ и катихизисами; то въ Познани они видѣли, что помѣщичье сословіе, сохраняя наиболѣе польскаго элемента, можетъ быть обрабатываемо только другими путями. Кромѣ старанія привлечь на свою сторону женщинъ, имъ было необходимо обратить особенное вниманіе на облегченіе средствъ къ распространенію въ польскомъ обществѣ произведеній революціонной литературы. Закупить книгопродавцевъ, особенно еврейскаго происхожденія, которыхъ нельзя было приманить другими средствами, было особенною ихъ заботою. Главнымъ агентомъ въ этомъ дѣлѣ сталъ книгопродавецъ *Стефанскій*, въ Познани. Въ тюкахъ ему доставляемыхъ книгъ являлись всѣ произведенія демократическихъ перьевъ. Оставляя достаточный запасъ для мѣстныхъ потребностей, онъ отправлялъ остатокъ далѣе, который этимъ путемъ изъ Парижа, Лондона и Брюсселя, чрезъ Познань, шелъ для сбыта въ Галицію и русскую Польшу. Въ послѣдней пограничные ксендзы, разъѣзжая съ св. дарами, особенно занимались перевозомъ чрезъ границу мимо таможенъ брошюръ революціонной литературы. Для русскихъ поляковъ, евреи изъ Познани, въ большихъ сундукахъ, довозили книги до границы, а перевозомъ чрезъ границу особенно занимались ксендзы Феликсъ *Вышинскій* и *Густовскій*. Они разсылали книги далѣе—по монастырямъ и костеламъ. Въ одномъ монастырѣ августиновъ было найдено, въ 1846 году, одной только „*Партизанской войны*“ *Хржановскаго*,—весьма не назидательнаго для духовенства чтенія,—29 экземпляровъ. Монахи свалили вину на отца библіотекаря *Дракшевича*, а этотъ

показалъ книги принадлежавшими не задолго предъ тѣмъ умершему 73-хъ лѣтнему старцу,—отцу *Карлицкому*.

Ксендзъ *Владиславскій* изъ Ширвинтъ и ксендзъ *Мальскій* занимались дальнѣйшею перевозкою литературныхъ произведеній польской эмиграціи и частью доставляли ихъ въ г. Вильну къ лѣкарю *Реніеру*, для тайной распродажи, распространенія въ учебныхъ заведеніяхъ и для сбыта въ содержимой имъ читальнѣ. Особенная забота польской эмиграціи состояла въ достаточномъ подвозѣ ея сочиненій въ Друзгеники (Гродненской губерніи), куда на воды, на время лѣтняго сезона, съѣзжалось большое число мѣстнаго дворянства изъ Царства Польскаго и западнаго края.

Князь Адамъ *Чарторыйскій* съ своею аристократическою партіею, постоянно занятый дипломатическими интригами, утвердилъ туземную аристократію въ томъ убѣжденіи, что возстановленіе Польши можетъ совершиться только при какихъ нибудь экстренныхъ событіяхъ, которыя доведутъ Европу до европейской войны; а потому богатые землевладѣльцы не должны поддаваться ни какимъ искушеніямъ польскихъ демократовъ, держать себя крайне осторожно, дабы никакими уликами не дать повода слѣдствіямъ къ обвиненію, но выжидая терпѣливо, вмѣстѣ съ тѣмъ—всѣмъ своимъ вліяніемъ и всѣми своими средствами поддерживать польскую національность и неутомимо заботиться о ея дальнѣйшемъ развитіи. При слухахъ, долетающихъ до Парижа, востократъ преувеличенныхъ польскою молвою, о неимовѣрныхъ успѣхахъ демократовъ эмигрантовъ; при громадныхъ замыслахъ европейскихъ революціонеровъ, обѣщавшихъ всю Европу охватить пламенемъ своихъ подвиговъ,—князь Чарторыйскій поколебался. Постоянною его заботою было сохраненіе вида, что всѣ національныя стремленія въ его фамиліи находили сочувствіе и отголосокъ; какъ же было ему, при его постоянной мысли—посадить свою династію на польской престолъ, дать въ руки его противниковъ, сильное оружіе, давъ эмигрантамъ право говорить, что Чарторыйскіе ослабили національное дѣло, выведя изъ круга дѣйствія людей своей партіи.

Для князя Адама настало время полнаго торжества; всѣ партіи эмиграціи видѣли что безъ богатыхъ землевладѣльцевъ края ничего имъ не сдѣлать; представители всѣхъ партій являлись къ нему, умоляя слиться вмѣстѣ съ своими приверженцами, столь вліятельными ихъ средствами, слиться въ общихъ теплыхъ національныхъ стремленіяхъ; тогда князь Адамъ поддался и, въ надеждѣ на успѣхъ, подалъ сигналъ къ единодѣйствію; по его

мановенію *Замойскіе*, *Моравскій*, *Равскій*, *Чайковскій*, *Быстржановскій и Вильчтовскій* отправились по всѣмъ странамъ Европы, даже въ Турцію и на Кавказъ, — двинуть сторонниковъ аристократической партіи польской эмиграціи къ принятію живаго участія въ наступающихъ событіяхъ.

Извлеченія изъ журнала, «3-е мая,» помѣщенныя нами во 2-й главѣ, ясно выражаютъ, въ какую необходимость ставили—аристократическую партію пристать къ движенію—грозные для нея успѣхи польскихъ демократовъ, дабы не остаться *не у дѣлъ*, и какими путями она это движеніе хотѣла повернуть въ свою пользу. Наши извлеченія достаточно указываютъ, на какихъ основаніяхъ польская эмиграція замышляла вести мятежъ и убаюкивала себя надеждами. Признавая невозможность поднять онѣмеченное населеніе Познани, польская аристократія вполнѣ признавала крестьянъ Галиціи тупоумными хлопами, которыхъ она поведетъ, когда угодно, за собою, какъ барановъ.

Время настало, надо было найдти средства къ исполненію,— исполненіе было неуспѣшно, какъ основанное на предположеніи совершенной безмозглости въ сословіи крестьянъ. Впрочемъ не много здраваго практическаго смысла обнаружили и польскіе дѣятели; не менѣе того все дѣло характерически рисуетъ корыстныхъ іезуитскихъ дипломатовъ ламберовскаго отеля.

Польской эмиграціи было нужно поднять народъ противъ австрійскаго правительства; она почитала достаточнымъ къ тому исписанный листъ бумаги. 1845 годъ былъ неурожайный; эмиграція и это обстоятельство приняла къ свѣдѣнію. Хотя никому не воспрещается дарить свое имущество, а тѣмъ болѣе при правахъ, которыми пользовалось галиційское крестьянское сословіе,— помѣщики могли безъ всякаго разрѣшенія благодѣтельствовать своимъ подвластнымъ на сколько имъ было угодно; но умыселъ былъ не тотъ, и польская эмиграція остановилась на слѣдующей комбинаціи:

Если правительству подать адресъ о пожертвованіяхъ на которыя дворянство готово въ пользу крестьянскаго сословія, въ выраженіяхъ темныхъ, шаткихъ и неопредѣленныхъ, то, во первыхъ, потребуется извѣстное время для приведенія дѣла въ ясность, и при позднѣйшемъ исполненіи землевладѣльцы съумѣютъ сохранить свои интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство будетъ вправѣ сказать крестьянамъ: «Мы хотѣли вамъ помочь, просили разрѣшенія, даже писали въ Вѣну, но императору не до васъ.» Съ одной стороны польская эмиграція надѣялась захватить въ

руки сильное оружіе для подстреканія крестьянъ къ бунту, а съ другой стороны, предъ лицемъ Европы, она могла выставить все великодушіе и добрыя намѣренія своихъ туземныхъ собратій. Этотъ замѣчательный документъ дѣйствительно былъ, послѣ неудавшагося мятежа, напечатанъ въ 1846 году въ числѣ обвинительныхъ актовъ австрійскаго правительства, и нельзя не замѣтить, что все то, о чемъ адрессъ силится умолчать, все то что въ немъ шатко, не опредѣленно, то ясно выговорено въ заглавіи, подъ которымъ адрессъ появился въ газетахъ.

Приведемъ заглавіе: *Прошеніе галиційскихъ дворянъ императору Фердинанду 1-му о дозволеніи дворянамъ и землевладѣльцамъ даровать крестьянамъ полную свободу и собственность, дабы предупредить будущія катастрофы.*

Помѣщаемъ для полноты и самое это пресловутое прошеніе:

Леопольдштадтъ, сентября 26 дня 1845 года.

«Ваше Величество. Прошедшій годъ, столь пагубный непогодами, нанесъ много ущерба работамъ и землепашцамъ; наводненія истребили ихъ средства и поселили опасенія за будущее; въ истекающемъ году сборы были посредственны, урожай картофеля еще не извѣстенъ, нищета ростетъ и распространяется по всей странѣ; во многихъ мѣстахъ градъ побилъ посѣвы, и моровая язва истребляетъ скотъ; въ горныхъ мѣстностяхъ долины пострадали и бѣдные крестьяне безъ крова, безъ одежды, безъ скота и безъ лошадей. Тѣ, которые своимъ многолѣтнимъ потомъ орошали землю предковъ, разсѣеваются и просятъ милостыню; сбереженные запасы истощаются, на будущее надежды мало, впереди дороговизна и голодъ.»

«Въ виду этихъ страшныхъ и общихъ бѣдствій, ваши вѣрные подданные всегда готовы приносить всѣ пожертвованія, о которыхъ упоминается въ вашихъ сообщеніяхъ. Дворянство для себя ничего не проситъ; но оно настоятельно проситъ о скорыхъ и дѣйствительныхъ пособіяхъ крестьянамъ, наиболѣе пострадавшимъ. Всенижайше мы представляемъ это обстоятельство разрѣшенію вашего императорскаго и королевскаго величества. Пособія, которыя могутъ быть временно выданы правительствомъ, будутъ нами поддержаны со всевозможнымъ усердіемъ; а эти пособія могутъ быть легко вознаграждены въ скоромъ будущемъ, при новыхъ урожаяхъ. Ваше величество! новымъ благодѣяніемъ увеличьте вашу заботливость.»

«Мы особенно ожидаемъ счастливыхъ послѣдствій для страны отъ мѣры, клонящейся окончательно установить положеніе кре-

стьянъ и ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ и благодаримъ ваше величество за дозволеніе особой коммисіи выборныхъ изъ дворянъ разсмотрѣть и сообразить это дѣло.»

„*Мы далеки отъ мысли посягнуть на чью бы то ни было собственность или на права, законно пріобрѣтенныя!* Мы не хотимъ возбуждать ни опасеній, ни надеждъ, которыя нарушили бы правильное управленіе всѣхъ поземельныхъ собственностей, уменьшили бы производительность и угрожали бы общественному спокойствію; напротивъ того, желаніе дворянства—дать новыя гарантіи всѣмъ правамъ, устранить тѣ затрудненія, которыя парализируютъ право пользованія и тѣмъ дать возможность на будущее время къ *полюбовнымъ* соглашеніямъ, между помѣщиками, и крестьянами, имъ подвластными. Слѣдствіями подобной мѣры будутъ улучшеніе быта, общее для всѣхъ увеличеніе народнаго богатства и устраненіе всякихъ причинъ и предлоговъ, даже и *къ нетерпѣнію,* котораго устраненіе утвердитъ вполнѣ общественное спокойствіе.»

«При всемъ томъ коммисія чувствуетъ себя недостаточно уполномоченною для исполненія своихъ желаній. Въ доказательство общаго чувства нужды и настоятельной потребности этой мѣры и средствъ къ ея исполненію, просимъ ваше величество обратить вниманіе, что подписавшіе этотъ адресъ—преимущественно помѣщики и число подписей гораздо значительнѣе противъ обыкновеннаго.»

Не зная этихъ подписей, мы можемъ обратить наше вниманіе только на то, что газетное заглавіе не клеится съ адрессомъ, что помѣщикамъ предъ мятежемъ очень хотѣлось пособіями отъ казны увеличить мѣстныя средства, и что друзья человѣчества, писавшіе адресъ, послѣ столь чувствительнаго изображенія народнаго бѣдствія, избрали именно это время для мятежа, а всѣ деньги, ими такъ щедро разсѣянныя на затѣи эмиграціи и ея дипломатическія закупки и подкупки, на ея литературную дѣятельность, на заготовленіе оружія и всякихъ воинственныхъ военныхъ снаряженій,—не употребили дѣйствительно на помощь, по ихъ словамъ, столь нуждавшихся хлоповъ.

ВИЛЕНСКІЙ КАѲЕДРАЛЬНЫЙ ПРОТОІЕРЕЙ ИППОЛИТЪ ГОМОЛИЦКІЙ.

Протоіерей Ипполитъ Гомолицкій родился въ 1804 году, Слонимскаго уѣзда въ селѣ Бялавичахъ, гдѣ имя его родителя (отца *Льва*), управлявшаго этимъ приходомъ около 50 лѣтъ и воспитавшаго въ духѣ св. вѣры, любви и страха Божія не одно поколѣніе, хранится доселѣ въ признательной памяти и молвѣ народа. Покойный о. Ипполитъ былъ младшимъ изъ трехъ братьевъ и, кажется, самимъ младшимъ въ семействѣ. Это неравенство возраста попрепятствовало ему обучаться одновременно съ старшими братьями, и какъ для него, такъ и для убогаго отца могло назваться по истинѣ неблагопріятнымъ; потому что оба старшіе брата, надѣленные отъ природы рѣдкими способностями и трудолюбіемъ, вскорѣ сами проложили для себя дорогу и отличились каждый на своемъ поприщѣ. Оба они воспитывались въ жировицкомъ, бывшемъ тогда на степени гимназіи, училищѣ. Впослѣдствіи, старшій,—*Михаилъ* поступилъ въ виленскій университетъ на факультетъ медицинскій, столь справедливо славившійся именами своихъ знаменитыхъ профессоровъ; здѣсь обратилъ на себя особенное вниманіе *Осипа Франка* (сына), и, еще будучи ученикомъ, не рѣдко употребляемый въ качествѣ доцента, вслѣдъ за окончаніемъ полнаго курса, опредѣленъ *адъюнктомъ*, а потомъ и профессоромъ *физіологіи*. Какя—то, общая всѣмъ членамъ этого семейства, чрезмѣрная, если такъ выразиться можно, совѣстливость, удерживала во всю жизнь профессора Гомолицкаго отъ медицинской практики; но его удивительная начитанность и глубокія познанія по всѣмъ отраслямъ наукъ равнялись только скромности и той всегдашней готовности, съ какою до самой своей кончины (въ 1861 году) расточалъ онъ эти сокровища всѣмъ прибѣгавшимъ къ его совѣтамъ. Вильна лишилась въ немъ еще лучшаго безспорно знатока своей старины и исторіи края. Второй братъ покойнаго протоіерея *Игнатій* (рановременно скончавшійся) посвятилъ себя духовному званію. Онъ былъ членомъ д. консисторіи, брестскимъ каноникомъ (протоіереемъ), весьма замѣчательнымъ по времени проповѣдникомъ и человѣкомъ общеуважаемымъ по возвышенности и благородству характера. Молодой Ипполитъ оканчивалъ жировицкое училище именно въ то время, когда его братья пользовались уже вполнѣ заслуженною лестною извѣстностію. Сначала, по видимому, обѣ избранныя

ими дороги являлись ему въ равной мѣрѣ привлекательными. Отправившись, по вызову старшаго брата, въ Вильну и прослушавъ нѣсколько университетскихъ уроковъ, въ томъ числѣ и своего краснорѣчиваго брата, *Ипполитъ* возъимѣлъ—было мысль записаться по медицинскому факультету. Профессоръ Гомолицкій, не поощряя вовсе этого намѣренія, предоставилъ, однакожъ, брату нѣкоторое время для самоиспытанія. Вскорѣ оказалось , что выборъ ни какъ не соотвѣтствовалъ слишкомъ воспріимчивой чувствительности и душевному настроенію молодаго человѣка. Съ каждаго почти урока выносилъ онъ постоянно возрастающее убѣжденіе въ ненадежности своего здоровья и отчаянномъ состояніи всего организма. Воображаемыя эти опасенія не смущали, конечно, опытнаго профессора, но убѣждая его въ рѣшительной несоотвѣтственности Ипполита къ медицинѣ, заставили наконецъ заговорить съ братомъ о перемѣнѣ факультета. При изчисленіи факультетовъ и объясненіи относительныхъ преимуществъ и трудностей каждаго изъ нихъ , профессоръ Гомолицкій остановился какъ-то съ любовью и на принадлежавшей къ университету главной семинаріи, называя это заведеніе единственнымъ въ своемъ родѣ и во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Разговоръ касался собственно разныхъ факультетовъ университета, и опять сосредоточился на этомъ предметѣ: главная семинарія пришлась только такъ къ слову; а между тѣмъ оно-то именно и было словомъ призванія для молодаго слушателя. «Я не смѣлъ перебивать рѣчи брата,—разсказывалъ намъ впослѣдствіи покойный протоіерей,—но и не могъ далѣе слушать; потому что мыслію переносился то къ моему милому старику (отцу), то къ брату—Игнатію, воображая себѣ, какъ ихъ обрадую, явясь во время вакаціи уже въ семинарской тогѣ [1]) и съ готовою проповѣдью къ нашему храмовому празднику.»

Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдъ за тѣмъ (въ 1823 г.) Ипполитъ поступилъ въ главную семинарію сперва, кажется, на иждивеніи брата, а потомъ на вакансію кандидата отъ брестской епархіи.

Да позволено намъ будетъ, при настоящемъ случаѣ, на сколько это умѣстно въ скромной рамкѣ краткой статьи , обрисовать по крайней мѣрѣ въ отличительныхъ чертахъ устройство б. главной семинаріи. Надѣемся на извинительность подобнаго отступленія— тѣмъ болѣе , что оно какъ-то своевременно теперь,

---

1) Черная суконная ряска, съ откинутымъ воротникомъ и длинными назади, фальшивыми рукавами (les volants).

когда въ числѣ поднятыхъ и разсматриваемыхъ вопросовъ находится, какъ извѣстно, и важный вопросъ о преобразованіи нашихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Виленская главная семинарія, открытая въ 1808 г. и существовавшая до 1831 года, обязана была своимъ основаніемъ предстательству тогдашняго попечителя виленскаго университета, князя Адама Чарторижскаго: но начертаніе плана внутренняго ея состава и устройства принадлежало главнымъ образомъ ректору вилен. университета, знаменитому *Ивану Снядецкому*. Участье въ этомъ дѣлѣ высшаго духовенства выразилось какъ-то неохотно и скорѣй, сказать можно, ограничивалось однимъ только страдательнымъ согласіемъ. Причины къ тому лежали, по видимому, въ самыхъ основахъ новаго учрежденія. Оно должно было содержаться (кромѣ небольшой суммы упраздненнаго папскаго алумната) изъ ежегодныхъ взносовъ отъ всѣхъ римскихъ [1]) монастырей имперіи, по раскладкѣ соразмѣрной ихъ доходамъ, и имѣло подлежать непосредственному вѣденію университета, управляясь особеннымъ, такъ называемымъ, совѣтомъ *гл. семинаріи* (Rada), въ коемъ предсѣдательствовалъ ректоръ семинаріи. На содержаніе дома, начальниковъ, 50-ти воспитанниковъ, библіотеку и больницу опредѣлялось 15,000 рублей сер. ежегодно. Науки богословскія, въ самомъ обширномъ объемѣ, преподавались лицами духовнаго званія; но всѣ эти лица были профессорами университета, на счетъ котораго и высылались иногда для образованія за границу. Классныя залы находились и въ самомъ корпусѣ семинаріи для предметовъ спеціальныхъ (напр. для уроковъ пѣнія, обрядовъ, катехетики, новѣйшихъ языковъ и пр.) и публичный богословскій—въ особомъ флигелѣ, состоявшемъ, однакожъ, въ семинарской оградѣ, гдѣ, кромѣ воспитанниковъ гл. семинаріи и вольныхъ слушателей изъ числа городскаго духовенства, могли присутствовать на урокахъ даже и міряне. Но сверхъ богословскихъ, для воспитанниковъ гл. семинаріи обязательныхъ, еще были и нѣкоторые свѣтскіе курсы въ университетѣ, коего зданія къ счастію отстояли только въ десяти минутахъ ходьбы. На университетскія лекціи семинаристы отправлялись каждый разъ въ сопровожденіи одного изъ своихъ *префектовъ* (инспекторовъ), обязанныхъ оставаться безотлучно и во время урока. Лица эти избирались по большей части изъ прежнихъ воспитанниковъ семинаріи: но не смотря на то, что имѣли высшія ученыя

(1) И уніатскихъ—базиліанскихъ въ томъ числѣ. Ред.

степени—не рѣдко докторскую,—соревновали обыкновенно своимъ молодымъ подчиненнымъ въ тщательномъ записываніи всегда почти импровизированной рѣчи профессоровъ. Полный курсъ ученія въ гл. семинаріи полагался четырехлѣтній [1]). На этомъ основаніи, воспитанники, безъ всякаго впрочемъ различія, кромѣ постепенности уроковъ, раздѣлялись на четыре разряда, и ежегодно дѣлался вызовъ кандидатовъ, которыхъ изъ римскихъ епархій представлялось по четыре, изъ уніятскихъ же по два человѣка. Монастырямъ, столь прямымъ образомъ участвовавшимъ въ содержаніи заведенія, представлялось тоже право присылки кандидатовъ; но такъ какъ монастырскія начальства, на сдѣланныя имъ приглашенія, отозвались: что имѣютъ свои собственные вполнѣ удовлетворительные *новиціаты,* то совѣтъ главной семинаріи и не почелъ нужнымъ возобновлять впослѣдствіи подобныя приглашенія. Въ самомъ дѣлѣ, до самаго закрытія глав. семинаріи, монашествующіе всѣхъ орденовъ, какъ-то недружелюбно, почти враждебно къ ней относились: даже самый просвѣщенный и учрежденный съ цѣлью образованія юношества орденъ *піаристовъ* (Scholarum piarum) уклонялся постоянно отъ посѣщенія богословскихъ курсовъ въ университетѣ; хотя на другихъ факультетахъ перебывали многіе изъ членовъ этого ордена, отличаясь вообще замѣчательными успѣхами. Въ послѣдніе уже годы существованія главной семинаріи, Виленское городское монашествующее духовенство, какъ-бы раскаиваясь въ своемъ упорствѣ, или заслышавъ наконецъ не лестный голосъ общественнаго мнѣнія, рѣшилось имѣть своихъ представителей и на факультетѣ богословскомъ. Но изъ числа этихъ вольныхъ слушателей—чтобы не сказать гостей — только одни монахи Василіянскаго ордена являлись аккуратно, своевременно и, по Евангельскому выраженію, *въ брачной одеждѣ.* Прочіе же,—конечно слова наши относятся лишь ко времени, коего мы были очевидцами,— только нарушали спокойствіе аудиторіи своими своенравными посѣще-

(1) Бывали очень рѣдкіе примѣры, что съ согласія мѣстнаго Епархіальнаго Начальства и при несомнѣнныхъ достоинствахъ воспитанника, разрѣшалось окончившему Семинарію остаться еще на одинъ годъ, для вящшаго усовершенствованія и полученія докторской степени: но въ такомъ случаѣ, онъ подчинялся, наравнѣ съ прочими, семинарскому уставу.—Къ этому, небольшому числу *пятилѣтнихъ* принадлежалъ и Высокопреосвященный Михаилъ, нынѣшній архіепископъ Минскій и Бобруйскій, поступившій въ Глав. Семинарію одновременно съ покойнымъ прот. Ипполитомъ Гомолицкимъ.

ніями, и только смущали достоинство уроковъ своими отвѣтами.

За то науки, навѣрно, рѣдко имѣли поклонниковъ усерднѣе и истосердечнѣе воспитанниковъ главной семинаріи. Совершенно отсталыхъ между ними почти не бывало; а если и случались запоздалые, то развѣ такіе, которые, до послѣдней возможности испытавъ свои силы, съ грустью наконецъ увѣрились, что самою природою отказано имъ въ болѣе быстрой походкѣ. Да ея никто отъ нихъ и не требовалъ. Сами наставники какъ то съ разу угадывали и щадили этихъ добросовѣстныхъ тружениковъ, а далѣе ихъ забѣжавшіе товарищи, конечно, и неподумали бы попрекнуть косностію тѣхъ, на чьихъ рукахъ хранилась скрыжаль семинарскаго устава, и держалась вся лицевая сторона заведенія. Въ самомъ дѣлѣ, безъ нихъ, въ образцовой семинаріи навѣрно кое что вышло бы не такъ, по милости большинства томившагося какою то вѣчно лихорадочною жаждою науки, и нерѣдко цѣлыя ночи на пролетъ проводившаго за своими пюльпитрами. Неудивительно послѣ того, что корпусное начальство, аттестуя постоянно съ самой выгодной стороны этихъ стражей и блюстителей благочинія, называло ихъ даже самыми способными изъ числа воспитанниковъ. На этомъ пунктѣ, правда, выходило обыкновенно разнорѣчіе съ мнѣніемъ профессоровъ; но конечно обѣ стороны, по своему, былиправы.

Порядокъ времени и занятій, заведенный въ гл. семинаріи, оставался разъ навсегда неизмѣннымъ. Утромъ, въ половинѣ шестаго часа—общая молитва въ конференціонномъ залѣ; затѣмъ въ смежной съ семинарскимъ зданіемъ церкви—римская или уніатская обѣдня, въ служеніи коей чередовались помѣсячно *капелляны* (духовники) обоихъ вѣроисповѣданій; въ половинѣ 8 часа подавался въ столовой завтракъ, состоявшій завсегда изъ какого нибудь горячаго блюда; а съ 8-ми часовъ до 12-ти слѣдовали богословскіе и университетскіе уроки. Въ 12 часовъ—обѣдъ изъ трехъ, хорошо приготовленныхъ блюдъ. *Ректоръ* (Rejens) семинаріи, духовники и инспекторы раздѣляли общій столъ. Услуга при столѣ исправлялась поочередно самими воспитанниками. Во время стола читалась обыкновенно народная исторія, или какое нибудь современное замѣчательное сочиненіе,- и хотя обѣдавшіе не обязывались къ строгому вниманію, но это очередное чтеніе сопровождалось несомнѣнною пользою, потому что трибуна чтеца находилась почти возлѣ самаго стола начальниковъ, которые не пропускали даромъ ни одного варіанта, ни одной невѣрной инто-

ваціи. Съ 2 часовъ послѣ обѣда до 4-хъ, а иногда до 6-ти шли или университетскіе уроки, или вспомогательные въ корпусѣ семинаріи. Ужинъ изъ двухъ блюдъ, такимъ-же какъ и обѣдъ порядкомъ, подавался въ 7 часовъ. Затѣмъ, до половины 9-го, когда звонокъ призывалъ на вечернюю общую молитву, все время предоставлялось на домашнія комнатныя занятія. По воскресеніямъ и праздникамъ, всѣ воспитанники присутствовали и прислуживали при богослуженіи или въ университетскомъ, или въ каѳедральномъ костелѣ (въ которыхъ оканчивающіе курсъ допускались и къ произношенію проповѣдей); уніяты-же—въ дни празднуемые одною греческою церковью, а въ послѣднее время и въ каждое воскресеніе, отправлялись въ свято-троицкую, тогда базиліянскую, церковь [1]), или въ старинную св. Никольскую, предъявлявшую еще всѣ слѣды своего вѣковаго запустѣнія. По четвергамъ, а лѣтомъ и чаще, въ свободное время, предписывались по уставу загородныя прогулки, которыми, однакожъ, прежде всего дорожа временемъ, по большей части тяготились воспитанники, и отъ которыхъ всячески старались отговориться: «Что ежедневныя прогулки въ университетъ, вполнѣ имъ достаточны для гигіеническаго движенія;» но мѣстное начальство завсегда неумолимо настаивало на буквальномъ исполненіи сем. устава; и *мертвящая* иногда *буква* закона здѣсь какъ разъ оказывалась *живительною*. За то, когда возвѣщалась отлучка изъ корпуса съ какою нибудь любознательною цѣлью, напр., для обозрѣнія университетскихъ кабинетовъ, какой-либо частной коллекціи по городу, богатѣйшей университетской библіотеки (изъ которой семинаристамъ выдавались книги подъ росписки), или старинныхъ монастырскихъ книгохранилищъ,—всѣ лица какъ-то заранѣе улыбались; въ тѣ-же дни, когда въ *парлаторію* (пріемную) допускались букинисты (во время вил. университета чрезвычайно многочисленные и смышленные), семинарскому начальству рѣшительно не оставалось надежды разсчитывать на истощеніе само-собою ученой бесѣды [2]).

---

1) Что нынѣ—въ Свято-Троицкомъ монастырѣ, въ которомъ помѣщается и литовская семинарія. *Ред.*

2) Противъ *букинистовъ*, выводимые изъ терпѣнія инспекторы всегда почти должны были прибѣгать къ вмѣшательству семинарскаго швейцара, личности чрезвычайно характерной, и незабвенной всѣмъ воспитанникамъ гл. семинаріи. Старикъ честнѣйшій, но вѣчно чѣмъ-*то* недовольный и брюзгливый, съ безконечными усами, оставался безсмѣнно, на неумолимой стражѣ, при дверяхъ гл. семинаріи, почти до самаго ея закрытія. Зналъ онъ и помнилъ всѣхъ перебывавшихъ въ заведеніи воспитанниковъ, и даже къ тѣмъ, которые впослѣдствіи посѣщали семинарію, будучи уже знатными духовными сановниками, относился совершенно по прежнему, затрудняясь пускать ихъ и выпускать безъ разрѣшенія о. *регенса*.

Для комнатныхъ занятій представлялось то существенное удобство, что воспитанники помѣщались въ отдѣльныхъ кельяхъ, обыкновенно по два, кое-гдѣ по три человѣка. Были и единичныя кельи, предоставляемыя имѣвшимъ уже священническую степень; но это принадлежало къ очень рѣдкимъ исключеніямъ. Перемѣна комнатъ случалась два—три раза въ году, по росписанію ректора, и являлась каждый разъ какимъ-то разрушительнымъ событіемъ для этого трудолюбиваго, столь дорожащаго каждою минутою люда. Безъ сомнѣнія, по мысли устава, здѣсь имѣлось въ виду, съ одной стороны, постепенное, самое тѣсное сближеніе воспитанниковъ обоихъ вѣроисповѣданій; съ другой-же стороны приготовленіе тѣхъ и другихъ къ разнообразнымъ условіямъ ихъ дальнѣйшаго быта. И первая, ближайшая изъ двухъ цѣлей, повидимому, въ совершенствѣ могла казаться достигнутою. Латиняне и уніяты дружились между собою и уживались примѣрно. Ни тѣни этого высокомѣрія и покровительственной заносчивости, отъ коихъ богатое римское духовенство никогда не могло отстать въ отношеніи къ своимъ убогимъ уніатскимъ собратамъ, не проглядывало въ главной семинаріи. Юность и наука, какъ извѣстно, въ одной только Германіи продолжаютъ еще раздѣляться на *корпораціи*. Но это естественное ихъ доброе согласіе въ главной семинаріи сопровождалось притомъ чертою достойною замѣчанія, именно: неподдѣльнымъ сочувствіемъ римскихъ воспитанниковъ къ греческимъ обрядамъ, и даже явнымъ пристрастьемъ къ нашему церковному пѣнію. Въ особенности это относится къ времени настоящаго нашего разсказа, когда оба эти предмета преподавались въ гл. семинаріи отмѣннымъ знатокомъ пѣнія [1]), а въ числѣ уніятскихъ семинаристовъ, обладавшихъ стройными голосами, едвали не самымъ симпатичнымъ отличался Ипполитъ Гомолицкій [2]).

Соберемъ въ одно цѣлое наши бѣглыя, далеко не полныя, воспоминанія о главной виленской семинаріи. Какія-то исключительно благопріятныя обстоятельства сложились къ осуществленію прекрасно задуманнаго плана и преуспѣянію этого высшаго духовнаго заведенія. Все здѣсь какъ-то пришлось кстати и въ мѣру: и средства содержанія, и число воспитанниковъ, и добровольный съ ихъ стороны зрѣло-обдуманный выборъ, и не

1) Тогдашнимъ *капеляномъ* гл. семинаріи, протоіереемъ *Лужинскимъ*, что нынѣ высокопреосвященный *Василій*, архіепископъ витебскій и полоцкій.

2) Къ этому-же самому времени отнести должно и прекрасный хоръ пѣвчихъ, исполнявшій въ совершенствѣ чудные, и тогда еще почти един-

затрудняемый формальностями пріемъ кандидатовъ [1]), и отдѣльный богословскій факультетъ, и близость университета для наукъ вспомогательныхъ, и самая наконецъ внѣшняя обстановка, вполнѣ приличная, но слишкомъ далекая отъ этого оптически—расчитаннаго лоска, коимъ впослѣдствіи подернулись даже среднія учебныя заведенія. Очень понятнымъ образомъ заинтересованное въ дѣлѣ и зорко присматривавшее за гл. семинаріею, духовенство монашествующее должно было однакожъ ограничиться одними общими возгласами, противъ *черезъ чуръ философскаго* направленія наукъ — и противъ непомѣрности уступокъ, дѣлаемыхъ уніятамъ [2]). Но эти эластичныя возраженія, затрогивавшія именно основную мысль новаго учрежденія, тѣмъ самымъ какъ не льзя лучше свидѣтельствовали о его цѣлесообразности. Въ самомъ дѣлѣ, соприкосновеніе съ университетомъ одно только могло спасти главную семинарію отъ общей всѣмъ спеціяльнымъ заведеніямъ односторонности; а обязательные курсы исторіи, философіи, филологіи и законовѣденія обусловливались самымъ назначеніемъ этого учрежденія, заслужившаго впослѣдствіи право на имя, столь справедливо ему присвоенное, *разсадника архипастырей.* Что касается втораго обвинительнаго пункта, т. е. непомѣрныхъ уступокъ уніятамъ, послѣ вѣковаго забвенія и пренебреженія, то, увы, онѣ оказались уже несвоевременными и недѣйствительными. Едва прошла четверть столѣтія, со вре-

---

ственные концерты *Бортнянскаго,* коими восхищали весь городъ. Хоръ этотъ составляли мальчики, ученики состоявшей при гл. семинаріи школы *органистовъ,* всѣ до одного римско-католическаго исповѣданія. Регентомъ ихъ былъ молодой человѣкъ, замѣчательно свѣдущій въ церковной музыкѣ, нѣкто *Домбровскій.*

1) Даже пріемныхъ экзаменовъ, какъ въ б. виленскомъ университетѣ, такъ и въ главной семинаріи не полагалось. Университетское начальство объясняло ихъ безполезность медицинскимъ афоризмомъ: что не отсылать же больнаго, потому только, что онъ не можетъ опредѣлить своего недуга терминами научными — *lege artis.* А богослововъ—неучей подводили подъ категорію грѣшниковъ и примѣняли къ нимъ слова Спасителя: *«не требуютъ здравіи врача, но болящіи»; отъ Луки 5, 31.*—За то экзамены на степень, особенно магистра и доктора богословія, были чрезвычайно строги. Кромѣ диссертаціи (публично защищаемой докторами), тѣмъ и другимъ назначались еще особыя темы, *in occluso,* т. е. подъ ключемъ, и безъ всякихъ другихъ пособій, кромѣ Библіи.

2) Въ послѣднее время, двѣ каѳедры по богословскому факультету занимались уніятами да и въ самомъ университетѣ, многіе изъ достойныхъ его профессоровъ принадлежали къ тому-же вѣроисповѣданію.

мени закрытія гл. семинаріи, какъ на томъ-же самомъ мѣстѣ свершился фактъ, который исторія могла-бы назвать какимъ-то справедливымъ, хотя и позднимъ, возмездіемъ, если-бы случайность событія не была засвидѣтельствована столь-же торжественнымъ образомъ, какъ и оно само. Здѣсь въ 1858 г., 12 октября, происходило освященіе православной [1]) церкви, во имя св. Апостола Андрея первозваннаго, и во время священнаго обряда, видимо растроганнымъ іерархомъ произнесены были исполненныя величественнаго спокойствія, приличнаго той безмятежной высотѣ, съ коей раздавались, но тѣмъ не менѣе особенно знаменательныя и умилительныя слова: «Посмотрите на этотъ храмъ, который удостоились мы посвятить нынѣ на служеніе Всевышнему. Онъ поступилъ къ намъ безъ особаго старательства, такъ сказать, случайно. — Но радованіе ваше о семъ, молю васъ, православные, соединить съ моимъ собственнымъ радованіемъ. Въ храмѣ семъ молился я четыре года, еще въ юношескомъ возрастѣ, когда храмъ этотъ и я самъ принадлежали иной церкви. Въ сопредѣльныхъ сему храму зданіяхъ, провелъ я лучшее время жизни и получилъ высшее образованіе. И вотъ мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ.—Если это послѣдній годъ моей жизни, послѣдній годъ моего служенія, послѣднія мои къ вамъ слова; то не забудьте о вашемъ пастырѣ. Не судите о немъ по тому, чего не сдѣлалъ и сдѣлать не могъ; но—по тому, что совершилъ дѣйствительно съ Божіею помощію, ко благу своея паствы, своея церкви, своего отечества, и съ чѣмъ уповаетъ онъ предстать на судъ праведный Господа» [2]). Переходимъ къ нашему разсказу.

Въ 1827 году Ипполитъ Гомолицкій окончилъ главную Семинарію съ степенью магистра богословія. И престарѣлому его родителю не только дано было дождаться возвращенія младшаго изъ сыновей, но и видѣть его еще постепенно удостоиваемымъ самыхъ высшихъ отличій и почестей, среди бѣлаго духовенства. Въ слѣдующемъ 1828 году онъ вступилъ въ бракъ и рукоположенъ въ помощники отцу, къ бялавицкой церкви, при коей и остался бы, навѣрно, подобно многимъ изъ прежнихъ воспитанниковъ гл. Семинаріи, неся охотно и достойно обязанности

---

1) Церковь эта нынѣ-домовая виленскаго дух. училища, составляя особенное зданіе отъ училищнаго помѣщенія; самое училище помѣщается въ томъ корпусѣ, въ которомъ прежде была главная семинарія. *Ред.*

2) См. Два привѣтствія и одно слово сунодальнаго члена Іосифа митрополита литовскаго. Вильна 1858.

сельскаго пастыря, если бы съ послѣдовавшимъ въ томъ же самомъ году открытіемъ, столь давно ожидаемой уніатской Семинаріи, епархіальное начальство не вызвало его, въ числѣ первыхъ, къ болѣе видному и соотвѣтственному поприщу. Поприще это однакожъ было не легко и далеко не заманчиво. Въ самомъ дѣлѣ, молодому священнику, окончившему высшія духовныя науки, какъ бы онъ ни чуждъ былъ, уже по этому самому, пошлой самоувѣренности, все таки не могла улыбаться мысль о предстоящемъ для него совершенномъ, такъ сказать, перевоспитаніи. А необходимость въ томъ была наглядная, по самому плану новой Семинаріи, въ которой всѣ науки, въ возможно скоромъ времени, предполагалось преподавать порусски. Съ другой стороны, къ приличному обезпеченію наставниковъ [1]) на первыхъ порахъ не представлялось рѣшительно ни надежды, ни возможности, за неимѣніемъ наличныхъ суммъ на первоначальное устроиство и содержаніе Семинарій [2]). Правда, наконецъ слава Богу, изысканы были средства на Семинарію. Кромѣ монастырскихъ зданій, назначенныхъ на ихъ помѣщеніе, Высочайше разрѣшено было возвратить бѣлому духовенстоу имѣнія, нѣкогда пожертвованныя именно на предметъ учрежденія епархіальныхъ семинарій, и впослѣдствіи присвоенныя орденомъ базиліановъ. Но экономическія средства, какъ извѣстно, самыя неудобныя и неподатливыя, для

---

1) Время недавнее, а вѣрится съ трудомъ. Пишущій эти строки, будучи уже профессоромъ Семинаріи, но еще холостымъ, получалъ всего на все 60 руб. сер. годичнаго оклада; профессоры же женатые около полутораста руб., никакъ не болѣе. И это неравенство жалованія казалось ни чуть не обиднымъ, даже справедливымъ. Но въ Жировицахъ, единственномъ, можетъ быть, мѣстѣ по удобству и другимъ выгодамъ для учебнаго средняго заведенія, въ особенности семинаріи, мы составляли, такъ сказать, братчину, и вели жизнь какую-то по истинѣ патріархальную, служа посильно общему дѣлу, радуясь успѣхамъ младшей братьи, работая надъ собственнымъ развитіемъ и предоставляя всѣ заботы о насущномъ хлѣбѣ на долю начальства, которое то и дѣло окружало насъ возможными попеченіями. Чтобы однакожъ разсказъ нашъ не показался какою то идильей, спѣшимъ оговориться: что хлѣбъ насущный, по тогдашнимъ цѣнамъ, въ самомъ дѣлѣ, приходился почти ни по чемъ; но съ другой стороны, мы были такъ патріархально—просты, что вѣрно ни на какіе театры, клубы, загородныя гулянья, и т. п. не промѣняли бы милой вечерней бесѣды здѣшняго, вполнѣ образованнаго общества, или прогулокъ по чуднымъ окрестностямъ нашего мѣстечка.

2) Семинарій открыто было на такихъ основаніяхъ двѣ: Литовская въ Жировицахъ и Полоцкая въ Полоцкѣ. *Ред.*

начала. Имѣнія состояли въ разныхъ, довольно отдаленныхъ мѣстностяхъ и передавались постепенно въ вѣдѣніе Высочайше учрежденныхъ, для управленія оными, *Администраціонныхъ Коммиссій,* конечно не съ особенною поспѣшностію и далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Между тѣмъ администраціоннымъ коммиссіямъ предстояло вдругъ, разомъ, пріискать необходимые источники, а семинарскимъ правленіямъ озаботиться заготовленіемъ покрайней мѣрѣ существенныхъ принадлежностей новыхъ заведеній, на немедленномъ открытіи которыхъ высшее начальство горячо настаивало, и къ открытію коихъ, повидимому, все было готово: и помѣщеніе, и ученики, и наставники. Въ это именно время самой многосторонней и усиленной дѣятельности, возложена была на профессора Ипполита Гомолицкаго вовсе не номинальная должность секретаря семинарскаго правленія. Новый секретарь въ продолженіи двухъ — трехъ мѣсяцевъ оставался невидимкою для товарищей, проводилъ всѣ часы или въ семинарскомъ правленіи, или въ кабинетѣ о. ректора семинаріи, совѣтовался только съ этимъ послѣднимъ. И вдругъ, при случившемся проѣздѣ какого-то высшаго чиновника изъ столицы, который любопытствовалъ взглянуть на нашу семинарію и познакомиться съ наставниками, представлявшій ихъ ректоръ [1]) отрекомендовалъ посѣтителю профессора Гомолицкаго, какъ единственнаго русскаго знатока, а пока и *переводчика* при будущей *русской* Семинаріи. Конечно, скорые успѣхи, особенно въ языкѣ одноплеменномъ, очень понятны; и всѣ наставники той курьезной русской Семинаріи, при коей одинъ изъ нихъ считался *переводчикомъ*, еще до окончанія года могли бы въ свою очередь удостоиться по справедливости подобной же аттестаціи; но профессоръ Ипполитъ Гомолицкій какъ опередилъ тогда своихъ товарищей, такъ и превзошелъ всѣхъ впослѣдствіи въ совершенномъ усвоеніи духа, склада, даже нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ русской рѣчи. Этотъ раздражительный, вѣчно встревоженный слуховой нервъ, который стоитъ на стражѣ своей народности и подстерегаетъ чужую, какъ-то въ особенности и едва ли не чрезъ мѣру развитъ въ племени славянскомъ. Всѣ члены этого семейства очень дорожатъ и наперерывъ гордятся чуткостію своего слуховаго органа; а между тѣмъ она-то, можетъ быть, и служитъ одною изъ самыхъ главныхъ причинъ извѣстнаго всему

1) Протоіерей А. *Зубко*, потомъ высокопреосвященнѣйшій Антоній архіепископъ минскій.

міру славянскаго несогласія. Какъ бы то ни было, а сомнительность, даже ошибочность самаго *критеріума* не однократно провѣрена опытомъ, и самымъ достовѣрнымъ тому примѣромъ могъ служить покойный Ипполитъ Гомолицкій. Въ богослуженіи ли, въ проповѣди ли, въ разговорѣ, по наружности, пріемамъ и всему обращенію, онъ одинъ только всѣмъ, незнавшимъ его происхожденія, казался древле — православнымъ и коореннымъ русскимъ. Случалось, правда, что и многимъ изъ его товарищей расточались похвалы, на счетъ прекраснаго знанія русскаго языка, безукоризненности произношенія и т. д.; но подобныя похвалы, на первыхъ порахъ знакомства, слишкомъ очевидно отзывались снисходительностію и походили на поощренія. Дѣло въ томъ, что покойнаго Гомолицкаго никогда не хвалили, а обыкновенно на первомъ же шагу обращались къ нему съ вопросами и довѣряли замѣчанія, отъ которыхъ долженъ онъ былъ ограждать себя и своихъ собесѣдниковъ поспѣшнымъ, но все таки подъ часъ уже не много позднимъ признаніемъ: что и онъ — де такой же грѣшный самоучка!

Послѣ того, не покажется удивительнымъ, что кромѣ предметовъ богословскихъ (онъ читалъ разновременно въ Семинаріи пастырское, нравственное, догматическое богословіе, гомилетику и библейскую исторію) профессоръ Гомолицкій первый же преподавалъ здѣсь русскій языкъ и русскую исторію. Но заслуги покойнаго, какъ даровитаго и трудолюбиваго профессора, съ рѣдкимъ умѣніемъ и постепенностію размѣрявшаго объемъ богословскихъ курсовъ съ успѣхами первыхъ, вовсе неприготовленныхъ воспитанниковъ семинаріи, какъ ни важны и доселѣ незабвенны для тогдашнихъ его слушателей, завсѣмъ тѣмъ далеко не могутъ идти въ сравненіе съ другими безчисленными трудами, понесенными имъ на тойже почвѣ, и для блага того же самаго заведенія. Въ нихъ буквально отпечатлѣлась вся жизнь, выразилась вся душа покойнаго Гомолицкаго. Съ самыхъ первыхъ дней своей служебной дѣятельности, до перенесенія Семинаріи изъ Жировицъ въ Вильно (въ 1845 г.), онъ безпрерывно, пламенно, всецѣло посвящалъ всѣ мысли и часы дѣлу воспитанія, — и поистинѣ можетъ назваться отцемъ *Жировицкой Семинаріи.* Къ его прямой обязанности, при открытіи этого заведенія, относилось не только записывать имена поступавшихъ кандидатовъ и отмѣчать ихъ способности, но составлять, такъ сказать, подробную опись домашняго быта каждаго ученика и его убогаго имущества; потому что къ этимъ повидимому неважнымъ обстоятель-

ствамъ надлежало начальству примѣрять свои тогдашнія, вовсе не богатыя средства, и что оттого зависѣлъ роковой иногда выборъ—между бѣдностію и бѣдностію. Покойный Гомолицкій, какъ ближе другихъ знавшій мѣстныя условія и отношенія (прочіе члены семинарскаго правленія прибыли сюда изъ сосѣднихъ епархій), не могъ не имѣть важнаго вліянія на первый пріемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ,--и его-то засвидѣтельствованію, всегда безпристрастному и справедливому, обязано было не одно безмолвное горе нечаяннымъ предпочтеніемъ. Вообще пріемъ кандидатовъ на казенное содержаніе и каждое объ нихъ представленіе епархіальному начальству,—въ чемъ покойный постоянно уже и непосредственно участвовалъ, какъ инспекторъ (съ 1832 г.), исправляющій должность ректора (съ 1836 г.), и наконецъ какъ ректоръ семинаріи съ 1839 г.), — какъ-то видимо его затрудняли и волновали. Онъ колебался до послѣднихъ минутъ и даже, не обинуясь, сознавался, что выжидаетъ: авось не явится ли кто нибудь побѣднѣе и подостойнѣе благодѣянія правительства. Столь чистая черта безпристрастія и удивительной честности, одна уже могла бы казаться достаточною для обрисовки всего характера, но она еще не была самою выдающеюся и единственною въ своемъ родѣ; если же занимаетъ первое мѣсто въ нашемъ разсказѣ, такъ это только по порядку времени, и потому, что она первая внушила духовенству самую отрадную надежду на счетъ участи дѣтей, отдаваемыхъ въ это незнакомое еще въ здѣшней странѣ заведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, поджидавшій сиротъ, которые *могли опоздать,* не достаточно ли ручался, что будетъ попечительнымъ начальникомъ и добрымъ отцемъ *уже подоспѣвшимъ?* Въ какой мѣрѣ оправданы были эти ожиданія, къ счастію, намъ разсказывать не нужно. Большинство священниковъ литовской епархіи состоитъ на лицѣ изъ воспитанниковъ покойнаго Гомолицкаго: а живутъ еще многіе и изъ тѣхъ, которые, какъ родители или опекуны, довѣряли ему своихъ дѣтей, либо сиротъ. Обращаемся къ ихъ свидѣтельству спокойно и съ тою несомнѣнною увѣренностію, которой само сознаніе, хотя бы только за другихъ, уже такъ отрадно. Но не забываемъ притомъ и самыхъ соотвѣтственныхъ цѣнителей служебной дѣятельности покойнаго ректора, именно его товарищей и сотрудниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ давно уже святительствуютъ, другіе занимаютъ важныя мѣста въ епархіальной іерархіи, иные остаются все еще безсмѣнно на скромномъ своемъ, столь полезномъ поприщѣ. Да позволено намъ будетъ воззвать къ ихъ

общему суду и засвидѣтельствованію, пристрастны-ли мы, или только справедливы къ памяти покойнаго Ректора Гомолицкаго, если рѣшимся сказать, что такое счастливое сочетаніе природныхъ и выработанныхъ нравственныхъ качествъ, какими онъ отличался, принадлежитъ къ очень рѣдкимъ и замѣчательнымъ явленіямъ. Постоянное нелицемѣрное усердіе къ общему дѣлу, любовь къ святынѣ, къ наукѣ и къ заведенію, сдѣлавшемуся для него вторымъ семействомъ, неизмѣнная кротость и доброта душевная, (не мѣшавшая вовсе наблюдательности, а только скрывавшая, такъ сказать, ея черную работу), рѣдкое достоинство въ обращеніи, наконецъ этотъ тактъ ровный, безошибочный, не заученый, не казенно-наслѣдственный, а плѣняющій съ разу и невольно своею простотою и естественностію, — вотъ нѣкоторыя изъ толпящихся въ нашей памяти прекрасныхъ сторонъ этого благороднаго характера. Какъ начальникъ учебнаго заведенія, ректоръ Гомолицкій обладалъ еще однимъ вспомогательнымъ, рѣдко кому въ такой мѣрѣ даннымъ, природнымъ качествомъ, которое въ многихъ случаяхъ дозволяло ему, безъ донесеній, справокъ, распросовъ, очныхъ ставокъ, и т. д. мгновенно обнаруживать извѣстнаго рода нарушенія корпуснаго порядка, а въ глазахъ озадаченныхъ воспитанниковъ могло казаться какимъ-то ясновидѣніемъ. Случайная и маловажная, по видимому, особенность; но такъ какъ она значительно упрощала и вообще облагороживала взаимныя отношенія между начальствомъ и подчиненными, то и назовемъ ее безъ затрудненія. Покойный Гомолицкій надѣленъ былъ отъ природы *вторымъ*, такъ сказать, *обоняніемъ*, по истинѣ изумительнымъ, такъ что не только, напр., комнатный угаръ раздѣлялъ на категоріи *вчерашняго* и *сегодништняго*, но даже отличалъ по запаху и опредѣлялъ самые камни [1]). Ужъ если такіе непроницаемые предметы не ускользали отъ ректора семинаріи, то каково-же могло быть какимъ-нибудь нечаяннымъ акцизнымъ и табачнымъ контрабандистамъ? Но дѣло въ томъ, что покойный ректоръ никогда не дѣлалъ публичнаго *эффекта* изъ своего ясновидѣнія, а всегда находилъ возможнымъ наединѣ и родительски довести виновныхъ и до откровеннаго сознанія, и до полнаго убѣжденія въ черной сторонѣ

---

1) Покойный занимался минералогіею, какъ любитель и знатокъ дѣла. Коллекція его камней и минераловъ, по большей части отечественыхъ, послѣ его кончины пріобрѣтена (за 100 руб. сер.) графомъ Евст. Тышкевичемъ и поступила въ основанный имъ Виленскій музей.

и вредныхъ послѣдствіяхъ каждаго проступка, какъ бы онъ ни казался маловажнымъ. Да и могли ль въ мягкихъ сердцахъ юношей не найдти себѣ отголоска слова человѣка, который до послѣдней возможности отлагалъ въ сторону всеоружіе начальника и судьи, а являлся почти всегда благодушнымъ отцемъ,— для котораго это положеніе было тѣмъ естественнѣе, что онъ зналъ столь хорошо семейный быть своихъ воспитанниковъ, и къ каждому изъ нихъ обращался, такъ сказать, на его домашнемъ нарѣчіи,— который радовался съ успѣвающими, обнадеживалъ и не допускалъ до унынія менѣе способныхъ, и одинако во заботился о всѣхъ, который сострадалъ больнымъ до такой степени, что продовольствовалъ ихъ изъ собственнаго стола,—и на котораго похоронный звонъ, раздававшійся изъ семинаріи, производилъ каждый разъ всепотрясающее дѣйствіе семейной утраты. Каждое изъ этихъ словъ можно бы подтвердить примѣромъ. Ограничимся однимъ, самымъ послѣднимъ по времени, но какъ намъ кажется, и самымъ убѣдительнымъ. Это было въ 1345 году, въ то время, когда покойный Гомолицкій назначенъ уже былъ каѳедральнымъ виленскимъ протоіереемъ и должность ректора передалъ своему преемнику [1]). Вдругъ въ одинъ іюньскій день, кѣмъ-то приносится вѣсть въ Жировицы, что изъ купающихся въ рѣкѣ *Щаръ* воспитанниковъ семинаріи и уѣзднаго духовн. училища одинъ (*Калишевичъ*) утонулъ. Первымъ, очутившимся пѣшкомъ, на мѣстѣ произшествія, оказался бывшій ректоръ. Онъ пробѣжалъ двуверстное разстояніе и распоряжался объ отъисканіи все еще подъ водою остававшагося тѣла съ такимъ увлеченіемъ, что немедленно же долженъ былъ слечь въ постель, занемогши воспаленіемъ легкихъ, будущей причиною и послѣдней своей болѣзни. «Да какъ тебѣ было хоть не вспомнить,—говорила крайне опечаленная добрая жена,— что ты уже не ректоръ!» Виноватъ, мой другъ, вспомнить то не вспомнилъ, но мнѣ кажется» ... «Полно! полно! не досказывай! говорить запрещено! хотя бы и вспомнилъ, то навѣрно не убавилъ бы шагу! не такъ ли?»

Не можемъ наконецъ, по крайней мѣрѣ, не намекнуть на обстоятельство, положительно намъ извѣстное, что главною причиною, побудившей покойнаго ректора Гомолицкаго просить увольненія отъ этой должности, былъ первый, представившійся здѣсь, случай исключенія одного,—ужъ не помнимъ по какому поводу и

1) Бывшему ректору кіевской духовной семинаріи, архимандриту *Евсевію*, что нынѣ высокопреосвященный Екзархъ Грузіи.

кого именно,—изъ воспитанниковъ семинаріи. Служебныя и личныя отношенія покойнаго ректора къ сотрудникамъ и товарищамъ ознаменованы были тою неподдѣльною простотою, привѣтливостію и ровностію обращенія, которыя, еслибъ не лежали въ его характерѣ, моглибы казаться наслѣдованными по мѣсту [1]). И домъ и столъ его завсегда были открыты наставникамъ, равно какъ и пріѣзжему сельскому духовенству, съ которымъ онъ съ особенною любовью бесѣдовалъ о малѣйшихъ подробностяхъ пастырскаго деревенскаго быта, а въ каждомъ старомъ священникѣ, казалось, почиталъ еще и память своего добраго родителя. Внимательный къ нуждамъ и заслугамъ своихъ молодыхъ сослуживцевъ, онъ предупреждалъ и какъ-бы угадывалъ ихъ просьбы, заступался за нихъ горячо предъ высшимъ начальствомъ, и тѣмъ вѣрнѣе могъ разсчитывать на успѣхъ, что такимъ образомъ отнимался у просьбъ ихъ личный характеръ. Между тѣмъ, ни въ комъ, конечно, не могла родиться мысль (самая грозная обличительная статья противъ семейныхъ ректоровъ семинаріи), что покойный заискивалъ молодыхъ людей и прочилъ себѣ въ зятья; потому что онъ оставилъ своихъ сиротъ совершенно малолѣтними, и что вообще заискиванье не было въ его натурѣ. Кто-то изъ товарищей выразился объ немъ мѣтко и справедливо: «что онъ, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ и могъ-бы выдумать порохъ; но ужъ навѣрно никакъ не выдумалъ-бы боковаго кармана.»

Какъ членъ духов. консисторіи, по званію ректора, и по особому назначенію (въ 1842 г.), присутствовалъ онъ по временамъ въ консисторіи, слѣдилъ съ участьемъ за теченіемъ епархіальныхъ дѣлъ, но ни журналовъ, ни протоколовъ, ни бумагъ исходящихъ не подписывалъ [2]),— къ чему, впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ и не обязывался, не имѣя въ своемъ завѣдываніи отдѣльнаго стола.

По Виленскому каѳедральному собору не долго суждено было предстоять покойному протоіерею, (съ 31-го декабря 1844 г. по 7-го маія 1846 г.). Но онъ внесъ съ собою духъ миролюбія и уживчивости, котораго одного только можно было, кажется, пожелать тогдашнему составу соборнаго духовенста, а въ отношеніи епархіальныхъ собратій и молодыхъ ставленниковъ, своихъ

1) Предмѣстника его мы уже назвали.

2) Однажды, помнится, какъ-то особенно приставали къ нему члены консисторіи, чтобы, хоть для памяти, подписалъ какую-то бумагу. «Ради Бога, не понуждайте, не губите,—«отговаривался покойный, съ свойственною ему добродушнѣйшею улыбкою,—авось и мнѣ суждено, какъ судьѣ Крылова, такимъ только образомъ *быть въ раю!*“

недавнихъ воспитанниковъ, остался по прежнему самымъ доступнымъ и внимательнымъ посредникомъ, самымъ благодушнымъ совѣтникомъ и руководителемъ.

Съ одновременнымъ перенесеніемъ въ Вильну архіерейской каѳедры, епархіальнаго управленія, семинаріи и каѳедральнаго собора, возникали необходимо разнаго рода строительныя работы или перейстройки, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ духовныхъ комитетовъ. Неизбѣжнымъ, такъ сказать, членомъ всѣхъ этихъ комитетовъ былъ каѳедральный протоіерей Ип. Гомолицкій, и не по одному только своему званію, а по добросовѣстнымъ многосторонним познаніямъ какъ въ архитектурѣ, такъ и въ техническихъ и ремесленныхъ частностяхъ, чѣмъ удивлялъ не рѣдко самихъ спеціалистовъ. Ибо покойный, при необыкновенной пытливости ума, смѣтливости и счастливой памяти, никогда не останавливался на поверхности разсматриваемаго предмета, не изучивъ его по возможности до основанія; говорить же о чемъ нибудь, тѣмъ болѣе судить—на обумъ и по одной наслышкѣ, на то рѣшительно не достало бы у него духа.— «Да это просто человѣкъ на всѣ руки!» говорили не рязъ съ увлеченіемъ имѣвшіе возможность ближе его узнать и вполнѣ оцѣнить. Онъ самъ только, казалось, въ своей неподдѣльной и неподражаемой скромности, не сознавалъ и не догадывался о всемъ разнообразіи (1) даровъ своей богатой природы. Но находились ли въ кругу знакомыхъ его столь недогадливые, которые раздѣляли бы съ нимъ эту неувѣренность?— рѣшительно не припомнимъ.

Высшее начальство оцѣнило, если можно такъ сказать, разомъ всю сумму общественной пользы, коей залогомъ представлялись столь несомнѣнныя качества и добросовѣстное усердіе. Оно удостоивало постоянно покойнаго самой лестной довѣренности, возлагало на него, кромѣ обязанностей служебныхъ, разныя, по тогдашнимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, особенно—важныя порученія, представляло въ примѣръ его службу, отличало ее духовными почестями, (званіемъ соборнаго протоіерея въ 1835 г., камилаквою въ 1842 г. и т. п.), свидѣтельствовало объ ней предъ Августѣйшимъ Монархомъ (сопричисленъ къ орденамъ: св. Анны 3 степени въ 1838 г., св. Владиміра 4 степени въ 1840 г., — св. Анны 2-й стен. въ 1843 г., — и пожалованъ

1) Очень было замѣчательно и природное его настроеніе къ музыкѣ. Онъ буквально страдалъ отъ каждой фальшивой ноты, въ пѣвческомъ-ли хорѣ или въ оркестрѣ; самъ-же игралъ на всѣхъ поча ти инструментахъ, ипо отзывамъ знатоковъ, изрядно.

золотымъ кабинетнымъ наперснымъ крестомъ въ 1855 г.); но въ тоже время будто страшилось слишкомъ поощрять такую пламенную ревность, щадя въ ней несоразмѣрно — бѣдныя физическія силы. Самъ покойный не могъ заблуждаться на счетъ своего здоровья. Однакожъ онъ продолжалъ трудиться съ безпощадною къ слабымъ своимъ силамъ энергіею. Вдругъ равновременная, почти внезапная, кончина жены лишила протоіерея Гомолицкаго единственной—оказалось даже жизненной—для него опоры. Умная и образованная женщина, нѣжнѣйшая подруга, домостроительная и образцовая мать семейства, она оставалась безотлучно на стражѣ домашняго очага, у котораго хозяинъ—гость встрѣчаемъ былъ только радостнымъ хоромъ малютокъ, и завсегда могъ навѣрно разсчитывать найти одну только отраду и отдохновеніе. Ударъ смерти, какъ не рѣдко случется, и на этотъ разъ оказался двойственнымъ. Протоіерей Гомолицкій, семью только днями пережилъ свою супругу.

Онъ оставлялъ шестерыхъ малолѣтныхъ сиротъ, и въ наслѣдство имъ — память о себѣ. Къ счастію, наслѣдство оказалось немаловажнымъ. Друзья, товарищи и почитатели покойнаго поспѣшили на перерывъ, кто какъ могъ, заявить свое участье къ осиротѣвшимъ; подчиненные, при продажѣ небольшой движимости покойнаго, добивались чести имѣть на память что-нибудь изъ принадлежавшаго ему имущества; а великодушный нашъ Владыка,— которому и въ частной благотворительности всегда первое мѣсто, — озаботился еще особымъ предстательствомъ о назначеніи изъ суммъ духовно—учебнаго вѣдомства оставшимся въ сиротствѣ дочерямъ, впредь до замужества, приличнаго ежегоднаго пособія, каковымъ и доселѣ продолжаетъ пользоваться младшая изъ пяти дочерей (1). (Лит. Еп. Вѣд.)

Прот. Плакидъ Янковскій.

О древнихъ Православныхъ церквахъ въ Гроднѣ.

1.

Древняя Крестовоздвиженская церковь.

Крестовоздвиженская церковь находится въ числѣ пяти православныхъ гродненскихъ церквей, о которыхъ говорится

---

1) Единственный сынъ покойнаго протоіерея священствуетъ вполнѣ достойно, на томъ-же прародительскомъ бялавицкомъ приходѣ.

въ инвентарѣ г. Гродно, составленномъ въ 1560 году королевскими чиновниками Войною и Дыбовскимъ. О несомнѣнномъ существованiи этой церкви свидѣтельствуютъ многiя данныя, разсѣянныя въ другихъ актахъ, хотя очень трудно по этимъ отрывочнымъ даннымъ прослѣдить послѣдовательно исторiю этой церкви. Мы знаемъ, что она существовала, но остается неизвѣстнымъ, кѣмъ и когда она основана и въ какомъ именно мѣстѣ находилась. У папскихъ легатовъ, Бруно и Гогенберга, какъ мы видѣли, говорится только, что въ Гроднѣ, около 1593 года, существовало много каменныхъ и деревянныхъ православныхъ церквей, но гдѣ и какiя это были церкви, свѣдѣнiй объ этомъ не имѣется. На приложенномъ въ сочиненiю легатовъ рисункѣ, изобращающемъ видъ г. Гродно, Крестовоздвиженская церковь не обозначена, хотя на основанiи другихъ указанiй нужно полагать, что Крестовоздвиженская церковь находилась на берегу Нѣмана, слѣдовательно на рисункѣ Бруно и Гогенберга, изображающемъ Гродно со стороны рѣки, церковь эта должна бы находиться. Изъ этого слѣдовало бы заключить, что въ это время, т. е. около 1593 года, церковь эта уже не существовала, что было бы однако противно истинѣ. Съ другой стороны, въ инвентарѣ Войны и Дыбовскаго, 1560 года, при подробномъ исчисленiи улицъ, домовъ и зданiй тогдашняго Гродно, вовсе не упомянуто о томъ, гдѣ находилась Крестовоздвиженская церковь, а сказано глухо, что «часть улицы *Мостовой* называлась *Крестовоздвиженскою*, начиная отъ того пункта, гдѣ стояла православная церковь, что улица эта вела къ Нѣману и на ней было семь человѣкъ жителей». Улица *Мостовая* существуетъ до настоящаго времени. На рисункѣ Бруно и Гогенберга, улица эта ведетъ прямо отъ центра города къ Нѣману, нынѣ же у кармелитскаго монастыря образуетъ крутой поворотъ къ востоку и затѣмъ уже спускается къ Нѣману. Очевидно, что направленiе улицы измѣнилось. Не подлежитъ сомнѣнiю, что Крестовоздвиженскою называлась часть Мостовой улицы, ближайшая къ Нѣману и что, слѣдовательно, Честнокрестенская церковь, отъ которой улица, получила свое названiе, находилась на берегу Нѣмана, на правой сторонѣ улицы, если подниматься отъ рѣки къ городу, то есть, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ нынѣ воинскiя казармы. По разсказамъ мѣстныхъ обывателей, при рытьи рвовъ подъ фундаментъ казармъ, найдены были многiе признаки того, что тутъ должна была когда то существовать церковь, какъ-то: отстатки фундаментовъ, человѣческiя кости и т. п.

Около 1650 года, нѣкто Андрей Котовичъ пожертвовалъ, *противъ Честнокрестенской церкви*, кармелитамъ — босымъ часть земли, на которой они построили небольшой деревянный костелъ. Костелъ этотъ вскорѣ сгорѣлъ и, какъ видно изъ дѣлъ королевской задворной ассесоріи 1775 года, кармелиты нѣкоторое время совершали богослуженіе въ Честнокрестенской церкви. Какъ это произошло—рѣшить трудно, но что церковь все-таки имѣла своихъ священниковъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Вскорѣ, около 1670 года, кармелиты стали строить на старомъ мѣстѣ новый каменный костелъ и монастырь (которые существуютъ до настоящаго времени). Въ это время уніатскій митрополитъ *Кипріанъ Жоховскій* отнялъ отъ Крестовоздвиженской церкви и отдалъ кармелитамъ значительную часть земли. Вотъ подлинная запись относящаяся къ этому дѣлу:

«Кипріанъ Жоховскій, Божіею и святаго апостольскаго престола милостію митрополитъ всея Руси, архіепископъ полоцкій, мстиславскій, оршанскій и могилевскій».

«Питая ревность къ славѣ Божіей, и видя, что нѣкоторыя церковныя угодія, подлежащія нашей власти и распоряженію, остаются безъ употребленія, мы, во славу и честь имени Всевышняго Бога, плацъ церковный и цментарь братства гарбарскаго, какъ прилегающіе къ строющемуся монастырю и костелу кармелитовъ, отписываемъ на вѣчныя времена въ пользу этого монастыря и, въ то же время, особымъ письмомъ предписываемъ отцу Іосифу Волевичу, нашему гродненскому протопопу, сказанный плацъ передать от. кармелитамъ, въ удостовѣреніе чего скрѣпляемъ сіе подписью нашею и приложеніемъ митрополичьей печати...... 1674. Кипріанъ Жоховскій, митрополитъ всея Руси etc».

Изъ переписки по этому дѣлу митрополита Жоховскаго съ провинціаломъ ордена кармелитовъ видно, между прочимъ, что кромѣ *ревности къ славѣ Божіей* митрополитъ *отнялъ* отъ церкви и *отдалъ* кармелитамъ церковную землю вслѣдствіе особеннаго чувства нѣжности, которое онъ питалъ къ ихъ ордену. Къ сожалѣнію, подлинное письмо митрополита къ провинціалу такъ испорчено временемъ, что мы можемъ привести это письмо только съ пропусками, ибо многое разобрать было невозможно.

«Такъ какъ всегда ab...... святой вашъ орденъ я уважалъ и любилъ яко pupillam oculi mei, то искренно себя поздравляю,

что представился мнѣ случай practicum non speculaticum засвидѣтельствовать вашему ордену affectum. Исполняя неоднократно primiter данный пароль, препровождаю на твое имя, возлюбленный братъ...... possessionem па плацъ церковный гродненскій, прилегающій...... fundationi вашего монастыря......... и пока буду живъ не перестану радоваться, что успѣлъ я влить въ это море благотворительности фундатора ложку холодной воды...... dedissem plura...... Religioni...... animo et desiderio...... За поздравленіе съ праздникомъ очень благодаренъ моему добродѣю, и, поздравляя васъ взаимно съ новымъ годомъ, affluentium coeli terraque gratiarum вамъ и всей братіи желаю. Реликвію св. Іозафата......... на руки ксендза преора Глембоцкаго .... ибо теперь на праздникъ спѣшу въ Полоцкъ......... mille venerationibus parvulum...... Deum. А теперь...... in gratia св. ордена ...... прося молиться обо мнѣ грѣшномъ».
Внизу приписано: дабы моя intentio не показалаеь dubia, собственною мою рукою сіе donationem плаца гродненскаго я написалъ въ пользу вашего монастыря».

Въ инвентарѣ 1768 года, по случаю этого и другихъ произвольныхъ распоряженій митрополита, помѣщена замѣтка, въ которой прямо сказано, что и вся Крестовоздвиженская церковь отдана была кармелитамъ: «Церковь Воздвиженія св. Креста, по незаконному и произвольному распоряженію митрополита Жоховскаго, отдана была гродненскимъ кармелитамъ, послѣдніе же hoc intractu многими землями и юрисдиками завладѣли, usum et fructum participant. Тотъ же митрополитъ Жоховскій, представивъ многимъ господамъ ad libitum строить дома на церковной землѣ, какъ stante sua vita, такъ и post obitum, и все основываясь на какихъ-то мнимыхъ своихъ правахъ, растратилъ много церковной собственности и преемнику своему, митрополиту Заленскому, причинилъ этимъ много хлопотъ, а также много расходовъ по случаю тяжбы, возникшей съ вельможнымъ Фронцкевичемъ, который, съ разрѣшенія митрополита Жоховскаго, на церковной землѣ надъ Нѣманомъ построилъ большой домъ ad vitalitia только, наслѣдники же его, Фронцкевича, совсѣмъ землю эту себѣ присвоили. Многіе другіе узурпаторы et praecipue господа: Александровичи, Хлѣвинскіе, Биспингъ, стародубовскій маршалокъ, Кандыба, Кузницкіе базиліаны, многіе гродненскіе мѣщане, графъ Флемингъ, воевода поморскій и др. овладѣли многими церковными землями, за ко-

торыя никому никакихъ повинностей не платятъ...... Много земли также лежитъ пустыремъ и не приноситъ никому никакой пользы»......

«Въ инвентарѣ 1771 года, по этому же случаю говорится слѣдующее:

«Въ томъ же городѣ Гроднѣ была церковь Воздвиженія св. Креста, на берегу Нѣмана, которую, со всѣми ея угодіями, оо. кармелиты босые съ 1674 года praeocuparunt, на основаніи только простаго разрѣшенія митрополита Жоховскаго. Церковь эта, послѣ перенесенія кармелитами богослуженія въ новопостроенный каменный костелъ, хотя и остается пустою отъ 1765 года, тѣмъ не менѣе, кармелиты до настоящаго времени держатъ ее въ своемъ владѣніи».

Нужно думать, что Крестовоздвиженская церковь, оставаясь постоянно во власти кармелитовъ, лишенная поддержки, сама собой разрушилась отъ ветхости:

Въ томъ же инвентарѣ 1771 года находится замѣтка, что на подолѣ, подъ горой, неподалеку отъ Крестовоздвиженской церкви, была часовня, принадлежавшая соборной церкви, что тутъ было кладбище, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла часовня, находится деревянный крестъ. Часовня эта обозначена и на рисункѣ Бруно и Гогенберга. Мѣстные старожилы указали намъ даже мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ «съ незапамятныхъ временъ» и нынѣ не существующій. Множество находимыхъ тутъ человѣческихъ костей удостовѣряетъ въ томъ, что тутъ дѣйствительно было кладбище. Мѣсто это составляетъ нынѣ частную собственность.

2.

Троицкая церковь.

О существованіи Троицкой православной церкви мы знаемъ только по одному подлинному акту, именно по привиллегіи короля Сигизмунда I, записанной въ литовской метрической книгѣ 1511 года. Никакихъ иныхъ свѣдѣній объ этой церкви не найдено, такъ что положительно нельзя опредѣлить, когда и кѣмъ была она основана, въ какомъ мѣстѣ находилась и когда перестала существовать. Устныхъ преданій объ этой, очевидно одной изъ древнѣйшихъ церквей, тоже не сохранилось ровно никакихъ. Въ чи-

слѣ пяти гродненскихъ церквей, названныхъ въ инвентарѣ Войны и Дыбовскаго 1560 года, церковь эта не упомянута. Изъ этого, однако не слѣдуетъ, чтобы въ это время она уже не существовала, такъ какъ у Войны и Дыбовскаго названы лишь тѣ пять гродненскихъ церквей, которымъ въ д. Ольшанкѣ отведено было по двѣ уволоки земли, Троицкая же церковь могла и не принадлежать къ этой категоріи. Какъ бы то ни было, но единственнымъ письменнымъ памятникомъ, указывающимъ на существованіе въ Гроднѣ этой церкви, служитъ упомянутая нами привиллегія Сигизмунда I, по которой для Троицкой церкви пожалована была земля въ урочищѣ *Сусловицизнѣ*. Въ 1765 году привиллегія эта вновь подтверждена была королемъ Станиславомъ Августомъ. Послѣдній документъ мы приводимъ здѣсь въ вѣрномъ переводѣ съ польскаго.

«Станиславъ Августъ Божіею милостію король» и пр.

«Дѣлаемъ извѣстнымъ симъ листомъ — экстрактомъ нашимъ всякому, кому бы о томъ нужно было знать, что въ метрическихъ книгахъ нашей великой канцеляріи великаго княжества литовскаго находится привиллегія, данная гродненскому попу церкви св. Троицкой *Матѳею*, на землю въ озерахъ Сусловщинѣ, найяснѣйшимъ предшественникомъ нашимъ, королемъ польскимъ и великаго княжества литовскаго, записанная въ книгу отъ 1511 до 1514 года. И представили намъ господа совѣтники и приближенные наши, чтобы мы привиллегію эту изъ книгъ нашей великой канцеляріи великаго княжества литовскаго выдать per extractum authentice разрѣшили, привиллегія же оная буквально по русски гласитъ такъ: «Жигимонтъ Божею милостію король и велики князь. Старостѣ городенскому пану Станиславу Петровичу. Билъ намъ чоломъ Попъ зъ Гродна Озерски церкви светое Троицы на имя Матѳей и повѣдилъ передъ нами штожъ держитъ землю въ озерахъ Сусловщизнѣ Ходарковича въ Пенязѣхъ, ино дей того человѣка одъ кого онъ тую землю маетъ самаго не стало и наслѣдка ктому нѣтъ, и билъ намъ чоломъ абыхмо тую землю въ тыхъ его пенязѣхъ ему дали на поживеніе церкви Божее, ино естли будетъ такъ какъ онъ намъ повѣдалъ будетъ ли то онъ всебе въ пенязѣхъ маетъ, мы ему тую землю Сусловщизну Ходарковича дали въ тѣхъ его пенязѣхъ на поживеніе церкви Божее. Писанъ въ Берести іюня семнадцати день индиктъ чотырнадцати.» Мы же король, снисходя къ таковому представленію, выше приведенную привилегію, попу гродненскому церкви св. Тройцы данную, разрѣшаемъ изъ метрическихъ книгъ великой канцеляріи нашей великаго княжества литовскаго требующей сторонѣ выдать, для большей же несомнѣн-

ности приложить печать великаго княжества литовскаго повелѣваемъ. Данъ изъ канцеляріи нашей великаго княжества литовскаго дня XXIX мѣсяца октября лѣта господня MDCCLXV.—Ант. Пржездзецкій П. (подканцлеръ) В. К. Лит.—Іосифъ Миклашевичъ.—Экстрактъ привиллегіи попу городенскому церкви святой Тройцы Матѳею на землю въ озерахъ Сусловщизнѣ, записанной въ книгу отъ 1511 до 1514 года.»

Изъ приведеннаго документа видно, что Троицкая церковь дѣйствительно существовала въ Гроднѣ, что въ 1511 году пожалована была ей земля въ урочищѣ *Озерахъ Сусловщизнѣ,* наконецъ, въ 1765 году церковь эта продолжала еще существовать. Другихъ свѣдѣній объ этой церкви не имѣется, даже неизвѣстно, гдѣ и какое урочище называлось Сусловщизною, самое названіе это нынѣ исчезло, и кромѣ приведеннаго документа, не встрѣчается нигдѣ въ извѣстныхъ намъ письменныхъ памятникахъ. Народное преданіе тоже молчитъ о томъ, была-ли и гдѣ именно находилась св. Троицкая церковь и какое это было урочище Сусловщизна. Подъ вліяніемъ и наплывомъ польскихъ интересовъ, языка и польскаго латинства, преданіе о мѣстной русской и православной старинѣ теряло свою жизненную силу, забывалось и стушевывалось, такъ что современному изслѣдователю въ пыли забытыхъ архивовъ трудно допытаться сколько нибудь ясныхъ и опредѣленныхъ указаній на давно минувшія дѣла и событія мѣстной русской жизни.

Но если время, при содѣйствіи особеннаго рода обстоятельствъ, не пощадило памятниковъ мѣстной русской старины, то и не могло истребить всѣхъ ея слѣдовъ. Такъ, до настоящаго времени въ Гроднѣ существуетъ бѣдная, обставленная скромными домиками улица, называющаяся *Троицкою.* Обстоятельство это, по нашему мнѣнію, не лишено нѣкотораго значенія. Названіе улицы, очевидно, имѣетъ характеръ очень древняго и чисто русскаго происхожденія. Въ польскомъ языкѣ нѣтъ слова *троицкій,* это слово русское. Если при этомъ принять въ соображеніе, что въ русскихъ городахъ улицы очень часто получаютъ названіе отъ имени находящихся на нихъ церквей, то нисколько не было бы несообразно съ истиной предположеніе о томъ, что и наша *Троицкая* улица получила свое названіе отъ бывшей на ней св. Троицкой церкви. По нашему мнѣнію, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить происхожденіе такого названія улицы, которое до нынѣ сохранилось неприкосновеннымъ, быть можетъ, благодаря бѣдности улицы и отдаленности ея отъ городскаго центра.

Главныя и лучшія улицы города получили особыя названія, уже чисто польско-католическія, какъ-то: доминиканская, бернардинская, бригидская [1]) и пр. Впрочемъ, предположеніе это и осталось бы предположеніемъ, очень правдоподобнымъ, но лишеннымъ характера несомнѣнности, если бы основывалось только на приведенномъ нами соображеніи. Есть однако нѣкоторые факты, удостовѣряющіе въ истинѣ такого предположенія. Въ инвентарѣ г. Гродно, составленномъ въ 1676 году, при исчисленіи городскихъ земель и зданій, сказано слѣдующее: «Переулокъ возлѣ св. Тройцы. *Правая* сторона отъ большой дороги: архіерейскія угодья, на которыхъ стоятъ три хижины огородниковъ. *Лѣвая* сторона: принадлежащая богодѣльни земля, на ней четыре хижины огородниковъ.»

Очевидно, что возлѣ церкви св. Тройцы существовалъ переулокъ, который, по всей вѣроятности, и есть нынѣшняя Троицкая улица. На этомъ основаніи, коммисіею учрежденною для открытія имущества древнихъ гродненскихъ православныхъ церквей, вытребованы были отъ жителей троицкой улицы документы, по которымъ они владѣютъ прилегающими къ ней плацами. Въ числѣ вытребованныхъ документовъ оказался одинъ, въ которомъ прямо сказано, что плацъ и домъ подъ № 176 [2]) принадлежалъ когда-то *священнику св. Троицкой церкви*, плацы же подъ №№ 140—174 показаны принадлежавшими въ прежнее время *богадѣльни.*

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ была богадѣльня, существовала ли она отдѣльно и самостоятельно, или по древнему обычаю находилась при церкви. Если предположить, что послѣднее болѣе вѣрно, то мы значительно приблизились бы къ рѣшенію вопроса о положеніи совершенно исчезнувшей нынѣ православной св. Троицкой церкви.

При отсутствіи прямыхъ и ясныхъ письменныхъ указаній, часто устное преданіе замѣняетъ собою подлинныя свидѣтельства, или покрайней мѣрѣ наводитъ насъ на прямой путь, ведущій къ открытію истины. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что устныя мѣстныя преданія о русской старинѣ, почти вполнѣ исчезли, уступивъ мѣсто преданіямъ позднѣйшаго времени. Намъ удалось однако узнать отъ нѣкоторыхъ старожиловъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ благотворительнаго общества, въ истекшемъ столѣтіи существовалъ р. католическій костелъ; входили въ

---

1) Всѣ эти улицы нынѣ переименованы.
2) Принадлежащіе еврею Юделю Горшоновичу Швинкелу

него со стороны Троицкой улицы. Само по себѣ обстоятельство это не представляетъ особеннаго значенія, р. католическое духовенство и богатые фундаторы не скупились на средства и строили много монастырей и костеловъ, особенно по городамъ, могли построить они костелъ и на Троицкой улицѣ. Тѣмъ не менѣе обстоятельство это не лишено будетъ нѣкотораго значенія, если принять во вниманіе тотъ извѣстный фактъ, что р. католическое духовенство великолѣпіемъ своихъ костеловъ всегда старалось подавлять скромныя и бѣдныя православныя церкви, и выбирало для этого рода построекъ лучшія и болѣе видныя мѣста, хотя бы тутъ уже и была иновѣрческая церковь. Съ другой стороны, съ введеніемъ уніи, р. католическое духовенство, во имя религіознаго единства, братски протягивало руку духовенству грекo-восточному, являлось въ ихъ церквахъ, служило въ нихъ свои мессы, съ тѣмъ чтобы, при первомъ удобномъ случаѣ, вмѣсто славянской службы ввести латинскую, затѣмъ взять въ полное свое владѣніе самую церковь. Мы уже видѣли, какъ перешли во власть р. католическаго духовенства древнія церкви Пречистенская и Крестовоздвиженская. При первой являются изъ Вильны четыре монахини, живутъ нѣкоторое время возлѣ церкви въ нанятомъ домѣ, потомъ строятъ себѣ тутъ же монастырь и церковь, воспользовавшись тѣмъ, что прежняя сгорѣла. Такимъ образомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ съ давнихъ временъ существовала православная соборная церковь, является монастырь и церковь базиліанокъ. Крестовоздвиженскую церковь постигла та же участь. Являются босые-кармелиты, поселяются возлѣ этой церкви, служатъ въ ней свои мессы, завладѣваютъ наконецъ самою церковью со всѣми почти ея угодіями, на которыхъ выстраиваютъ богатый каменный костелъ съ монастыремъ, уничтоженіе же уніатской церкви благоразумно предоставляютъ времени, которое и свершаетъ свое дѣло, истребивъ даже слѣдъ ея развалинъ.

Все это наводитъ на мысль и на предположеніе, что древняя Свято-Троицкая церковь могла испытать ту же участь, и что тамъ, гдѣ нынѣ домъ благотворительнаго общества (*богадѣльня тожъ*) и гдѣ стоялъ р. католическій костелъ, находилась когда-то православная церковь св. Тройцы, вполнѣ исчезнувшая и не оставившая по себѣ никакихъ слѣдовъ даже въ памяти мѣстныхъ жителей.

(*Грод. Губ. Вѣд.*)

III.

ФИЗИЧЕСКІЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ.

Ст. 2-я.

(*Продолженіе* *).

Въ соціальномъ отношеніи, народонаселеніе сѣверо-западныхъ губерній подраздѣляется на четыре класса: *дворянство, духовенство, городскія и сельскія сословія.*

Рядомъ постановленій Ягеллоновъ, дворянство православнаго исповѣданія мало по малу совращалось въ латинство, чтобы не потерять правъ на владѣніе недвижимою собственностію. Послѣ люблинской уніи, литовско-русское дворянство подчинилось вліянію уставовъ, опредѣлявшихъ значеніе этого сословія въ Польшѣ. Оно пріобрѣталось *родомъ* и *пожалованьемъ.* Одному только потомственному дворянству принадлежало право на занятіе должностей *государственныхъ, придворныхъ и земскихъ,* и при томъ только *помѣстнымъ* владѣльцамъ, владѣющимъ недвижимою собственностью.

Тѣмъ не менѣе пріобрѣтеніе дворянства (*uszlachcenie*), во времена польскаго владычества, было въ высшей степени легко. Какому либо знатному пану или магнату не много стоило труда доставить дворянскія права лицамъ, исполнявшимъ при немъ различныя должности. При томъ былъ еще въ Польшѣ законъ, по которому свидѣтельство двѣнадцати дворянъ считалось неопровержимымъ доказательствомъ шляхетскаго происхожденія какого либо лица.

---

*) Смотри кн. 7 8 и 9.

Подобныхъ свидѣтельствъ выдавалось множество. Такими путями въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, шляхетство быстро распространилось и, ко времени ихъ присоединенія къ Россіи, шляхта составляла почтенную цифру (*).

Въ началѣ XIX столѣтія вся эта шляхта дѣлилась на 1) *владѣльцевъ* вотчинныхъ (дѣдичныхъ), *закладныхъ и орендовскихъ*, и 2) на шляхту *околичную*, *чиншовую и служащую во дворахъ*. Второй разрядъ шляхты въ матеріальномъ отношеніи былъ въ жалкомъ состояніи. Огромное количество шляхты, несоразмѣрное съ массою населенія, неслыханное въ Россіи, заставило наше правительство, послѣ возстанія Польши въ 1831 г., приступить къ пересмотру документовъ дворянскаго происхожденія. На основаніи указа 6 августа 1842 года, лица, недоказавшія своего дворянскаго происхожденія, правомъ владѣнія недвижимою собственностію, перечисляемы были въ *однодворцевъ* или *гражданъ*.

Такимъ образомъ, въ западныхъ губерніяхъ изъ шляхты образовались два разряда свободныхъ сельскихъ и городскихъ обывателей, которые платятъ подушную подать и отправляютъ рекрутскую и земскую повинности.

Дѣла по разбору дворянскихъ правъ до такой степени запутаны, что до сихъ поръ, въ минской губерніи только 12,574 дворянъ доказали свои права и утверждены герольдіей, остальные болѣе 40,000 этихъ правъ еще доискиваются, затѣмъ 24,613 д. уже перечислены въ сословіе гражданъ и однодворцевъ, т. е. почти $\frac{1}{3}$ бывшей шляхты не доказала законными путями правъ, которыми неизвѣстно почему пользовалась. Не смотря на мѣру правительства, значительно ослабившую элементъ шляхетства, число дворянъ въ минской губерніи все еще весьма велико; оно достигаетъ до 6%. Когда подобная несоразмѣрность дворянъ съ прочими сословіями существуетъ во всѣхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, въ рязанской губерніи дворянъ и чиновниковъ считается значительно менѣе 1%.

Помѣщиковъ въ минской губерніи 1817 д. которые по

(*) Матер. I, 541. Въ минской губерніи считалось въ началѣ настоящаго столѣтія 58726 дворянъ на 596,382 душъ всего поселенія; т. е. 10%.

10 ревизіи, до уничтоженія крѣпостнаго права, владѣли 290,791 душами крестьянъ, 6,949,444 десятинами земли, т. е. въ собственности помѣщиковъ было болѣе 84% или болѣе $^4/_5$ всего пространства губерніи. (*) Наиболѣе крупные владѣльцы находились въ мозырскомъ (на однаго 11,293 дес.) и рѣчицкомъ уѣздахъ (на одного 8,640 дес.)

Въ числѣ 53,520 потомственныхъ дворянъ кромѣ 1817 помѣщиковъ, считалось около 2000 дворянъ, владѣвшихъ ненаселенными землями, и 75 владѣвшихъ крѣпостными безъ земли. Полагая на каждое семейство владѣльца 4 души, получимъ до 16,000 дворянъ, или менѣе $^1/_3$ общаго числа дворянъ, имѣвшихъ собственность.

Кто проѣзжалъ западную Россію, тотъ, конечно, знакомъ съ обширными палацами. Большая частъ ихъ уже давно опустѣла, другіе находятся въ развалинахъ или заброшены нынѣшними владѣльцами. Всѣ эти признаки прошедшаго владычества Польши въ сущности свидѣтельствуютъ не о цивилизаціи, о которой прожужжали уши польскіе писатели, но о больномъ и испорченномъ состояніи всего польскаго общества. Въ величіи этихъ зданій можно видѣть развѣ только угнетеніе и порабощеніе бѣлорусскаго народа; ибо только на униженіи низшихъ классовъ могли быть основаны богатство и безумная расточительность польскихъ пановъ и магнатовъ. Огромная, непроходимая пропасть, до послѣдняго указа объ освобожденіи крестьянъ, раздѣляла шляхту отъ народа. Незначительная масса пановъ держала въ безусловномъ порабощеніи хлоповъ. Развѣ въ этомъ состоитъ цивилизація, которою величаются поляки!?

Духовенство, особенно р. католическое, съ давняго времени владѣло обширными заселенными имѣніями, служившими источникомъ роскоши, въ которой оно не уступало шляхтѣ. Не трудно это видѣть изъ сравненія обширныхъ каменныхъ римско-католическихъ храмовъ съ бѣдными, деревянными, нерѣдко похожими на сараи, православными церквами. Въ началѣ настоящаго столѣтія латинскому духовенству, въ минской губерніи, принадлежало до 17,312 д. крестьянъ и до 400,000 дес. земли, не считая іезуит-

---

(*) Въ рязанской губерніи частнымъ владѣлцамъ принадлежало 76% земли (1857 г.), но при этомъ воздѣланныя земли между крестьянами и помѣщиками раздѣлялись почти по ровну.

скихъ имѣній, отобранныхъ въ казну еще съ 1773 года, въ которыхъ состояло 7,257 д. съ 320,000 дес. Съ 1843 года всѣ духовныя имѣнія состоятъ въ казенномъ управленіи, а духовенство и монастыри пользуются штатнымъ содержаніемъ. Съ развитіемъ роскоши въ духовенствѣ, упадала нравственность. Монастыри, предъ первымъ возстаніемъ Польши, сдѣлались притономъ злоумышленниковъ; тутъ думали не о спасеніи души въ смиренныхъ келліяхъ, а проводили время въ оргіяхъ, праздности и составляли злоумышленные планы.

Г. Зеленскій приводитъ весьма интересное извлеченіе изъ указа римско-католической коллегіи 1832 года о жалкомъ и бѣдственномъ положеніи монастырей въ западныхъ губерніяхъ, бывшихъ кромѣ того главнымъ притономъ лжеученія пастырей, направленнаго къ измѣнѣ отечеству. Въ 9 западныхъ губерніяхъ въ 1832 г. было до 300 монастырей на 2,500,000 д. римско-католическаго вѣроисповѣданія. Такое крайне—несоразмѣрное и вредное отношеніе въ политическомъ положеніи страны, когда притомъ многіе латинскіе монастыри не имѣли каноническаго числа монашествующихъ, побудило правительство упразднить изъ нихъ около $^2/_3$ (191), въ томъ числѣ въ минской губерніи, изъ 35 монастырей, въ 1832 г. упразднено 22, а впослѣдствіи еще 3.

Въ 4 сѣверо-западныхъ губерніяхъ до 1862 года считалось приходовъ православныхъ 1010, р. католическихъ 676; монастырей православныхъ 17, р. католическихъ 51, а именно:

	Приходовъ		Монастырей	
	Правосл.	Р. Катол.	Правосл.	Р. Катол.
Минская — (1862)	535.	80.	5.	10.
Гродненская—(1861)	317.	127.	5.	5.
Виленская — (1857)	141.	167.	5.	22.
Ковенская — (1857)	17 церк.	302 церк.	2.	14.

На содержаніе причтовъ, епархіальныхъ епископовъ, консисторій, семинарій и духовныхъ училищъ, въ минской губерніи отпускается по православному испов. 172,273 р.
— римско-католич. исп. 66,833 р.

Итого 238,833 р.

На православный причтъ среднимъ числомъ приходится 228 р. (*), а на р.-католическій 272 р.; какъ тѣ такъ и другіе владѣютъ землею. Весь доходъ православнаго причта, выраженный въ деньгахъ, по исчисленію Г. Зеленскаго, составляетъ 490 р. 80 к. На эти деньги содержится около 3 человѣкъ причта, съ семействами въ 14 душъ. Средства стало быть весьма скудныя.

„Въ этомъ отношеніи латинское духовенство, говоритъ г. Зеленскій, гораздо болѣе обезпечено. Оно надѣлено землею точно также, какъ и православное, получаетъ на каждый причтъ отъ 230 до 600 р., не обременено семействами и кромѣ того пользуется значительнымъ вспомоществованіемъ отъ прихожанъ помѣщиковъ и доходами за исполненіе требъ. Исполненіе каждой требы составляетъ для ксендзовъ предметъ дохода,—дохода, который въ православныхъ приходахъ, если и существуетъ, то ужъ, конечно, сравнительно съ р. католическими приходами, можетъ назваться ничтожнымъ (**).“ По мнѣнію г. Зеленскаго доходъ православнаго священника отъ требъ едва ли покрываетъ ихъ вычеты изъ жалованья, которые ежегодно дѣлаются на разныя богоугодныя дѣла.

Впрочемъ, съ нѣкоторыми положеніями г. Зеленскаго, относительно православнаго духовенства, нельзя вполнѣ согласиться. Г. Зеленскій упрекаетъ священниковъ, и довольно рѣзко, въ усвоеніи семействами ихъ польскаго языка, въ равнодушіи священниковъ къ искорененію остатковъ уніи и къ украшенію и поддержанію церквей. По его словамъ большая часть церквей находится въ такомъ состояніи нищеты и разрушенія, которое прямо свидѣтельствуетъ о полномъ отсутствіи заботливости священниковъ къ содержанію храма въ приличномъ видѣ.

Намъ кажется, едва ли справедливо обвинять такимъ рѣзкимъ приговоромъ православное духовенство западныхъ губерній, духовенство, оказавшее въ минуты смутъ такое самоотверженіе. Польскій языкъ, употребляемый въ разговорѣ большинствомъ духовенства западныхъ губерній,

---

(*) Не нужно забывать, что въ группѣ православнаго причта числится священникъ, дьячекъ, пономарь нерѣдко діаконъ и просфирня, а латинскій причтъ состоитъ изъ одного ксендза. *Ред.*

(**) Матер. I, 568.

вошелъ въ употребленіе вмѣстѣ съ уніей и съ распространеніемъ польской цивилизаціи, вытѣснившей изъ употребленія языкъ западно-русскій. А вѣдь послѣ возсоединенія уніятовъ къ православію прошло не болѣе четверти столѣтія. До настоящаго мятежа на преобладаніе польской рѣчи въ духовенствѣ никто не обращалъ никакого вниманія. Вліяніе же этого языка на общество было такъ сильно, что, сколько мы знаемъ, на всемъ сѣверо-западномъ пространствѣ не было ни одной русской книжной лавки. Священники, имѣя постоянное сношеніе съ одной стороны съ помѣщиками и чиновниками, говорившими по польски и никогда неговорившими по русски, съ другой съ крестьянами, не знавшими по русски, по необходимости, усвоивали или польскую рѣчь помѣщика, или бѣлорусскую крестьянина. Литературный русскій языкъ усвоивали только городскіе священники, вслѣдствіе близкихъ и частыхъ сношеній съ русскими чиновниками и войсками. Нельзя, поэтому, безусловно винить наше православное духовенство въ предпочтеніи имъ польскаго языка русскому, который едва слышенъ былъ только въ немногихъ семейныхъ кружкахъ уроженцевъ великороссійскихъ губерній. Придетъ время, когда, съ укорененіемъ православія, мало по малу изчезнетъ изъ употребленія и польскій языкъ, со всѣми латино-польскими наростами.

Также нельзя безусловно обвинять духовенство въ равнодушіи къ искорененію остатковъ уніи. Едва ли православное духовенство поступило бы съ свойственнымъ духу православія смиреніемъ, если бы вдругъ начало искоренять въ народѣ многіе обычаи и порядки, не свойственные православію. Напротивъ, оно заслуживаетъ полнаго уваженія, уже тѣмъ, что исподоволь, постепенно, не раздражая страстей, вводило и вводитъ въ сердца возсоединенныхъ правила и догматы истинной православной восточной церкви. Болѣе благоразумнаго пути избрать оно не могло при томъ положеніи, въ которомъ новая православная церковь находилась въ отношеніи латинской, постоянно ей враждебной. Вѣроятно автору не безъизвѣстно, съ какимъ постоянствомъ ксендзы пользуются всякимъ случаемъ, чтобы раздражить народныя страсти и возбуждать раздоръ въ средѣ православныхъ, поселяя въ нихъ недоброжелательство, а въ своихъ латинскихъ прихожанахъ ненависть къ православному священнику. При недавней матеріальной зависимости по-

слѣдняго отъ помѣщиковъ, надобно было имѣть много такта, чтобы оградить свою паству отъ опасныхъ вліяній враждующихъ сосѣдей, и въ этомъ отношеніи православное духовенство западныхъ губерній доблестно и мудро исполняетъ свой долгъ, — не забывая обязанностей смиреннаго служителя алтаря и честнаго русскаго подданнаго.

Еще менѣе православное духовенство заслуживаетъ упрека въ небреженіи объ устройствѣ и благолѣпіи православныхъ храмовъ. Кто прихожане этихъ церквей? Не значительная доля мѣщанъ и крестьянъ. Послѣдніе, до настоящаго мятежа, послѣдовавшаго за ихъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости р. католическихъ помѣщиковъ, были въ бѣдственномъ положеніи какъ по свему матеріальному быту, такъ и по нравственному развитію. Не духовенство тутъ виновато, а то положеніе, въ которомъ были прихожане, у которыхъ порядочному священнику совѣстно было просить приношеній на украшеніе храма. Что же касается до приношеній православныхъ чиновниковъ въ городахъ, то они вообще всегда были скудны. Г. Зеленскому вѣроятно извѣстно съ какимъ усердіемъ и теперь посѣщаются ими храмы! На какую же благодать приходилось расчитывать священнику, чтобы поставить церковь хоть бы въ приличный видъ, не говоря о благолѣпіи. Все наслѣдованное ими отъ уніи было въ такомъ жалкомъ видѣ, что только при самыхъ энергическихъ мѣрахъ можно вывести изъ нищеты большую часть храмовъ.

На это теперь обратили вниманіе. Со стороны правительства и общества велико-россійскихъ губерній дѣлаются пожертвоватія деньгами, иконами, облаченіями и другими принадлежностями. Явились ревностные братства, заботящіяся о приношеніяхъ. Еще въ 1860 г., на устройство и украшеніе храмовъ минской губерніи ассигновано 600 т. р.; до 1863 г. предположено было построить 20 церквей новыхъ—на 200 тысячъ руб., передѣлать и исправить 47—на 90 т. руб.

Предполагаемыя авторомъ мѣры къ обезпеченію матеріальнаго положенія православнаго духовенства (съ чѣмъ тѣсно соединено и нравственное улучшеніе его быта) едва ли, по нашему мнѣнію, удобопримѣнимы въ практикѣ и едва ли не породятъ новыхъ затрудненій. Предлагаемыя имъ мѣры слѣдующія: 1) ограниченіе числа сельскихъ приходовъ, 2) наемъ причетниковъ, съ исключеніемъ ихъ

изъ духовнаго сословія, 3) дозволеніе рукополагать въ священники, безъ обязательнаго условія брака (въ видахъ уменьшенія касты (?) духовныхъ), 4) преобразованіе семинарій и женскихъ школъ, 5) увеличеніе содержанія священниковъ, безъ обремененія прихожанъ и государственной казны новыми налогами, 6) обезпеченіе престарѣлыхъ священниковъ, 7) образованіе приходскихъ совѣтовъ и 8) открытіе при церквахъ училищъ. Съ большинствомъ этихъ положеній впрочемъ нельзя не согласиться.

Городскія сословія (*) минской губерніи, въ 1857 г. составляли $1/_8$ часть всего населенія; въ томъ числѣ евреи занимали $72,_7\%$. Такое преобладаніе евреевъ обнаруживается въ каждомъ сословіи городскихъ обществъ.

Въ сословіи купеческомъ, изъ 255 семействъ, на долю еврейскихъ приходится 86%, такъ что на 8 лицъ купеческаго званія—едва одинъ христіанинъ. Въ сословіи мѣщанъ и цеховыхъ изъ 89,477 д. об. п. считается 73% евреевъ. Но это послѣднее отношеніе, по мнѣнію г. Зеленскаго, ниже дѣйствительнаго; число мѣщанъ евреевъ превосходитъ число мѣщанъ христіанъ по меньшей мѣрѣ въ 8 или 9 разъ.

Такимъ образомъ, уже по одному численному преобладанію, вся торговля и почти всѣ ремесла находятся въ рукахъ евреевъ, не смотря на то, что купцамъ и мѣщанамъ переселяющимся изъ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерній, по силѣ указа 24 дек. 1841 г. даются значительныя льготы.

Независимо отъ численнаго перевѣса, евреи дѣйствительно оказываютъ особую способность къ торговымъ предпріятіямъ, стараясь путемъ кастической стачки и непобѣдимой конкурренціи поставить христіанъ въ стѣснительное и изолированное положеніе.

По мнѣнію Г. Зеленскаго, христіанское населеніе въ минской губерніи не расположено къ торговлѣ или по неопытности, или по неумѣнію взяться за дѣло, или по недостатку предпріимчивости, или же по врожденной склонности къ земледѣлію. Тогда какъ евреи отличаются рискованными предпріятіями, дѣйствуютъ съобща и чувствуютъ отвращеніе къ плугу, бѣлорусскій крестьянинъ скорѣе закопаетъ въ землю лишній рубль, нежели рѣшится пустить въ какой бы то ни было оборотъ.

(*) Матер. I, 585 и слѣд.

Однако же до XVII столѣтія въ этой же самой странѣ существовало обратное положеніе: торговля и ремесла были въ рукахъ христіанъ, предковъ нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, населяющихъ минскую губернію. Доводы автора не объясняютъ вполнѣ дѣла, и существующій нынѣ фактъ едва ли можно объяснять такими поверхностными указаніями. Зло кроется въ самомъ соціальномъ устройствѣ евреевъ, на которыхъ во всѣхъ другихъ случаяхъ авторъ такъ справедливо нападаетъ.

Нельзя не обратить вниманія на печальный фактъ, указываемый г. Зеленскимъ для нашихъ финансовъ.

Замѣна мѣщанскихъ податей налогомъ на ихъ недвижимыя имущества, вслѣдствіе положенія дѣйствующаго съ 1-го іюля 1863 г., уменьшила государственные доходы изъ нихъ на 88 т. р,: въ сословіи купеческомъ эта замѣна дала прибыли только 9 т., такъ что ежегодный дефицитъ простираться будетъ противъ прежнихъ лѣтъ на 79,000. (*)

Г. Зеленскій въ историческомъ описаніи *сельскихъ сословій* (**) знакомитъ вкратцѣ съ постепеннымъ порабощеніемъ сельскихъ сословій современъ грамоты Казиміра Ягелловича 1457 г., укрѣпившей земледѣльцевъ на земляхъ шляхты. Чрезмѣрное развитіе правъ и привиллегій дворянства во времена Ягеллоновъ, при религіозной ненависти къ православнымъ, со временъ гражданской и религіозной уній, возбуждало анархію и постепенно усиливало самоуправство пановъ, достигшее въ XVII и XVIII столѣтіяхъ крайнихъ размѣровъ. Угнетеніе крестьянъ доходило до варварства. Шляхта предоставила себѣ право суда и расправы, право жизни и смерти надъ людьми несвободными. Попытки къ облегченію участи крѣпостныхъ сдѣланныя канцлеромъ Замойскимъ, возбудили противъ него ненависть и гоненіе. Польша пала въ хаосѣ безпорядковъ, не сдѣлавъ въ пользу облегченія участи *хлоповъ* ни одного шага.

Сельскихъ обывателей въ минской губерніи въ 1857 г. числилось 763,671 д. об. п., т. е. болѣе ³⁄₄ всего населенія.

Въ общей массѣ лицъ сельскихъ сословій числится на

(*) Въ 1859 г. подушной окладъ съ мѣщанъ минской губерніи составляетъ 111,215 р. Въ 1863 г. окладъ замѣненъ налогомъ 26,340 р. на недвижимыя имущества: вмѣсто 2 р. 38 к. податей съ ревизской души, взималось 43% съ цѣнности недвижимыхъ имуществъ. „Матеріалы" I, 597 и 670.

(**) Матер. I, 597.

100 душ. сельскихъ обывателей свободныхъ состояній 5, государственныхъ крестьянъ $12._6$, по іезуитскихъ ленныхъ и духовныхъ крестьянъ $5._3$ и бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей 77_0. Значитъ, наибольшую массу составляли крѣпостные люди, а за ними государственные крестьяне. На этихъ двухъ состояніяхъ сельскихъ обывателей мы и остановимся.

Всѣ *казенныя имѣнія* Минской губерніи заключаютъ 1,062,679 дес. земли, или $1/8$ часть всего пространства губерніи. Изъ этого числа надѣлено крестьянамъ 241,959 дес. Всѣхъ казенныхъ крестьянъ по 10 ревизіи 100,888 д., на каждую душу приходится $2._4$ десят. Валовая оцѣнка оброка, по исчисленію повѣрочной люстраціи, составляетъ 194,909 р., съ каждой десят. 81 к.

Смотря по уѣздамъ, оброчная плата измѣняется отъ 52 к. до 1 р. 34 к. Всѣхъ участковъ 13,067, въ томъ числѣ полныхъ 9,815. На каждый участокъ приходится болѣе 7 душъ.

Средній полный участокъ составляетъ отъ 17 до 27 дес. Оброчная плата съ полнаго участка измѣняется отъ 7 р. 91 к. до 27 р. 50 коп., общая средняя 17 р. $65^4/_4$ коп.

Крѣпостное населеніе (помѣщичьи крестьяне и дворовые люди) въ послѣдніе 40 лѣтъ, до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, увеличилось на $10\%_0$.

По 7-й ревизіи.	По 10-й ревизіи.
264,302.	290,973.

Но какъ народонаселеніе минской губерніи, по мнѣнію автора, увеличивалось ежегодно на $1\%_0$: то стало быть значительная масса крѣпостнаго населенія уменьшилась. Въ самомъ дѣлѣ, по 7-й ревизіи крѣпостной процентъ составляетъ $75._8$, а по 10—$64._6$ относительно всего ревизскаго населенія, — значитъ въ 43 года (1816—1859) число крѣпостныхъ людей уменьшилось на $12\%_0$.

Всей земли, надѣленной крестьянамъ помѣщичьихъ, поіезуитскихъ, духовныхъ и ленныхъ имѣній, по исчисленію бывшаго инвентарнаго комитета,—1,384,328 дес. По исчисленію губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, 1,296,886 дес.

Менѣе на 87,342 дес.

Всѣхъ дворовъ (тягловыхъ, оброчныхъ, огородниковъ и бобылей) 84,655, въ томъ числѣ тяглыхъ 75,210. На каждый дворъ вообще приходится $3._7$ мужчинъ и $4._2$ женщинъ.

Среднiй надѣлъ по инвентарямъ на каждый дворъ (исключая огородниковъ и бобылей) 17 десятинъ; maximum въ бобруйскомъ 26 дес., minimum въ слуцкомъ 12 дес.

Опредѣливъ цѣну рабочаго дня въ 15—12 к. конная, и 10—8 к. пѣшаго и обративъ по этой оцѣнкѣ всѣ натуральныя повинности помѣщику въ деньги, инвентарный комитетъ исчислилъ среднiй доходъ помѣщика съ одной десятины крестьянскаго участка въ 1 р. 81 к. До 1861 года государственные крестьяне платили оброка 54 к. съ десятины, а помѣщичьи, по отбыванiи повинностей своимъ владѣльцамъ, по 1 р. 81 к., т. е. въ $3\frac{1}{2}$ раза болѣе, даже при той слабой оцѣнкѣ рабочихъ дней, которую сдѣлалъ инвентарный комитетъ.

Г. Зеленскiй привелъ весьма любопытныя данныя бывшаго инвентарнаго комитета (1846), въ высшей степени важныя для объясненiя размѣра повинностей (*).

За надѣленную крестьянамъ землю 1,384,328 дес. по инвентарямъ опредѣлено:

Рабочихъ дней.		Обращая повинности въ деньги.	
Мужскихъ	10,655,200.	За нихъ:	2,419, 200 р.
Женскихъ	10,684,159.	Вещественной дани (**)	145, 861 —
		Чинша (***)	26, 930 —
Итого	21,339,354.	Итого	2,592, 141 —

За каждую надѣленную крестьянамъ десятину земли приходилось рабочихъ дней—мужс. $7._{7}$ женскихъ $7._{7}$; тѣхъ и другихъ вмѣстѣ $15._{4}$ на сумму 1 р. 87 к., т. е. на каждую душу приходилось повинностей на 3 р. 86 к., а каждый дворъ обязанъ былъ работать $28\frac{1}{2}$ муж. и $31\frac{1}{2}$ женс., или около 60 дней въ году. А какъ среднiй надѣлъ на

(*) Матер. I, 644 и 645.

(**) *Данины*—состояли въ вещественныхъ сборахъ сельскихъ, лѣсныхъ и другихъ произведенiй хлѣба, птицы, барановъ, медъ, грибы, яица, масло, ягоды, холстъ, сукно, пряда, камень, зола и т. п.

(***) *Чиншъ* составлялъ добавочную повинность съ нѣкоторыхъ имѣнiй. Сверхъ того за предоставленiе помѣщиками въ пользованiе крестьянъ *добавочныхъ выгодъ*, за лѣсъ на строенiе и топливо, пастбища, выгоны, рыбную ловлю, водопой,—къ главнымъ повинностямъ присоединялись *добавочныя:* 1) *Шарварки* (строительныя работы), 2) *Подорощизна* или подводы, 3) Суточное *сторожество*, 4) Ночной караулъ и многiя другiя работы около господскаго двора.

одинъ дворъ составляетъ до 18 десят., стало быть каждый дворъ отбывалъ повинностей въ течении года 267 дней, на сумму 33 р. 66 коп.

По Высочайше утвержденному положенію 19 февраля 1861 г. отмѣнено навсегда крѣпостное право на крестьянъ и дворовыхъ людей, и всѣмъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставлены права состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей, какъ личныя, такъ и по имуществу.—Обязательныя же отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ прекращены по указу 1-го марта 1863 г., вслѣдствіе политическихъ смутъ края, въ которомъ большинство помѣщиковъ принимало самое дѣятельное участіе.

Исчисленный чиновниками министерства — финансовъ оброкъ въ пользу помѣщиковъ составляетъ: 1,620,982 р. въ годъ, съ десятины 1 р. 25 к., т. е. ровно на $1/3$ менѣе противъ инвентарной оцѣнки. Но какъ инвентарная оцѣнка гораздо ниже настоящей,—ибо практическія цѣны на рабочіе дни, принятыя въ основаніе оцѣнки издѣльной повинности, покрайней мѣрѣ вдвое выше противъ цѣнъ инвентарныхъ, то стало быть за каждую десятину крестьяне отбывали, повинностей помѣщику не на 1 р. 87 коп., а по меньшей мѣрѣ на 3 р. 74 к., слѣдовательно *съ освобожденіемъ крестьянъ, черезъ уничтоженіе обязательныхъ отношеній, повинности уменьшились втрое.*

Въ заключеніе обзора нравственныхъ элементовъ минской губерніи, намъ остается указать на важнѣйшіе выводы г. Зеленскаго по движенію народонаселенія.

Въ минской губерніи по не точному исчисленію лицъ женскаго пола трудно было автору установить вѣрную цифру отношенія этого пола къ мужскому. Каждый источникъ счисленія представляетъ различное отношеніе, но всѣ одинаково указываютъ, какъ и вездѣ, на преобладаніе женщинъ; по 10 ревизіи, напримѣръ, на 100 мущинъ приходится 106 женщинъ.

Мало довѣрія заслуживаютъ также данныя о народонаселеніи по возрастамъ, доставленные казенной палатой по 10 ревизіи. Такъ, въ подростающемъ возрастѣ до 16 лѣтъ, въ христіанскомъ народонаселеніи, считается $30._2\%$, а въ еврейскомъ—$15._3\%$, т. е. въ *двое менье* (?). Зрѣлаго возраста—отъ 16 до 60 лѣтъ христіанъ—57%, евреевъ $82._7\%$, стариковъ у христіанъ около 3%, у евреевъ—2% Если бы мы сравнили эти выводи съ извѣстными выво-

дами различныхъ европейскихъ націй, то нашли бы что данныя о евреяхъ лишены всякаго научнаго значенія и указали бы на крайнюю неосмотрительность послѣдней ревизіи при исчисленіи еврейскаго народонаселенія, которая по доказательствамъ Зеленскаго не досчиталась покрайности *третьей ихъ части.* Если, слѣдуя общему закону, существующему во всей вселенной, принять зрѣлый возрастъ евреевъ за 56—60% и пропорціонально исчислить подрастающее поколѣніе евреевъ, принявъ оное за 12%, то въ результатѣ получили бы выводъ одинаковый съ тѣмъ, къ которому г. Зеленскій пришелъ другими путями.

По невѣрности и запутанности счисленія числа жителей,—*движеніе народонаселенія,* говоритъ г. Зеленскій, представляетъ весьма сложный и запутанный вопросъ, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ значительная часть населенія состоитъ изъ евреевъ, о которыхъ не возможно имѣть не только точныхъ, но и приблизительныхъ свѣденій *). Затрудненія же состоятъ: 1) въ несогласіи источниковъ объ общемъ числѣ жителей, 2) въ противорѣчіи данныхъ изъ метрическихъ книгъ о рожденіи и смерти съ общими свѣденіями о народонаселеніи и 3) въ отсутствіи свѣденій о родившихся и умершихъ евреяхъ. Такъ, въ слуцкомъ уѣздѣ— съ 1846 по 1857 г., по одному донесенію (18 января) родилось 8421, а по другому (отъ 4 сентября) тогоже 1858 г. родилось 2175 **)!

Само собою разумѣется, что при подобныхъ данныхъ, лишенныхъ всякой вѣроятности, статья о движеніи народонаселенія не можетъ имѣть желаемаго значенія въ наукѣ. И потому мы плохо вѣримъ въ выводъ автора объ увеличеніи народонаселенія. По выводамъ г. Зеленскагоъ народонаселеніе минской губерніи отъ перевѣса родившихся надъ умершими ежегодно увеличивается на 1%, а въ совокупности съ противудѣйствующими явленіями, уменьшающими народные силы—рекрутскими наборами, высылкою и переселеніями изъ губерніи, безъ вѣсти пропавшими,—оно, по мнѣнію автора, должно увеличиватьс я на$0._6$% или на $1/_{166}$ долю. По крайней мѣрѣ съ выводами автора не согласуется показаніе ревизій, по которымъ въ на-

*) Матер. I, 483.
**) Тамъже I, 486.

родонаселеніи въ послѣдное время замѣчена огромная убыль.

По 7 ревизіи	считалось		359, 861 д.
— 8	—	—	431, 833
— 9	—	—	432, 486
— 10	—	—	401, 401

Если 9 и 10 ревизіи производились съ одинаковою невѣрностію, то въ промежуткѣ отъ 1851 до 1858, т. е. въ 7 лѣтъ, ревизское населеніе уменьшилось на 30,885 или на 7%, стало быть оно не увеличивалось на $0._{6}$, а напротивъ уменьшалось на 1%.

Впрочемъ г. Зеленскій основательно доказываетъ, что по 10 ревизіи если и было уменьшеніе, то не столь значительное и выводитъ, что въ эту ревизію прописныхъ было около 21 тысячи душъ противу 9 ревизіи!...

„Сколько же существуетъ и такихъ (преимущественно изъ евреевъ), говоритъ авторъ, которые не записаны и въ 9 ревизіи?—Принявъ въ соображеніе злоупотребленія, происходящія при составленіи ревизскихъ сказокъ, для евреевъ, легко допустить, что все число прописныхъ въ настоящее время доходитъ до 50,000 д. одного мужескаго пола, такъ что общее число ревизскихъ душъ, податныхъ сословій, при производствѣ 10 переписи должно было составлять не 401,000, а по крайней мѣрѣ 450,000. Разница огромная!... Изъ 9 человѣкъ, которые по закону, должны платить подати и подлежать рекрутскому набору, *одинъ* избѣгаетъ ревизіи и, слѣдовательно уклоняется отъ исполненія этихъ повинностей“ *)! Тѣ же самые факты указаны и въ гродненской губерніи.

Далѣе авторъ доказываетъ, что наибольшая масса прописныхъ должна быть въ еврейскомъ населеніи.

Вотъ тѣ результаты, къ какимъ приходятъ авторы статистичеекихъ описаній, составляемыхъ по каждой губерніи. Хотя они и не достигаютъ вѣрныхъ научныхъ положеній, по причинѣ крайней неточности первоначальныхъ матеріаловъ, но путемъ добросовѣстной критики указываютъ на неточности. Однажды брошенный свѣтъ на неправильное дѣло принесетъ болѣе пользы, нежели одни голые факты, составленные на сомнительныхъ данныхъ о цѣломъ государствѣ, приводящіе статистику о Россіи къ ложнымъ выводамъ.

*) Матер. I, 516 и 517.

По плодовитости народонаселенія минская губернія занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, если въ ней ежегодно рождается въ православномъ и р. католическомъ населеніи 4% или 1/25.—Пропорція эта колебалась въ 14 лѣтъ (1847—1860) между 1/22 и 1/33.

Въ общемъ числѣ мальчиковъ раждается на 4.5% болѣе, чѣмъ дѣвочекъ. Общій законъ преобладанія мужскихъ рожденій надъ женскими доказанъ уже всѣми статистиками, хотя до сихъ поръ наука не рѣшила окончательно причинъ такого явленія. Знаменитый Кетле, въ своемъ классическомъ сочиненіи „sur l'homme," доказываетъ однако, что это явленіе совершенно не зависитъ отъ климата.

Смертность въ минской губерніи тоже значительна и по среднему выводу (за 14 лѣтъ) она составляетъ пропорцію 1/33, но въ иные годы доходитъ до 1/22.

Большая смертность, какъ доказано статистиками, есть прямое слѣдствіе недостаточнаго производства, посредствомъ котораго накопляется богатство, безъ котораго не можетъ быть благосостоянія. И этотъ фактъ до настоящихъ смутъ повторялся на всемъ пространствѣ сѣверо-западнаго края.

„Матеріалы" для географіи и статисаики представляютъ слѣдующія данныя:

Губерніи.	Періодъ наблюденій. *)	Рождаемость. %	Смертность. %	Приращеніе или убыль въ средній годъ. От естественныхъ причинъ	Приращеніе или убыль въ средній годъ. Отъ вліянія другихъ причинъ въ совокупности съ естественными.	Средняя жизнь.
Минская	(1847-1860 г. 14 л.)	3.36 или 1/25	3.00 или 1/34	+ 1	+ 0.6	27/24
Виленс.	(1844-1858 г. 15 л.)	4.2 — 1/24	3.3 — 1/33	+ 1	?	?
Ковенск.	(1848-1857 г. 10 л.)	4.18 — 1/24	3.51 — 1/28	+ 0.66	+ 0.47	?
Гродней.	(1843-1857 г. 15 л.)	4.68 — 1/26	3.70 — 1/27	— 0.017	— 0.35	26/94

*) Въ минской губерніи по православному и р. католическому населенію, а въ прочихъ по всѣмъ вообще вѣроисповѣданіямъ.

Вездѣ, кромѣ гродненской губерніи, замѣчается прибыль народонаселенія. Но и въ гродненской губерніи для православнаго и латинскаго населенія, разсматриваемаго въ періодъ съ 1847 по 1860 годъ получается прибыль, хотя и не столь значительная, какъ въ минской губерніи. Убыль же до 1857 года, обнаруженная по метрическимъ записямъ во всемъ вообще населеніи гродненской губерніи, объяснена причинами дѣйствовавшими репресивно на успѣхъ приращенія, часто повторяющимися неурожаями и голодомъ, а также эпидемическими болѣзнями въ 1846, 1847, 1854, 1855 и 1856 годахъ. Бывшее въ ней приращеніе до 1853 года получило отрицательный ходъ, вслѣдствіе громадной смертности въ наступившіе три года, крайне неблагопріятные для человѣческой жизни. Происшедшая въ эти годы смертность до того была велика въ этой губерніи, что надобно было нѣсколько благопріятныхъ лѣтъ сряду, чтобы пополнитъ убыль живыхъ силъ въ народонаселеніи. Намъ кажется, что подобныя репресивныя причины въ эти три года дѣйствовали и въ другихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Эти обстоятельства не могутъ пройти безъ вниманія и должны быть обслѣдованы въ совокупности со всѣми явленіями какъ физическими, такъ и нравственными. Такимъ образомъ обнаружилось бы, вѣроятно, что въ минской губерніи не могло быть столь значительнаго приращенія, ибо она съ гродненской губерніей находится почти въ одинаковыхъ условіяхъ по характеру и свойству мѣстности и по составу народонаселенія.

П. Бобровскій.

IV.

—

СОВРЕМЕННЫЕ ОЧЕРКИ.

III.

ХАМЕЛЕОНЫ.

Въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, въ томъ изъ нашихъ русскихъ городовъ, гдѣ такъ недавно еще поляки верховодили, гдѣ-свѣжо преданіе,—русскій языкъ почитается диковинкой,—гдѣ гимны пѣлись, гдѣ демонстраціи совершались,—гдѣ костелы процвѣтали, но не было почти ни одной порядочной русской церкви,—въ этомъ то достославномъ русскомъ городѣ,—въ свѣтлые іюньскіе сумерки, у подъѣзда большого двухъ-этажнаго зданія, собралась довольно значительная толпа. Что это?. О Боги! восклицаетъ пораженный читатель; неужели въ іюнѣ 1865 года, въ русскомъ городѣ, опять затѣвается поляками демонстрація? Успокойтесь читатель,—взгляните на спокойныя, а порой и веселыя, лица собравшихся людей, прислушайтесь къ ихъ рѣчамъ,—и вы подумаете, что тутъ нѣтъ ни одного политическаго агитатора, а все мирные да честные граждане! Толпа собралась у подъѣзда театра, а къ одной изъ его трехъ массивныхъ дубовыхъ дверей прибита была величавая афиша, извѣщавшая публику, что въ театрѣ пріѣзжими артистами данъ будетъ великолѣпный балетъ. Афиша была иллюстрована, сверху ея сидѣлъ, растопырившись, большой чортъ, манившій къ себѣ своею угрюмою физіономіей и выпученными глазами уличныхъ мальчишекъ, школьниковъ и любопытныхъ жидовъ. Былъ часъ десятый: но такъ-какъ представленіе не начиналось, не смотря даже и на то, что афиша гласила, что оно *непремѣнно* начнется

въ половинѣ девятаго, то публика, пользуясь прекрасною погодой, предпочла дышать чистымъ воздухомъ у подъѣзда, чѣмъ томиться ожиданіемъ въ душномъ театрѣ. Нѣкоторые, однакожъ, изъ посѣтителей театра, остались внутри его; то были по большей части записные театралы, всевозможныхъ спектаклей, и они выражали свое нетерпѣніе и неудовольствіе громкимъ постукиваніемъ палками, или каблуками своихъ сапоговъ объ деревянный полъ театра. Чаще всего и громче всего стукъ раздавался, разумѣется, изъ райка, посѣтителями котораго по преимуществу были: сидѣльцы изъ лавокъ русскихъ купцовъ, разнаго пола прислуга и жиды. Башенные часы, на каѳедральномъ костелѣ, пробили половину десятаго, а представленіе все еще не начиналось. Неугомонные любители изъящнаго зашумѣли пуще прежняго, зашикали, засвистали, наконецъ и за кулисами раздался звонкій свистокъ, предвѣщающій скорое начало балета. Опять раздался свистокъ, и занавѣсь съ визгомъ поднялась вверхъ. Разукрашенный блестящими блестками и звѣнящій побрякушками коронованный чортъ, котораго неудачный портретъ красовался во главѣ прибитой къ дверямъ театра афиши,—помѣщался на адскомъ тронѣ, лицомъ къ публикѣ, въ глубинѣ сцены, а нѣсколько фурій, бѣсенковъ и чертенковъ, окружало его. Достопочтенная, пріѣзжая труппа иностранныхъ артистовъ состояла изъ восьми человѣкъ и угощала публику громаднымъ, какъ гласила афиша, балетомъ.—Угрюмый блестящій и звѣнящій архичортъ, усладивъ своей искусной мимикой зрителей, наконецъ заволновался, поданъ сигналъ: фуріи, чертенки и бѣсенки засуетились, заплясали, запрыгали и зашмыгали, вдоль и въ поперегъ сцены; угрюмый ихъ властелинъ тоже пустился въ присядку, счастливый раекъ, пришелъ въ неописанный восторгъ, а прочая публика благовоспитанно тоже захлопала въ ладоши.

— Бисъ! Бисъ! завопилъ раекъ.

— Таки справди чортивъ *бисъ* (чортъ), замѣтилъ про себя торчавшій въ ложѣ позади разукрашенныхъ дамъ и щегольскихъ мужчинъ, высокій ливрейный лакей.

Замѣчаніе это произнесено было лакеемъ уже въ то время, когда выраженія одобренія публики утихли, и при томъ, въ порывѣ неукротимаго веселія,—такъ громко, что оно обратило на себя вниманіе не только бывшихъ въ ложѣ господъ и госпожъ,

но даже и сидѣвшаго въ партерѣ въ креслѣ, возлѣ самой ложи, высокаго, молодаго блондина, лѣтъ двадцати пяти.

— Поль, этотъ неучь компромитируетъ насъ; пожалуста, заставь его замолчать,—обратилась на французскомъ языкѣ къ своему сосѣду одна изъ бывшихъ въ ложѣ дамъ.

— Пошелъ вонъ, болванъ—Ванька, изъ ложи,—по русски, полушопотомъ, приказалъ лакею Поль; а сидѣвшій въ партерѣ молодой человѣкъ, закрывшись своей шляпой, изъ-подъ-тишка захохоталъ.

— Вы жестоки, обращаясь къ Полю и къ щекотливой дамѣ, замѣтилъ, бывшій у нихъ въ ложѣ, худощавый мужчина лѣтъ пятидесяти; ну можно ли было лишить бѣднаго человѣка токого рѣдкаго для него удовольствія? Наконецъ, согласно ли это съ нашими правилами, съ нашими понятіями о вещахъ?...

— Ахъ, вы, съ вашими вѣчными сентенціями! Видѣли мы къ чему онѣ повели, съ негодованіемъ, обращаясь къ пожилому мужчинѣ, по французски воскликнула, сидѣвшая рядомъ съ нимъ, молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, Елена, M-re Auguste правъ, а Поль погорячился, смиренно сказала пожилая дама. Поль, я прошу тебя, позволь нашему лакею возвратиться въ ложу. Ты вѣдь поступилъ не гуманно,—сознайся!

— Сознаюсь и каюсь, отвѣтилъ Поль,—и счастливый Ванька возвращенъ былъ въ ложу,—и, спустя минуту, молодой изъ партера блондинъ любовался сіяющимъ лицемъ блаженнаго лакея.

Когда первый актъ окончился и занавѣсь опустилась, молодой блондинъ, обратившій свое вниманіе на Ваньку и его господъ, замѣтилъ тоже хорошенькое личико Елены, съ искоса поглядывалъ на нее, а потомъ, отъ нечего дѣлать, рѣшалъ вопросъ: кто бы могла быть его миленькая сосѣдка? Молодой человѣкъ былъ постояннымъ жителемъ города, слѣдовательно зналъ на перечетъ всѣхъ, хоть сколько нибудь принадлежащихъ къ высшему кругу его русскихъ обитателей, а тѣмъ болѣе обитательницъ, миловидное же личико Елены никогда не попадалось ему въ обществахъ; и онъ рѣшилъ въ умѣ своемъ, что она и, повидимому, ея родители, Поль и пожилая дама, должны быть пріѣзжіе. Пожилое же лицо M. Auguste показалось молодому человѣку очень и очень знакомымъ; но сколько онъ ни вглядывался въ него, никакъ не могъ припомнить себѣ, гдѣ именно онъ его встрѣчалъ.

— Я былъ увѣренъ, что вы согласитесь со мной, намекая на возвращеніе Ваньки въ ложу, сказалъ Полю М-ге Auguste.

И голосъ М-ге Auguste показался очень знакомымъ молодому блондину; онъ взглянулъ еще пристальнѣе въ выразительное лице М-ге August, и ему еще больше прежняго захотѣлось припомнить: кто именно,—въ чемъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ,—его короткій знакомый.

Зоркій, черный глазъ August-а замѣтилъ пристально устремленный на него взоръ блондина: August смутился и, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ, съ живостью громко по русски заговорилъ:

— М-ге Поль и Mesdames, взгляните кругомъ себя и прислушайтесь — какъ это пріятно, что, наконецъ, у насъ запахло Русью и вездѣ слышится русская рѣчь.

— Да, да, это очень пріятно, серьозно подтвердилъ Поль.

— Это прелестно, это восхитительно! плаксиво и визгливо, тоже по русски, восклицала пожилая дама, а юная Елена лукавымъ взоромъ окинула своихъ собесѣдниковъ.

М-ге Auguste пристально взглянулъ на молодаго блондина и, взглядываясь въ лице его, видимо—желалъ знать, что именно онъ думаетъ о немъ и его сосѣдяхъ. Повидимому, онъ тоже зналъ его и почему то въ особенности имъ интересовался. Молодой блондинъ тоже взглянулъ на Augusta, глаза ихъ встрѣтились. Auguste опять смутился, а спустя минуту, сказавъ своимъ сосѣдямъ, что отъ сильнаго свѣта у него болятъ глаза, вышелъ изъ ложи.

— Слушай ты, болванъ Ванька, обращаясь послѣ выхода изъ ложи August-а къ своему лакею, сказалъ Поль: Ежели ты не будешь держать себя чинно въ ложѣ, то я непремѣнно прогоню тебя.

— Сказавъ по правдѣ, это тиранія со стороны М-ге Augusta—заставлять насъ быть въ подобномъ обществѣ, замѣтила пожилая дама.

— Кто же васъ заставляетъ слушаться его? съ живостью спросила Елена свою мать.

— Ахъ, Елена, не ужели ты не знаешь!

— О, да! я очень хорошо знаю, къ чему привели насъ всѣ эти бредни! Что было, это я видѣла, а что еще будетъ, о томъ не разъ толкуетъ и мнѣ и вамъ мой братъ Иванъ. Но что толковать съ вами,—горбатаго одна могила исправитъ.

— О, недостойная дочь! воскликнула пожилая дама! Поль! неужели—это наша, наша родная дочь?

— Наша, наша...... Или вы сомнѣваетесь? съострилъ Поль.

— Коринъ! кто эта хорошенькая брюнеточка возлѣ васъ въ ложѣ? спросилъ молодаго блондина его сосѣдъ, по партеру, толстый армейскій маіоръ,

— Не знаю, — должно быть пріѣзжая, шопотомъ отвѣтилъ Коринъ.

— Вѣрно полька?

— Нѣтъ, говорятъ по русски.

— По русски!? Но вѣдь мы всѣхъ здѣшнихъ русскихъ знаемъ на перечетъ.

— Видно не давно пріѣхали.

— Не мировымъ ли посредникомъ въ какомъ нибудь уѣздѣ служитъ ея отецъ?

— Можетъ быть.

Въ эту минуту M-re Auguste возвратился въ ложу и сѣлъ въ глубинѣ ея.

— Не знаете ли, кто этотъ пожилой господинъ въ ложѣ, у моихъ сосѣдей, спросилъ Коринъ маіора; мнѣ его лице очень хорошо знакомо, но я никакъ не могу себѣ припомнить, кто именно онъ.

— И я гдѣ то видѣлъ этого господина, но гдѣ, тоже не припомню.

Между тѣмъ, опять запищалъ за кулисами свистокъ, опять взвилась занавѣсь, и пошли на сцѣнѣ пляски. Раекъ гудѣлъ, шумѣлъ, тысячи разъ кричалъ: бисъ, бисъ, а блаженный Ванька, тоже не разъ порывался шумно выразить свое удовольствіе, что онъ непремѣнно исполнилъ бы, если бы Польпорой не окидывалъ его строгимъ и внушительнымъ взглядомъ.

— Такъ вы говорите, что наши дѣла идутъ плохо? И что ... спросилъ Augusta Поль.

— Да, нельзя похвалиться. Но вѣдь вы знаете, что терпѣніе и энергія все превозмогаютъ, перебилъ Auguste. Главное— во всемъ нужны послѣдовательность и система.

— Да, да, оно такъ, замѣтилъ Поль.

— Никто не посмѣетъ упрекнуть насъ въ томъ, чтобы мы не имѣли выдержки, сказала пожилая дама.

— Но стоитъ ли игра свѣчь? спросила Елена.

— И это говоритъ моя родная дочь! забывшись и громче, чѣмъ бы это слѣдовало, обращаясь къ M-re Augusty, воскликнула мать Елены.

— Замолчите! Вы неблагоразумны! шопотомъ упрекнулъ пожилую даму Auguste.

— Ахъ, какъ это пріятно, что наконецъ теперь у насъ вездѣ слышится русская рѣчь! какъ бы въ отвѣтъ, на сдѣланное M-re Augusta замѣчаніе, громко и восторженно воскликнулъ горячій, повидимому, патріотъ Поль.

Да, да, пріятно! Въ особенности M-re Augusty, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, громко отвѣтила Елена.

— Mes dames! Вы безумны! Вы можете скомпрометировать меня! грозно умолялъ Auguste. Ежели вы не будете вести себя лучше, то я выйду изъ ложи, уѣду, вы болѣе меня не увидите!

— Простите, ради Бога! умоляла испуганная пожилая дама, и до конца спектакля въ ложѣ было все чинно и мирно. Только при концѣ четвертаго и послѣдняго дѣйствія, по видимому, не значительное, произнесенное лакеемъ Ванькой восклицаніе, смутило Поля, его жену, Augusta, и обративъ на себя особенное вниманіе Корина, вмѣстѣ съ тѣмъ было краеугольнымъ камнемъ моего настоящаго разсказа. Не даромъ говорятъ, что не разъ прямымъ послѣдствіемъ самыхъ ничтожныхъ вещей бываютъ великія дѣла: если бы лакей Ванька былъ поблагоразумнѣе и повоздержнѣе, и если бы, слѣдовательно, онъ не произнесъ той фразы, которой, читатели, вы еще не знаете, но которую, —успокойтесь, — я вамъ передамъ сію минуту, то по всей вѣроятности, я не написалъ бы моихъ хамелеоновъ и эти милые звѣрки не услаждали бы въ настоящую минуту васъ, мой читатель. Коринъ, заинтересовавшійся въ началѣ спектакля и Ванькой, и хорошенькой незнакомой, и M-re Augustомъ, а еще болѣе, ихъ таинственной и, какъ ему показалось, подозрительной рѣчью, увлекшись балетомъ, началъ-было меньше обращать на нихъ вниманіе, когда восклицаніе Ваньки заставило его встрепенуться и опять взглянуть проницательнымъ глазомъ на M-re Augusta. При концѣ четвертаго дѣйствія угрюмый архи-чертъ, драпировавшійся уже черною мантіей, такъ искусно запрыгалъ, такъ мило закувыркался, а потомъ такъ ловко засѣменилъ и задергалъ въ воздухѣ своими толстыми ногами, что нашъ блаженный Ванька,

прійдя въ неукротимое изступленіе, и будучи не въ силахъ, не смотря на устремленный на него грозный взоръ Поля, воздержаться, отъ обьявшаго его экстаза, залился такимъ пронзительнымъ и продолжительнымъ хохотомъ, что онъ долго еще раздавался и послѣ того, когда наконецъ замолкъ раекъ, и обратилъ на себя вниманіе, а отъ части и негодованіе, многихъ изъ сосѣдей по ложѣ M-ге Поля.

— Ахъ, Боже мой, какъ онъ компромитируетъ насъ! съ ужасомъ сказала M-me Поль.

— Замолчи, болванъ! замолчи, скотина! злостно шопотомъ шипѣлъ своему лакею Поль.

— Coż ia winien, Panie, kiedy ia nie mogę wytrzymać? громко оправдывался Ванька.

— Jezus-Maria! услышавъ громкую польскую рѣчь Ваньки, съ ужасомъ шепнулъ Auguste.

— Такъ вотъ-то ты, что за птица! Теперь я знаю тебя, голубчикъ! подумалъ Коринъ, въ ту же минуту припомнивъ себѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ, онъ встрѣчалъ M-ге Augusta.

Четвертый и послѣдній разъ спустилась занавѣсь; публика засуетилась, потомъ толпой двинулась къ выходу изъ театра. Пока усаживались въ свои экипажи и уѣзжали тѣ изъ зрителей, которые раньше Корина успѣли выйдти на крыльце, нашъ молодой человѣкъ, въ ожиданіи своего извощичьяго фаэтона, остановился, прислонясь къ одной изъ трехъ массивныхъ дверей главнаго выхода.

— Экипажъ помѣщика Хомутова! визгнулъ Ванька надъ самымъ ухомъ Корина.

— Что за чертовщина? неужели M-ге Поль, въ самомъ дѣлѣ, нашъ братъ Хомутовъ, а не какой нибудь Ивановскій, или Павловскій? подумалъ Коринъ. Но въ такомъ случаѣ, откуда у него знакомство съ этимъ плутомъ, какъ его тутъ называютъ M-ге Augustomъ, котораго давно слѣдовало бы скрутить.

Подкатила къ подъѣзду карета M-ге Поля; онъ усадилъ въ нее своихъ дамъ, потомъ, полагая, что въ темнотѣ его не замѣчаютъ, подъ ручку усадилъ и M-ге Augusta, наконецъ усѣлся и самъ; Коринъ усмѣхнулся. Опять мнѣ приходится повторить, что малыя вещи не разъ имѣютъ важныя послѣдствія, потому что Коринъ, увидѣвъ то незначительное, повидимому, обстоятельство, что титулованный Ванькой русской фамиліи человѣкъ, у-

саживаетъ подъ ручки въ карету мнимаго M-re Augusta,—рѣшительно заподозрилъ Хомутова въ самозванствѣ.

Настоящая мистификація! подумаетъ удивленный читатель: Auguste не Auguste, а мнимый August! Хомутовъ тоже не Хомутовъ! Настоящая мистификація! Хамелеоны — существа двуличныя, а порой, и многоличныя, отвѣчаетъ читателю авторъ. Ну, пусть себѣ Хамелеоны, — посмотримъ, что будетъ дальше, равнодушно заговоритъ читатель; а между тѣмъ я продолжаю разсказъ.

Скоро послѣ того, какъ карета Поля отъѣхала отъ крыльца театра, къ подъѣзду подкатилъ извозщикъ Корина. Поль, его семейство и товарищъ поѣхали по Желтой улицѣ, а извозщикъ Корина, вслѣдъ за ними, карета повернула на большую, туда же и Коринъ.

— Ужь — не сосѣди ли они мои? подумалъ Коринъ, видя, что его извозщикъ неотступно преслѣдуетъ экипажъ занявшихъ его въ театрѣ личностей.

Предположеніе Корина вполнѣ оправдалось: карета Поля остановилась у дверей гостинницы Манилова, т. е. у дверей того самаго дома, въ которомъ уже, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, жилъ нашъ молодой блондинъ. Когда Коринъ вышелъ изъ своего фаэтона и пошелъ по тускло освѣщенной лѣсницѣ во второй этажъ гостинницы, то услыхалъ, что шедшіе впереди его и не стѣснявшіеся уже многочисленной публикой—M-re Поль, August и дамы—говорили на польскомъ языкѣ.

— Одинъ Богъ свидѣтель, сколько я намучился въ театрѣ, говоря на этомъ проклятомъ — бараньемъ языкѣ, замѣтилъ M-re Augusty Поль.

— Вольно же вамъ комедіанничать! воскликнула Елена.— Ха, ха, ха! и мама тудаже! Повторите, маменька, какъ это вы говорили въ театрѣ: это прелестно, это восхитительно!—дразня мать, хохотала Елена.—

— О, милая ойчизна! какія мы приносимъ жертвы изъ любви къ тебѣ! не отвѣчая дочери, и какъ бы стыдясь, и оправдываясь и предъ собой и предъ дочерью, — воскликнула мать Елены.

— О, не благоразумная дѣва! вы не знаете того, что смиреніе, самопожертвованіе и терпѣніе, должны привести, наконецъ, насъ къ побѣдѣ! хранившій до того времени глубокое

молчаніе, и вовсе не подозрѣвавшій того, что въ нѣскольких шагахъ за нимъ слѣдуетъ Коринъ, шепнулъ таинственно, но многозначительно, мнимый M-re Auguste,

— Голубчикъ! такъ вотъ тебѣ чего хочется? Все еще побѣды! Постой-ка, старая лиса! подумалъ Коринъ.

Когда Поль, Auguste и дамы вошли въ длинный корридоръ втораго этажа гостинницы, то Коринъ не желая быть ими замѣченнымъ, на минуту остановился на лѣстницѣ, а между тѣмъ изъ за дверей прекрасно увидѣлъ, что они вошли въ первый, т. е. самый парадный, а слѣдовательно и дорогой, номеръ. Коринъ квартировалъ во второмъ номерѣ; его комната и зала перваго номера отдѣлялись только дверью.

— Запаль свѣце! войдя въ свой номеръ, крикнулъ Коринъ вошедшему къ нему мишурису.

— Ваше благородіе умѣете говорить по польски? съ удивленіемъ спросиль мушурисъ, вытаращивъ на Корина свои черные глаза.

— Гершко! говори со мною по польски сказалъ Коринъ мишурису такъ тихо, чтобъ его не могли услышать сосѣди.

— Но почему это, ваше благородіе?

— Не твое дѣло, Гершко, дѣлай то, что тебѣ приказываютъ; а для того, что бы ты охотнѣе повиновался, возьми полтинникъ. Какъ знать, быть можетъ, мнѣ приглянулась эта паненка, что въ первомъ номерѣ, и я хочу за нею приволокнуться. А если я стану говорить по русски, то безъ сомнѣнія мнѣ не удастся моя затѣя; потому что ты вѣдь знаешь, какъ насъ не любятъ поляки, въ особенности польки. Послышавшійся въ это время у дверей залы перваго номера тихій шорохъ заставилъ Корина замолчать. Чрезъ минуту онъ громко заговорилъ съ Гершкомъ довольно сноснымъ польскимъ языкомъ.

— Тамъ нашъ братъ—полякъ, успокоивающимъ тономъ сказалъ къ Полю Auguste, который, должно быть, подслушивалъ подъ дверьми.

— А! полякъ! такъ мы можемъ не стѣсняться, отвѣтилъ Поль.

— Не стѣсняйтесь! не стѣсняйтесь, дорогіе сосѣди, подумалъ Коринъ.

— Помни-жъ, Гершко, сказалъ онъ потомъ, не говори моимъ сосѣдямъ, кто я,—а если мнѣ удастся приволокнуться, то получишь еще рубль.

— Будьте покойны, ваше благородіе,—я не скажу.

— Да кстати! какъ фамилія этого пана?

— Панъ Хоментовскій; богатѣйшій панъ.

— Такъ вотъ-то каковъ Хомутовъ! подумалъ Коринъ.

Когда Гершко вышелъ изъ втораго номера, то Коринъ, предполагавшій заниматься послѣ спектакля дѣлами, перемѣнивъ свое намѣреніе и, боясь, чтобъ его не увидѣлъ Auguste въ щелку, потушилъ свѣчу, а между тѣмъ, хотя—не хотя, долженъ былъ слышать все, что происходило, а въ особенности говорилось, у пана Хоментовскаго въ номерѣ.

Когда дамы переодѣлись и хозяйка усѣлась у чайнаго стола, то завязался общій разговоръ, въ которомъ принималъ участіе, кромѣ бывшихъ въ театрѣ лицъ, какой-то молодой человѣкъ, котораго тихій и свѣжій голосъ пріятно защекоталъ ухо Корина.

— Кто у насъ въ сосѣдствѣ? спросила пани Хоментовская.

— Нашъ братъ—полякъ, отвѣтилъ ей мужъ.

— Вообрази себѣ Иванъ, хохоча и обращаясь къ своему молодому брату, заговорила Елена, мама, слѣдуя благоразумнымъ внушеніямъ каноника, говорила въ театрѣ по русски. Ты себѣ не можешь представить, какъ это было забавно!

— Панна Елена, сказалъ Auguste! благодарите Бога, что я почитаю васъ молодой и легкомысленной, а то плохо бы вамъ пришлось.

— Конечно, вы высѣкли бы меня розгами? шутя, спросила Елена.

— Гораздо страшнѣе розогъ—нравственные кнуты, началъ было Auguste, но Хоментовскій перебилъ его.

— Елена!—сказалъ *онъ*, я очень—и очень недоволенъ тобой; и ежели ты не оставишь свой непонятный и обидный въ отношеніи къ намъ тонъ, то мы не на шутку разссоримся.

— Она вгонитъ меня въ могилу! воскликнула пани Хоментовская. Ну кто бы могъ повѣрить, что она полька, родовитая полька!

— Такъ по вашему полька должна ломаться, кривляться, комедіанничать, подличать? спросилъ сынъ Хоментовской, Иванъ.

— О, молодой человѣкъ,—какъ вы еще молоды и не опытны! воскликнулъ Auguste. Неужели вы не можете понять того, что средства оправдываются цѣлью! Неужели вы не видите, что чѣмъ болѣе мы унижаемся, чѣмъ болѣе кровь наша волнуется при видѣ подлой роли, которую мы должны играть, тѣмъ болѣе жер-

твы, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, заслуги оказываемъ нашей неоцѣненной ойчизнѣ!

— Старое іезуитское правило! отвѣтилъ Иванъ.

— Иванъ! сказалъ Хоментовскій,—я рѣшительно начинаю думать, что наша молодежъ не такъ уже воспріимчива, какъ въ прежнія блаженныя времена, и что вы начинаете портиться въ московскихъ университетахъ.

— Вы ошибаетесь, папа, отвѣтилъ Иванъ, и вы обижаете насъ. Полякъ всегда будетъ любить ойчизну и будетъ полякомъ, но мы отвергаемъ тѣ отжившія уже свой вѣкъ правила, которыми вы руководились.

— Неужели, панъ Янъ, у васъ—въ университетахъ разсуждаютъ также, какъ вы—и всѣ мололые люди? пристально глядя Ивану въ глаза, спросилъ August.

Молодому человѣку очень хотѣлось бы сказать: всѣ, но онъ хорошо зналъ, что это была бы ложь, а онъ не могъ солгать, и потому ограничился уклончивымъ отвѣтомъ:

— У насъ теперь очень значительная партія здравомыслящихъ, сказалъ онъ.

— И они не боятся отлученія отъ церкви, проклятія? грозно воскликнулъ Auguste.

— Церковь не должна вмѣшиватьея въ дѣла гражданскія, отвѣтилъ Иванъ.

— И вы осмѣлились сказать это мнѣ,—мнѣ?!

— Да, вамъ, ксендзъ каноникъ!

— А, когда такъ, воскликнулъ мнимый M-re Auguste, а подлинный ксендзъ каноникъ, я напишу объ васъ нашимъ властямъ, и вы преданы будете анаѳемѣ!

— Старыя штуки! началъ было Иванъ, но мать перебила его:

— О, мой милый Ясю! въ волненіи воскликнула она,—опомнись, ради Бога, ради моей материнской любви! Ксендзъ каноникъ, прошу васъ, умоляю васъ, простите его, онъ еще такъ молодъ!—Ясю, мой милый Ясю!—неужели ты могъ произнести подобныя слова!

— Такъ вотъ, до чего я дожилъ, на старости лѣтъ!—Я имѣю сына отщепенца, богохульника, который заражаетъ своимъ гнуснымъ примѣромъ и мою дочь, мою Елену! воскликнулъ Хоментовскій.

И волновались, и горевали эти отуманенные іезуитскою логикою, и опутанные папскими сѣтями, жалкіе люди!

Отчаяніе матери и печаль отца смутили Елену и заставили Ивана перемѣнить тонъ.

— Но, ради Бога, мой добрый отецъ, заговорилъ онъ,—я вѣдь не говорю ни слова о догматахъ нашей религіи, я утверждаю только, что духовенству не слѣдуетъ мѣшаться въ свѣтскія дѣла.

— А, кто вамъ сказалъ это? или,—гдѣ вы вычитали подобный вздоръ? прогремѣлъ каноникъ.

— Мнѣ внушаетъ это здравый смыслъ.

— А вашъ здравый смыслъ, гдѣ вы черпаете? не въ московскихъ ли книгахъ?

— Нѣтъ, отецъ каноникъ,—я вычиталъ это въ евангеліи!

— Въ евангеліи! въ евангеліи! и каноникъ затопалъ ногами. Такъ вотъ-то вы каковы! Такъ вотъ какого змія вы воспитали, сказалъ онъ, обратившись къ родителямъ Яся! Этотъ господчикъ, этотъ молокососъ смѣетъ разбирать и перетолковывать слово Божіе, смѣетъ разсуждать о томъ, что дозволено нашей святой религіей только слугамъ Божіимъ! А когда такъ, я васъ оставляю, я удаляюсь... И пусть на головы ваши падетъ бичъ Божій, проклятіе, анаѳема!...

И посыпались черти и анаѳемы изъ устъ слуги Божьяго, и задрожали отъ ужаса злополучные, тупоголовые, старые Хоментовскіе.

— Ну, нечего сказать, славную же узду и хомутъ надѣли на нихъ ксендзы! подумалъ въ своемъ номерѣ Коринъ.

— Уйди, Иванъ! Уйди Елена! Ради Бога удалитесь дѣти! завопилъ Хоментовскій, будучи твердо убѣжденъ, что ему не удастся умилостивить неумолимаго пастыря, въ присутствіи брыкливыхъ овечекъ.

Иванъ и Елена вышли изъ комнаты.

— Ксендзъ каноникъ! Назначьте намъ какую вамъ угодно эпитимію за грѣхи нашихъ дѣтей! дрожащимъ и пискливымъ голосомъ проговорила пани Хоментовская, послѣ ухода дѣтей.

— Нѣтъ вамъ пощады! отвѣтилъ каноникъ.

— Ксендзъ каноникъ! хотя я на прошлой недѣли исповѣдывалась, завтра я опять буду исповѣдываться и пріобщаться!

— Нѣтъ вамъ причастья!

— Ксендзъ каноникъ! я пять барановъ жертвую на кляшторъ, дискантомъ пропищалъ Хоментовскій.

— И это не поможетъ, отвѣтилъ ксендзъ.

— Ксендзъ каноникъ! я буду семь пятницъ поститься, и читать литаніи! визжала пани.

— И это не поможетъ, повторилъ ксендзъ.

— Ксендзъ каноникъ! я двадцать пять рублей жертвую на костелъ! сказалъ наконецъ Хоментовскій.

Каноникъ подумалъ, смягчился и сказалъ.

— Пане Хоментовскій! я знаю, что вы всегда были ревностнымъ католикомъ и признаюсь, что въ отношеніи къ вамъ и къ пани, я не много погорячился, но вашъ сынокъ—то, сынокъ! О, я раскусилъ теперь, что онъ за птица, и предсказываю вамъ, что ежели во-время вамъ не удастся угомонить его, то онъ будетъ посрамленіемъ вашего рода, язвой Польши и проклятымъ отщепенцемъ церкви.

— Но ксендзъ каноникъ, робко замѣтилъ Хоментовскій,—Иванъ, я въ этомъ увѣренъ, горячо любитъ Польшу, но онъ говоритъ то только, что до поры, до времени, намъ слѣдуетъ воздержаться, и что будто бы.. ... что будто бы....

И замялся панъ Хоментовскій.

— Продолжайте! сказалъ повелительно каноникъ.

— Иванъ твердитъ, испуганнымъ шепотомъ продолжалъ Хоментовскій, что будто бы въ писаніи сказано, что духовенство должно наставлять свою паству, исключительно только, въ дѣлахъ касающихся религіи.

— И вы туды же! прогремѣлъ ксендзъ. Пане Хоментовскій! грозно продолжалъ онъ, я васъ предупреждаю, что ежели впередъ вы посмѣете хотя пикнуть о томъ, что говорится въ писаніи, иначе, нежели мы васъ учимъ, то мы разсоримся и тогда вамъ прійдется плохо!

— Не буду, не буду! Какъ Богъ святъ не буду, перепугавшись увѣрялъ каноника Хоментовскій.

— Что касается меня, то я никогда не посмѣла и думать иначе, какъ вы мнѣ приказывали! замѣтила пани Хоментовская.

— Правда, отвѣтилъ ксендзъ; но все таки, спасая своихъ дѣтей, вамъ не мѣшало бы прочесть литанію св. Антонію; и собственноручно вышить стулу и орнатъ въ какой нибудь костелъ.

— О, конечно, въ вашъ костелъ! радостно воскликнула пани Хоментовская, восхищенная тѣмъ, что ее похвалили.

— Пожалуй, и въ мой, отвѣтилъ ксендзъ и окончательно помирившись съ Хоментовскими, принялся за крѣпенькій пуншикъ.

— Такъ вы находите, ксендзъ каноникъ, что хотя дѣла наши

и плохи, но все-таки ловкостью, единодушіемъ и терпѣніемъ мы можемъ все преодолѣть? спросилъ Хоментовскій.

— Конечно, конечно, отвѣтилъ ксендзъ, похлебывая пуншъ и подливъ снова рому.

— И таки когда нибудь дождемся побѣды надъ нашими проклятыми тиранами,—надъ москалями?

— Это болѣе чѣмъ вѣрно.

— Но какими же путями ксендзъ каноникъ? спросилъ панъ Хоментовскій. Признаться, видя какъ мы пали теперь, и какъ насъ скрутили эти собаки москали, мнѣ какъ-то съ трудомъ вѣрится, чтобы мы наконецъ восторжествовали надъ ними.

— Я уже сказалъ вамъ, что терпѣніемъ и энергіей мы все преодолѣемъ. Да наконецъ, неужели вы не видите того, что эти бараны—москали сами же роютъ себѣ яму?

— Сами роютъ себѣ яму! сплеснувъ руками, радостно воскликнула пани Хоментовская.

— Да, да, отвѣтилъ ксендзъ. Но, пане Хоментовскій! я удивляюсь, что вы сдѣлались такъ непроницательны и не знаю, куда дѣлась ваша прежняя воспріимчивость, прозорливость?

— Ахъ, ксендзъ каноникъ! это правда, что удрученный тяжелыми ударами послѣднихъ событій, я какъ будто отупѣлъ. Но за то я по прежнему остаюсь вѣрнымъ сыномъ ойчизны, и покорнымъ исполнителемъ благоразумныхъ внушеній церкви, которыя вы, достойные ихъ служители, передаете намъ. Вы вѣдь слышали, какъ, слѣдуя вашему совѣту, я усердно болталъ сегодня въ театрѣ на этомъ уродливомъ бараньемъ языкѣ?—

— Такъ вы говорите, что они сами же роютъ себѣ яму? снова спросила пани Хоментовская.

— Да, да, они роютъ себѣ разомъ цѣлыхъ три ямы, отвѣтилъ, радостно потирая руки ксендзъ, видимо восторженный смиреніемъ пана Хоментовскаго, а быть можетъ еще болѣе вторымъ стаканомъ пуншика. Первой ихъ ямой есть то, что теперь, благодаря Бога, они начинаютъ уже опускать уши; вторая яма, — оброки, которые платятъ здѣшніе крестьяне въ казну; правительство выжимаетъ эти оброки самыми крутыми и жестокими мѣрами.....

— Лжетъ! подумалъ въ своемъ номерѣ Коринъ.

— И крестьяне непремѣнно не только взбунтуются, но и пристанутъ къ намъ. Вѣдь посудите сами, мои добрые друзья! крестьяне въ отношеніи къ намъ и къ правительству, стали въ

совершенно обратномъ прежнему положеніи. Въ прежнее время, когда мы владѣли здѣшними мужиками, они испытывали отъ насъ только требованіе работы, денегъ и всевозможныя прижимки, а въ правительствѣ, по милости этого умнаго, безрукаго звѣря [1]), видѣли своего защитника; теперь же, правительству давай и подати и оброки: и на школы, и на канцеляріи и на волостное управленіе, ихъ жмутъ, мнутъ, бьютъ, и проч. а съ паномъ самыя дружескія, могу сказать, самыя милыя отношенія у народа—панъ, по внушенію нашему, будетъ обращаться съ крестьяниномъ привѣтливо, ласково умно......

— Виноватъ, ксендзъ каноникъ! перебилъ Хоментовскій, вспомнивъ свое обращеніе съ Ванькой въ театрѣ.

Панъ и водку дастъ, послучаю крестинъ или свадьбы. Добрая пани лѣкарство дастъ больнымъ, продолжалъ каноникъ, навѣститъ ихъ въ ихъ хатахъ, а порой панъ и выручитъ ихъ изъ бѣды, занявъ денегъ, когда, при взиманіи непомѣрнаго оброка, у нихъ вырываютъ послѣднюю коровку, сдираютъ послѣдній тулубчикъ, или, пожалуй, отнимаютъ и послѣднюю черствую корку хлѣба.

Сильно покоробило Корина при этихъ словахъ.—

— Дай Богъ, чтобы это была ложь! грустно подумалъ онъ.

Панъ Хоментовскій и пани Хоментовская развѣсили уши, слушая ксендза, а у пани отъ умиленія чуть—чуть не потекли—было обильныя слезы.

— Третья же, и самая глубокая и прочная яма, которую они сами себѣ роютъ, продолжалъ съ увлеченіемъ ксендзъ каноникъ, есть та, что они посылаютъ нашихъ на жительство въ свою угрюмую тупоумную Россію, а тѣмъ самымъ сами же ослабляютъ себя. Наши не дремлютъ на новосельяхъ и, конечно, съумѣютъ посѣять тамъ сѣмя раздора, вкрасться въ довѣренность московскихъ гуманистовъ, внушить любовь къ своеволію и со временемъ раздуютъ революціонное пламя., которое охватитъ всю Варварію и потомъ протянетъ Польшѣ братскую руку!

— Протянуть Польшѣ братскую руку! изнемогающимъ отъ сладостныхъ ощущеній голосомъ, воскликнула пани Хоментовская.

— Правда, правда, ксендзъ каноникъ! воскликнулъ панъ Хо-

---

1) Ксендзъ разумѣетъ, кажется, Д. Г. Бибикова.

ментовскій и, въ припадкѣ натріотическаго изступленія подпрыгнулъ къ ксендзу и нѣжно и звонко чмокнулъ въ его плечо.

— Между тѣмъ здѣсь, т. е. въ Польшѣ, мы тоже не должны дремать, а всѣми мѣрами стараться усиливать себя и теперь и на будущее время, увеличивать число поляковъ,—предписывается теперь, какъ можно ранѣе жениться. — Я исполняю это предписаніе въ точности. Повѣрите ли, что моими стараніями въ прошлое воскресенье у насъ совершено двадцать, а въ будущее будетъ болѣе тридцати браковъ. Лишь только мальчишкѣ стукнетъ двадцать, или, хоть восемнадцать лѣтъ я и убѣждаю его жениться. Далѣе мы должны всячески усыплять русскихъ, стараться, чтобы нашъ народъ всегда готовъ былъ при первомъ благопріятномъ случаѣ къ возстанію и какъ можно болѣе увеличивать нашу будущую побѣдоносную армію. Наконецъ, мы должны дружить съ русскими, гдѣ нужно унижаться, ползать предъ ними, говорить на ихъ бараньемъ языкѣ, скрѣпя сердце, посѣщать ихъ богомерзкіе храмы, съ проклятіемъ въ душѣ—посѣщать ихъ варварскіе дома, собранія—словомъ, — на все—на все мы должны рѣшаться для того, чтобы со временемъ имѣть возможность жестоко, кроваво отмстить имъ

— Мести—мести! крови—крови! съ дуру, воодушевляясь воскликнулъ Хоментовскій.

— Крови — крови! повторила свирѣпая пани Хоментовская.

— Ахъ! если бы я могъ ввергнуть ихъ всѣхъ разомъ въ огонь инквизиціонный, въ пучину ада! кричалъ подпившій ксендзъ.

Молодаго Корина взорвало:

— О, чортовъ ксендзъ! громко по русски крикнулъ онъ въ забытьи.

— Боже мой! какъ засуетились и заволновались, услыхавъ русскую рѣчь въ первомъ номерѣ:

Пани Хоментовская со страху уронила чашку горячаго чаю и, обваривъ себѣ ноги, запищала на чемъ свѣтъ стоитъ; самъ панъ Хоментовскій громко и безсмысленно заболталъ на ненавистномъ ему бараньемъ языкѣ, а ксендзъ каноникъ, забывъ свою шапку и поднявъ габитъ (рясу), хотѣлъ было немедленно удрать восвояси, т. е. въ бернадинскій монастырь, но панъ, и пани, ухватившись за его полы, удержали гостя.

— Что намъ дѣлать? что намъ дѣлать? прося у ксендза совѣта, шепталъ по польски Хоментовскій, а вслѣдъ за тѣмъ, за-

бывшись и растерявшись, громко по русски, началъ вопить и клясться, что онъ отъ колыбели горячій русскій патріотъ.

— И можно ли не любить этотъ прямодушный, великій русскій народъ! восклицалъ ксендзъ.

— Великолѣпный народъ! подтвердила пани.

— Подлецы! не утерпѣвъ и само собою разумѣется по русски, закричалъ молодой Коринъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что Коринъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и что въ то самое время, когда происходило описываемое мною, онъ производилъ слѣдствіе надъ подозрѣваемыми въ политическихъ преступленіяхъ и между прочимъ надъ мнимымъ Augustomъ—ксендзомъ каноникомъ, котораго переодѣтымъ и съ накладными усами, съ разу онъ не могъ узнать въ театрѣ. Крѣпко—неловко было на другой день ксендзу глядѣть, во время допроса, Корину въ глаза, котораго онъ узналъ по голосу. Коринъ, разумѣется, и не намекнулъ ксендзу о его вчерашнемъ разговорѣ, но все таки, недѣлю спустя каноникъ отправился въ отдаленную русскую губернію, гдѣ мы предоставляемъ ему полное право—утѣшаться тѣмъ, что ему удастся развратить русскихъ,—а чета Хоментовскихъ отдана подъ надзоръ полиціи.

Н. Шигаринъ.

27 іюня 1865 года. Г. Житоміръ.

Кое-что о народностяхъ русской и польской.

Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ,
Оно ль изсякнетъ, вотъ вопросъ!

А. Пушкинъ.

Въ настоящее время, когда вопросъ о народностяхъ возникъ съ такою силою, получилъ такую популярность, когда на географическую карту старой Европы нѣкоторые стали посматривать какъ-то недовѣрчиво, сомнительно, какъ на что-то уже слишкомъ устарѣлое, находить пограничныя линіи государствъ очерченными неправильно, случайно, произвольно, и начали придумывать нельзя ли произвести новую размежевку нынѣ существующему поземельному владѣнію націй, болѣе соотвѣтствующую современному направленію идей о правдѣ и законности, заговорили о логической потребности такого размежеванія на пользу и преуспѣяніе народовъ въ дѣлѣ всемірной цивилизаціи,

мы, съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ откликнуться на этотъ важный вопросъ, выдвинутый на первый планъ исторической необходимостію прогрессирующаго человѣчества.

Мы сказали, что откликнуться на данный вопросъ считаемъ не только не лишнимъ, но и необходимымъ, тѣмъ болѣе что западный край Россіи, откуда мы подаемъ нашъ голосъ, и есть именно тотъ рубежъ, на которомъ лицомъ къ лицу встрѣтились національности, русская и польская, и есть та самая почва, на которой мы можемъ очами, такъ сказать, видѣть всю „суть" настоящаго предмета размышленія.

Но, прежде нежели приступимъ къ изслѣдованію вопроса о русской и польской національностяхъ, мы считаемъ необходимымъ объяснить, что мы раздумѣемъ подъ словомъ: „національность," въ чемъ она состоитъ, какіе элементы обусловливаютъ ея самобытность, въ какой степени эти элементы дѣйствительно самобытны, всякое ли человѣческое общество, хотя бы и составляющее изъ себя организованную ассоціацію, имѣетъ свою національность и пр.

Національность, по нашему мнѣнію, это личность извѣстнаго народа, выработанная вѣками его исторической жизни, получившая опредѣленную физіогномію. И чѣмъ ярче, чѣмъ рельефнѣе и точнѣе обнаружилась особность народа въ этой личности, тѣмъ болѣе народъ имѣетъ правъ на свою самобытность. Складъ ума народнаго, со всѣми, ему одному свойственными, пріемами, темпераментъ народа, его характеръ, его природныя сердечныя наклонности и поползновенія, его поэтическія настроенія, его языкъ, его вѣрованія и повѣрья, его литература, его нравы и обычаи, однимъ словомъ его личныя, индивидуальныя отношенія къ жизни, углу его міросозерцанія,—вотъ что мы разумѣемъ подъ именемъ національности извѣстнаго народа.

Высказавъ, такимъ образомъ, нашъ взглядъ на народность вообще, приступимъ къ разрѣшенію вопроса о народностяхъ русской и польской, т. е. имѣетъ ли каждый изъ этихъ народовъ свою отдѣльную, самобытную національность, коренящуюся совершенно на различныхъ почвахъ, зиждущуюся совершенно на иныхъ началахъ, и если такъ, то какое между ними различіе, и въ чемъ именно состоитъ оно? Возможно ли нравственное сближеніе этихъ народовъ и слитіе ихъ въ одну общую національность, какъ слѣдствіе непреложнаго закона исторической необходимости, этихъ двухъ народовъ—братьевъ, съ колыбели разлу-

ченныхъ между собою, хотя и принадлежащихъ одной расѣ славянской, но испытавшихъ совершенно иныя судьбы на пути своей исторической жизни? Что могло бы быть результатомъ такого слитія, и на оборотъ? Наконецъ возможно ли вообще оно— это слитіе племенъ, стоящихъ уже на извѣстной степени развитія, въ одно цѣлое, послѣ вѣковой ихъ разлуки, и силою нахлынувшихъ обстоятельствъ вдвинутыхъ въ среду другихъ національностей, совершенно имъ чуждымъ?

Отвѣчать на всѣ эти вопросы, которыми мы задались сейчасъ, съ надлежащею полнотою и ясностію, не входило въ наши намѣренія. Для этого требовалось бы прослѣдить жизнь каждаго народа съ самаго его дѣтства до настоящаго возраста. Поэтому взглянемъ на дѣло русской и польской національностей въ настоящій моментъ зрѣнія.

Мы спрашиваемъ себя, въ самомъ ли дѣлѣ Россія и Польша-двѣ совершенно отдѣльныя націи, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою народность радикально противуположную одна другой? Такъ-ли, напримѣръ, полякъ не похожъ на русскаго, какъ, положимъ, французъ на англичанина, испанецъ на шведа и пр.? Вникая глубже въ природу обоихъ народовъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, мы должны отвѣтить на этотъ вопросъ и „да," и „нѣтъ." Все, что привилось къ Польшѣ съ запада, все, что она на лету у него схватила и узаконила у себя дома, какъ непреложную истину, не разсуждая долго—годится ли она ей, согласна ли съ натурой славянина, вся, такъ сказать, подражательная Польша, колѣнопреклоненная, раболѣпная предъ западнымъ кумиромъ, доселѣ не пробудившаяся отъ сна, не открывшая очей, чтобъ увидѣтъ свое предъ нимъ, столь долгое, униженіе, сбросить съ себя позлащенныя его оковы и начать иную жизнь въ своей родной славянской семьѣ, эта Польша имѣетъ свою національность діаметрально противуположную нашей. Но есть другая Польша, коренная, исконная, народъ—Польша, не шляхетская, безсильно усиливающаяся изо всей мочи попасть въ европейскую гостиную, та Польша, которая при всѣхъ усиліяхъ угорѣлаго панства задушить ее еще въ пеленкахъ, не задохлась, тамъ,—въ этой Польшѣ чуется, слышится онъ, истый славянинъ. Въ національности этой Польши съ русскою мы особыхъ противорѣчій не видимъ. Впрочемъ, что грѣха таить, и въ той Польшѣ, запутавшейся въ паутинѣ западной цивилизаціи, славянскій норовъ тоже слышится частенько, какъ ни старается панъ выказывать свою ловкость

и свѣтскость, модничать своимъ либерализмомъ: чуть не много что не по немъ, бацъ хлопа въ морду! Вотъ тебѣ и либералъ! Вотъ паутинка и прорвалась! Видно шила въ мѣшкѣ не утаишь!

Можетъ быть, намъ скажутъ: да давно ли и Русь освободилась отъ слѣпаго подражанія западу, да еще и освободилась ли? Мы отвѣтимъ откровенно и прямо: недавно, даже оченъ недавно, и еще не вовсе освободилась. Но дѣло въ томъ, важно то, что „пожелала" освободиться, и уже освобождается. Въ этомъ то и вся разница.

Петровская реформа, сокрушивъ старую русь въ основаніи, пропахшую квасомъ, сивухою и всяческою вонью, надутую монгольскимъ чванствомъ, лѣнивую, грязную, не умытую, принесла намъ собою значительную пользу, познакомивъ насъ съ изобрѣтеніями запада. Но какъ только петровская реформа совершила свое назначеніе, какъ только Русь познала пользу западной науки и усвоила ее, она на этомъ не остановилась. Древо просвѣщенія, насажденное рукою великаго садовника, росло быстрымъ и могучимъ ростомъ. И вотъ на вѣтвяхъ его стали появляться плоды той-же породы, что и на западѣ, да не тѣ-самые, а сладчайшіе плоды, еще невиданные въ мірѣ, по своей громадности. И первымъ роскошнѣйшимъ плодомъ былъ вожделенный плодъ свободы милліоновъ людей! Съ каждымъ днемъ исполинское древо покрывается новыми и новыми, одинъ другаго краше, плодами, своими родными, взлелѣянными на своей почвѣ, плодами. Для запада свое, для насъ свое. Всякому кораблю свое плаванье. И русскій корабль понесся на всѣхъ парусахъ, какъ только съумѣлъ ихъ самъ поднять, своею дорогой, по океану жизни, управляемый рукою своего роднаго кормчаго.

Но изъ этого слѣдуетъ только то, что болѣе счастливая судьба выпала на долю русскихъ сравнительно съ поляками въ дѣлѣ ихъ развитія, а не слѣдуетъ то, чтобы между этими двумя одноплеменными народами существовало коренное различіе въ основныхъ элементахъ, составляющихъ ихъ генеалогію.

Въ самомъ дѣлѣ, осмотримся кругомъ, и что мы увидимъ? Простой бытъ обоихъ народовъ до того схожъ между собою, что съ перваго взгляда узнаешь единство ихъ происхожденія: таже доброта, радушіе, хлѣбосольство; таже удаль, и разгулъ на распашку; таже привязанность къ своему очагу, и любовь къ родинѣ до энтузіазма, въ минуту опасности восходящая до героизма; таже тихая, кроткая, глубокая религіозность... Да, все тоже!

Но въ томъ-то и дѣло, что издавна сказали народамъ: ты полякъ, а ты русскій; твоя родина тутъ, а твоя тутъ, хотя оба принадлежали къ одной великой славянской семьѣ. Вотъ и стали они смотрѣть другъ на друга изподлобья. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ, насъ русскихъ винить не зачто. Мы сами никогда не задирали нашего строптиваго сосѣда, и до бѣдственнаго порабощенія польскаго племени деспотическимъ католицизмомъ, все шло между сосѣдями—родичами довольно хорошо. Но едва нога ксендза—іезуита папскаго попа ступила на дѣвственную почву славянскаго міра, и полились цѣлыя рѣки невинной крови. Ксендзъ указалъ поляку на его единоплеменныхъ сосѣдей, какъ на непримиримыхъ его враговъ, какъ на еретиковъ и богоотступниковъ, проклятыхъ Богомъ, съумѣлъ влить въ душу его ядъ злобы и ненависти къ своимъ братьямъ, вызывая на месть, какъ на дѣло христіанской доблести, какъ на заслугу предъ очами всевышняго, и благословилъ на кровавый подвигъ... Подстрекаемое западомъ польское племя поддалось обольстительнымъ рѣчамъ фанатика, внесшаго огонь и мечъ въ мирную дотолѣ страну славянъ.

Но, такова мощь славянской натуры, что, несмотря на тысяче-лѣтнюю разлуку племенъ между собою, всѣ онѣ сохранили свой языкъ, хотя уже и не въ первобытной чистотѣ и цѣлости, живя по преимуществу подъ гнетомъ чуждыхъ имъ національностей. Такъ, и въ самомъ польскомъ языкѣ мы не находимъ особенно важной разницы съ нашимъ. Довольно одного мѣсяца прожить поляку въ Россіи, а русскому въ Польшѣ, чтобы понимать другъ друга. Если же очистить польской языкъ отъ словъ, заимствованныхъ имъ во множествѣ почти у всѣхъ народовъ запада, особенно у нѣмцевъ, то останется языкъ совершенно близкій къ нашему, т. е. коренному славянскому языку, языку русскому, изъ котораго, какъ изъ неисчерпаемаго источника потекли рѣки нарѣчій, въ томъ числѣ и польское. Чѣмъ глубже древность, тѣмъ сходство это поразительнѣе, языкъ надписей на отыскиваемыхъ нынѣ славянскихъ древностяхъ X—XII вѣка почти тотъ же, какимъ нынѣ говоритъ нашъ православный народъ.

Принимая въ соображеніе всѣ выше приведенныя обстоятельства, невольно задаешься вопросомъ: откуда-же могла взяться, и въ чемъ заключается самобытность польскаго языка? Въ самомъ дѣлѣ, если бы западъ отобралъ у него свои слова, а мы свои,—въ немъ ничего бы не осталось, и языкъ польскій

положительно исчезъ бы съ лица земли. Вотъ какова самобытность польскаго языка! Нарѣчіе еще не даетъ права на самобытность, потому что оно есть только нарѣчіе самобытнаго языка, есть малый побѣгъ отъ вѣтвистаго, огромнаго, древняго дерева.

Намъ скажутъ, что у поляковъ была и есть своя литература? — согласны. Но, во первыхъ, литература эта, понимаемая какъ письменность, никогда не была народною. Вся она была, и къ несчастію есть, подражательная, не своя, не самородная, а состряпанная на западный ладъ, глядящая на дѣло жизни не подъ своимъ угломъ, а подъ угломъ западнаго воззрѣнія, и потому вовсе чуждая народу, для него непонятная, ему неродственная. Мы не говоримъ, что вся польская литература именно такова; нѣтъ правилъ безъ исключеній, — яркіе лучи пробивались и въ ней сквозь пелену наноснаго тумана... А, во вторыхъ, и то еще вопросъ: достаточно ли одной письменной литературы, существующей у извѣстнаго народа, чтобъ языкъ этого народа могъ считаться вполнѣ самобытнымъ? Иначе мы должны будемъ допустить много самобытныхъ языковъ, очевидно, не имѣющихъ права на этотъ эпитетъ: самобытность болгарскаго языка, самобытность польскаго языка, сербскаго языка, малорусскаго, бѣло-русскаго, западно-русскаго и проч. и проч. языковъ — нарѣчій одного и тогоже славянскаго корня, это ужъ будетъ слишкомъ много самобытностей! Эти нарѣчія на столько и самобытны, на сколько въ нихъ еще слышится общая имъ всѣмъ особность ихъ расы. Неужели, если Котляревскій написалъ свою шутку — энеиду, а Шевченко свои думы по мало-россійски, то уже этого достаточно, чтобы малорусское нарѣчіе имѣло право на самобытность — отдѣльность? Да вѣдь такимъ образомъ мы дойдемъ до того, что должны будемъ признать самобытности языковъ костромскаго, владимірскаго, новогородскаго и проч. и проч., такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ свои отличительные оттѣнки, Нѣтъ, но эти оттѣнки — не что иное, какъ фальшивыя ноты, болѣе или менѣе неудачные варіанты на главную тему, господствующую въ цѣлой пьесѣ, — не болѣе. Фактъ, что польская нація, въ теченіи всей своей исторической жизни не выработала изъ себя почти ни одного своего новаго слова, для выраженія новыхъ идей, необходимо возникающихъ при самобытномъ развитіи каждаго народа, — знаменателенъ. Онъ доказываетъ краснорѣчивѣе всѣхъ

возгласовъ, что Польша безъцеремонно всегда брала у другихъ народовъ готовыя уже идеи, съ готовыми для нихъ названіями, т. е. своей собственной работы въ дѣлѣ умственной культуры, на поприщѣ всемірной цивилизаціи, никогда не заявляла, или заявляла въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Мало всего этого: для выраженія своихъ *славянскихъ* звуковъ, литтература польская не имѣетъ даже своихъ *славянскихъ* буквъ,—она и тутъ щеголяетъ не въ своемъ, а въ чужомъ платьѣ. Только, по словамъ нашего великаго баснописца, ворону одѣвшуюся въ павлиньи перья, узнали:

„И стала наша матрена,
„Ни пава, ни ворона."

Нѣтъ, подъ самобытностію языка, мы разумѣемъ нѣчто иное. Мы думаемъ что подъ литературою извѣстнаго народа нельзя понимать одну только письменность; едва ли—не самый почетный отдѣлъ ея займутъ-устныя преданія, пословицы, сказки, пѣсни, былины, повѣрья и проч.; въ нихъ, можетъ быть, ярче отзовется и громче скажется жизнь народа во всей ея полнотѣ и особности,—его народность. А въ этомъ отношеніи польская литтература съ нашей иногда сходятся до поразительной близости. И чѣмъ древнѣй эти пословицы, преданія, сказки и проч., тѣмъ сходнѣй онѣ съ нашими. Намъ лично удалось слышать нѣсколько пѣсень, пропѣтыхъ однимъ старикомъ-простолюдиномъ польскимъ, дышащихъ такою древностію, что, казалось, онѣ были сложены еще во времена язычества. Мотивы и слова ихъ были до того схожи съ мотивами и словами нашихъ старинныхъ пѣсень, что мы положительно забыли, что слушаемъ поляка. Намъ невольно пришло на мысль: да почему же онъ полякъ? и что это такое: полякъ?! Когда мы сказали старику, что пѣсни, которыя онъ пѣлъ, очень похожи на наши пѣсни и по словамъ, и по складу, и по голосу, онъ отвѣчалъ: „Отъ чегожъ и не быть имъ похожимъ! Дѣды наши намъ говорили, что встарину былъ все одинъ народъ, и что тотъ, который теперь нѣмцы къ себѣ позабрали, и вездѣ тутъ, все былъ одинъ народъ,—русью звался."

Дѣйствительно, говоря словами поэта:

... Отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ
До пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,

„И отъ Китая до Дуная,“ прибавимъ мы, всюду слышится она,—наша родная рѣчь,—что волна, разлившаяся по огромному лону славянскаго міра... Тутъ спорить нечего; какъ тамъ себѣ ни толкуйте, а „gut Morgen“ и „добрый день,“ большая разница, какъ „gut Morgen“ и „bon jour“ такая же разница. Мы проѣдемъ,—русскій ли я, полякъ ли, только одну станцію за Энткуненъ, и ничего не поймемъ, что говоритъ тамъ народъ; нѣмецъ переберется на лѣвую сторону Рейна, и не понимаетъ, что тамъ говорятъ люди. Географическія границы народностей тутъ опредѣляются сами собою... У насъ не то: поѣзжай хотъ изъ Иркутска въ Венецію, черезъ Москву, Питеръ, Вильну, Варшаву, Галичъ и Краковъ, всюду слышится, что мы не чужіе. „День добрый!“ скажешь; „Дзень добрый!“ отвѣтятъ; „прошу дать воды,“ спросишь; сосѣдъ вашъ, полякъ, повторяетъ: „И мнѣ проше дацъ воды,“ и т. д. это уже не: „geben sie mir Wasser,“ не: „apporter moi de l'eau!“ Спрашиваемъ; гдѣ же тутъ, и въ чемъ же оно, это коренное различіе между русскимъ и польскимъ языками, которое изо всѣхъ силъ бьются доказать, такъ называемые, патріоты польскіе? Его нѣтъ и никогда не могло быть. Все она, и всюду она, какъ говорилъ намъ старикъ-пѣвецъ, все одна *сторона*, русью звалась когда то.

Какъ бы ни показалось парадоксально наше мнѣніе краснымъ защитникамъ польской самобытной національности, съ какимъ бы азартомъ ни кричали западные публицисты въ пользу этой самобытности,—по причинѣ теперь уже понятной,—вопли ихъ всегда останутся пустыми звуками, и мы смѣло высказываемъ наши убѣжденія, потому что онѣ опираются на фактахъ, а противъ фактовъ спорить нельзя.

Намъ остается еще коснуться вопроса, самаго важнаго по мнѣнію защитниковъ польской національности, именно вопроса религіознаго. Религія, говорятъ они, вотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется коренное различіе натуръ—русской и польской.

Религія, исповѣдуемая народомъ, какъ выраженіе задушевныхъ его вѣрованій, какъ очистительная жертва его совѣсти, какъ душа народа,—конечно, дѣло важное,—но мы спрашиваемъ: дѣйствительно ли существуетъ такое радикальное

противорѣчіе (1) въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ между русскимъ и польскимъ *народомъ*, какое стараются навязать намъ наши общіе доброжелатели. Какъ русскій, такъ и польскій *народъ* (не забудьте—народъ) *вначалѣ*, познавъ сердцемъ высоту и святость божественнаго ученія, съ дѣвственною чистотою и радостію первобытныхъ христіанъ, увѣровали въ евангельскую истину, возвѣщенную Христомъ и проповѣданную св. Апостолами, и хранятъ доселѣ свою вѣру во всей простотѣ ея величія. (2) Тонкости религіозныхъ различій имъ непонятны. Они предоставили рѣшать это дѣло людямъ, *почивающимъ на законѣ*. И, можетъ быть, въ нихъ—то, въ этихъ массахъ простаго народа, не искушенныхъ хитростію всезнанія, и сохранилось до сихъ поръ единство того христіанскаго ученія, которое не знало раздѣленія церквей и было всеобще, *едино* и повсюду *православное*. Въ самомъ дѣлѣ поговорите съ *простолюдиномъ*—полякомъ, и вы сейчасъ же убѣдитесь, что онъ потому только считаетъ себя *католикомъ*, что его ксендзъ ему сказалъ это, да развѣ еще потому, что ходитъ въ костелъ, а не въ православную церковь. Намъ не однократно случалось встрѣчать въ нашихъ русскихъ храмахъ на молитвѣ крестьянъ и крестьянокъ польскихъ. На вопросъ, почему они пришли въ нашу церковь, а не въ свой костелъ, они обыкновенно отвѣчали: „до костела отъ насъ далече; а молиться все равно, что тутъ, что тамъ: Богъ у всѣхъ одинъ. Всѣ мы такіе же христіане.“ Какъ такіе же, продолжали мы спрашивать, вы римляне, а мы православные?— „Про то ужъ ксендзъ знаетъ, пане, отвѣчали они; пытайтесъ у него; а мы что знаемъ? намъ лишъ бы Богу помолиться.“ (3)

Вообще религіознаго фанатизма и нетерпимости между русскимъ и польскимъ *народомъ*, пока не видно. Послѣднее

(1) Есть и противорѣчія, но розни весьма много,—и притомъ розни непримиримой съ истиннымъ христіанствомъ, то есть православіемъ, до тѣхъ поръ, пока папство не откажется отъ своихъ выдумокъ человѣческихъ, отъ своей доктрины нехристіанской. *Ред.*

(2) Болѣе полвѣка въ Польшѣ была вѣра православная, перешедшая съ востока. *Ред.*

(3) Явленіе весьма рѣдкое! Оно было бы чаще, еслибы ксендзы не запрещали ходить своимъ прихожанамъ въ церковь, и еслибы сіи послѣдніе не повиновались слѣпо первымъ *Ред.*

польское возмущеніе доказало ясно, что оно было только ксендзо—мѣщано—шляхетское, но отнюдъ не народное, и народъ отнесся къ поднятому вопросу—„за вѣру, ойчизну и вольность“—совершенно хладнокровно, какъ къ дѣлу для него постороннему, дѣлу „панскому да ксендзовскому.“—

Пора же, наконецъ, Польшѣ одуматься, пора понять и убѣдиться, что она не родная дочь римскому папѣ, а только пріемышъ, которую онъ ласкалъ и ласкаетъ единственно для того, чтобъ она служила интересамъ его родныхъ дѣтей, а о томъ, сколько она страдала и страдаетъ неся на себѣ оковы папства, никогда не входило въ его святые разсчеты. Тѣмъ болѣе должно быть понятно Польшѣ это теперь, когда послѣ послѣдняго *ватерлосскаго* сраженія, разыграннаго кн. Горчаковымъ на полѣ европейской дипломатіи, всѣ европейскія державы, сначала столь много ей обѣщавшія, одна за другой отъ нея отступились, послѣ этого знаменитаго боя между старой Европой, образованной, искушенной опытомъ, и *необразованною* (по мнѣнію Европы), не опытной, изолированной Россіей, опирающейся только на свою правду. Какъ только дѣло дошло до той очевидной ясности, что дальнѣйшая честная борьба съ ней стала невозможною, по польскому вопросу, Англія отошла, сознавая открыто—свое ложное положеніе, въ которое имѣла неосторожнось себя поставить, и поэтому одному уже вышла благороднѣе другихъ націй, потерпѣвшихъ пораженіе въ этой знаменитой дипломатической битвѣ. Наполеонъ III, видя безплодность и безуспѣшность своихъ дѣйствій и полнѣйшую неудачу къ достиженію хитрозадуманнаго плана, „огорчился“ и оставилъ поле сраженія. Въ самомъ дѣлѣ, чтожъ ему оставалось болѣе, какъ не „огорчиться“? Мы говоримъ—Наполеонъ III, а не Франція, потому что, какъ извѣстно, Франціи теперь не существуетъ, а есть только Императоръ Наполеонъ III. Австрія, долго лавировавшая между подводными камнями, наконецъ сама устыдилась своей роли и, покраснѣвъ когда ей замѣтили, что поведеніе ея не совсѣмъ безукоризненно,—не нашла ничего благопристойнѣе, какъ поскорѣй удалиться отъ скандала. А Польша? Польша продолжала терзать саму себя, въ порывѣ отчаянія безсильной злобы, и текли рѣки славянской крови!...

Развѣ всего этого мало тебѣ, несчастная страна, чтобъ ты поняла и однажды на всегда убѣдилась, что въ западно—европейской семьѣ тебѣ нѣтъ мѣста, что тамъ ты-бездомная сирота,

принятая Христа—ради, обреченная вѣчно быть только въ застрѣлыщикахъ, на послугахъ папскаго запада и что за свой роскошный столъ Европа никогда не удостоитъ посадить тебя рядомъ съ собою!...

Мы коснулись этого вопроса для того, чтобъ ближе подойти къ разрѣшенію другаго вопроса,—именно: возможно ли моральное сближеніе между собою двухъ народовъ, русскаго и польскаго, и слитіе ихъ въ одно неразрывное цѣлое? Мы позволяемъ себѣ думать, что такое сродство нетолько возможно, но даже естественно,—какъ вытекающее само собою, по силѣ непреложнаго закона разумной необходимости. Если только польскій народъ пойметъ, что интересы его неразрывны и тождественны съ нашими, его могущество мыслимо только при нашемъ могуществѣ, его слава солидарна съ нашею славою, его богатство, образованіе, благоденствіе, міровое значеніе, — все, чѣмъ обусловливается счастіе народа,—нераздѣльно съ нашимъ счастіемъ, а безъ насъ невозможно, недостижимо, — тогда только нравственное сближеніе русскаго народа съ польскимъ сдѣлается возможнымъ, а для такого сближенія мы не видимъ особенно важныхъ препятствій. Со стороны Польши требуется одно: перестать жить безполезными воспоминаніями о прошломъ и отвлеченными надеждами на будущее, а начать жить настоящимъ, вмѣстѣ съ нами, какъ живемъ мы; обернуться спиной къ западу, затыкать уши отъ ксендзо-шляхетскихъ подстрекательствъ, оглядѣться кругомъ, и приняться за дѣло жизни, за дѣйствительный трудъ, какъ-бы сначала онъ ни показался тяжелъ и неблагодаренъ, а не строить воздушныхъ замковъ въ будущемъ, когда въ настоящемъ течетъ своя крыша, — сбросить съ себя ложный стыдъ самолюбія, сознаться публично и торжественно, что на алтарь всемірной цивилизаціи мы доселѣ положили самую скудную лепту,—понять, что стыдно все житъ на чужой счетъ, что пора перестать намъ все покупать — да покупать, пора продавать и свое, какъ бы оно ни было на первый разъ незначительно и малоцѣнно, что иначе намъ грозитъ и нравственное и матеріальное банкротство.

Въ сознаніи своей худости — нѣтъ позора. Въ немъ, въ этомъ сознаніи и лежитъ великое начало силы и совершенства. Оно есть первый къ нему шагъ, какъ смиреніе христіанское есть вѣрный шагъ къ нравственному возвышенію. Жить же одними мечтами и миражами прилично только дитяти, а не мужу.

Да и что это за золотое прошлое Польши, которымъ она такъ гордится, и о которомъ кричитъ въ уши всѣмъ и каждому? Какая была у нея свобода, полноправность и пр. въ пресловутое время существованія рѣчи—посполитой? Знаемъ мы эту хваленую свободу! Исторія у насъ подъ руками. Отъ исторіи никуда не спрячешься. Раскроемъ же эту неумолимую книгу! Чтожъ она говоритъ? Каждая страница польской исторіи этого времени запятнана постыднымъ дѣломъ насилія и произвола сильнаго надъ слабымъ, выходившими изъ всякихъ границъ правды, законности и всякой справедливости. Мелкотравчатый панъ ползалъ у ногъ магната: „падалъ ему до ногъ,“ льстилъ и унижался передъ нимъ до омерзительнаго отвращенія. Впрочемъ это былобы еще хоть какъ нибудь объяснимо, потому что иначе магнатъ отправилъ бы его, пана, на свою конюшню, и панской кожѣ пришлось бы потрещать порядкомъ, или натравилъ бы дерзкаго пана своими псами, — но самое гадкое было вовсемъ этомъ то, что маленькій панъ въ душѣ не обижался этими насиліями. Напротивъ онъ, отъ чистаго сердца, гордился такими подвигами своихъ магнатовъ, хвастался ими. И чѣмъ были они безобразнѣе, тѣмъ болѣе льстили его самолюбію. Мы, къ несчастію, еще и теперь слышимъ, съ какимъ непритворнымъ восторгомъ разсказываютъ поляки про эти варварства своихъ былыхъ вельможъ:—„Ужь были люди, такъ люди! Имъ было все нипочемъ! Что имъ былъ законъ? Они на него плевать хотѣли!“ и пр. и пр. За то и высѣченный панъ, возвратясь домой, также корчилъ магната передъ своими хлопами, глумился и неистовствовалъ. Вотъ онъ, этотъ золотой вѣкъ Польши, эта свобода рѣчи посполитой, полноправность гражданская! Помилуйте, да вѣдь это пародія, это сарказмъ, насмѣшка надъ свободой, это какой-то юродивый выкидышъ изъ чрева матери той—святой свободы, которая зиждется на началахъ истины, любви и блага, — той разумной свободы, которая покупается человѣчествомъ моральнымъ очищеніемъ его отъ всего лживаго и лукаваго. И этимъ-то своимъ прошлымъ такъ гордится Польша!!... Стоитъ ли?

Да и вообще гордиться прошлымъ, кому бы-то ни было, стоитъ ли? Человѣчество идетъ впередъ, и настоящее во многомъ лучше прошлаго, потому что оно есть результатъ его, металлъ, очищенный огнемъ минувшихъ испытаній. Прошлымъ можетъ гордится только падшая личность, у которой уже не-

достаетъ живыхъ силъ для дальнѣйшей дѣятельности и остается одно жалкое утѣшеніе — жить воспоминаніями о промотанномъ счастіи.

Озлобленіе ксендзо - шляхетской Польши на Русь—понятно: Русь вырвала изъ рукъ ея народъ, избавивъ его отъ деспотизма сильныхъ и даровавъ ему права гражданской свободы. *Либеральному* пану это было совсѣмъ не понутру. Великая идея свободы и правды для необразованнаго польскаго дворянства еще и донынѣ недоступна, и долго — долго еще оно будетъ оплакивать потерю своихъ дикихъ правъ. — Рѣчь шла не объ освобожденіи Польши отъ Россіи,—идея эта уже слишкомъ устарѣла и давно вышла изъ моды; рѣчь шла и идетъ объ освобожденіи народа польскаго отъ насилія и самовластія вашего, панове. Чтоже касается до интересовъ собственно вашего меньшинства, объ томъ и рѣчи не было. Ну васъ!

Но да не заподозрятъ насъ ни ктó, что въ нашей статьѣ мы имѣли въ виду какую-нибудь заднюю мысль, — желаніе затронуть или уколоть чье-бы то-нибыло самолюбіе. Избави насъ Богъ отъ такого желанія! Мы высказывали наши убѣжденія, опираясь на существующіе факты. Мы желаемъ, — чтобъ поляки познакомились съ нами ближе, отреклись отъ своихъ упрямыхъ въ отношеніи къ намъ предразсудковъ, поняли бы насъ, и честно отнеслись къ намъ, какъ великому славянскому народу, который по истинѣ,—и слава, и гордость, и сила, и надежда всѣхъ славянъ.

Ал. Толс...

Нѣсколько мыслей.

Мятежъ польскій въ западномъ и юго-западномъ краѣ Россіи вызвалъ естественную необходимость со стороны образованныхъ русскихъ патріотовъ выказывать по этому предмету всю правду, безъ всякаго пристрастія. Тамъ, гдѣ правда сама говоритъ за себя,—не мѣсто личнымъ предубѣжденіямъ, а тѣмъ болѣе софизмамъ, составляющимъ только для польскаго революціоннаго комитета исключительное оружіе, основу враждебныхъ агитацій и средства для достиженія цѣли. Совершившійся фактъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе значительной части имперіи къ царству Польскому представляетъ политическую утопію, счеты съ которою мы—русскіе покончили открыто и честно.

Что бы ни толковала заграничная пресса въ пользу поляковъ, эти толки были и будутъ балластомъ ея произведеній. Согласно-ли съ духомъ настоящаго времени, съ политическимъ прогрессомъ— строить малое самостоятельное государство на счетъ территоріи и народности другаго—большаго? Но поляки и бунтовали именно изъ за этой нелѣпости, прикрывая только безумiе своихъ стремленій іеремiадой о какомъ-то угнетеніи со стороны Русскихъ польской народности. Фактовъ, подтверждающихъ эту выдумку они, конечно, представить не могли и не могутъ. Они забыли мятежъ въ 1831-мъ году, вслѣдствіе котораго Россія могла-бы совершенно измѣнить трактаты 1815-го года и включить Царство польское въ свою имперію, измѣнивъ въ немъ весь порядокъ вещей, но этого, къ сожалѣнію, сдѣлано не было. Русское правительство даже мало воспользовалось статьею трактата, дающаго право измѣнить политическое бытье Польши, сообразно интересамъ государства; оно, законнымъ образомъ устранивъ агитаторовъ, оставило весь почти прежній порядокъ. Послѣдовавшее-же потомъ, въ нѣдрахъ нашего отечества, преобразованіе относительно введенія свода законовъ русскихъ и роднаго языка въ административной сферѣ—никакъ нельзя считать угнетеніемъ и нарушеніемъ трактатовъ. Цифра православнаго русскаго населенія сравнительно съ польскимъ представляетъ пропорцію 12: 1, а для этой горстки, считающей себя представителями народности края, едва ли можно-было жертвовать своимъ роднымъ. Полякамъ, разумѣется не по душѣ было это нововведеніе, но они должны были молчать до времени; для осуществленія ихъ замысловъ враждебныхъ противъ Россіи у нихъ еще было много средствъ: въ этомъ краѣ земство польское было самое значительное; каждый помѣщикъ смотрѣлъ на свой участокъ земли, какъ на основу и залогъ будущей „ойчизны"; народность русскую, не обладавшую поземельною собственностью, они считали за „bydło" (скотъ) и своихъ поденщиковъ. Будучи кое-какъ образованы, они пустили въ ходъ обманъ, ловкость, наружный лоскъ, что не мало имъ способствовало искуственнымъ образомъ пріобрѣсть довѣріе и вниманіе правительства, пользуясь которыми они занимали всѣ почти административныя мѣста въ краѣ, усиливались въ матеріяльномъ отношеніи—на счетъ Россіи и ея народа и выжидали случая и благопріятныхъ комбинацій, при услугѣ коихъ можно было-бы осуществить мысль возстановленія Польши, гдѣ открылось-бы,

конечно, широкое поле для дѣятельности шляхетскаго класса, для своеволія и разгула страстей, — послужившихъ причиною паденія политической самостоятельности государства.

Анализируя факты, сопровождавшіе возстаніе, его нельзя назвать поголовнымъ, народнымъ—польскимъ возстаніемъ, какъ стараются доказать агитаторы предъ всею Европою. *Рухавка*, очевидно, сочинена и розыграна шляхетствомъ; оно видѣло, что крестьянская реформа скоро и окончательно можетъ парализировать политическіе ихъ виды въ нашемъ краѣ: съ полученіемъ свободы народъ нашъ сталъ на степени гражданъ, съ личною свободою, съ несомнѣнными залогами развитія духовной жизни. Выкупленныя крестьянами, при содѣйствіи правительства, земли подорвали глубоко вкоренившееся убѣжденіе поляковъ, что земля должна принадлежать имъ исключительно, а не русскимъ. Шляхетству крѣпко было не по душѣ владѣніе крестьянами поземельной собственности вообще, а особенно въ областяхъ запад. России; ибо они знали, что при первой неудачѣ въ политическомъ предпріятіи, представительная ихъ роль въ земствѣ можетъ или совершенно исчезнуть, или по крайней мѣрѣ потерять прежнее значеніе и вѣсъ; что на мѣсто пановъ появятся люди русскіе, съ свѣжими силами и патріотическими чувствами, смѣнить коихъ они никогда не могутъ. Вотъ гдѣ нужно искать причинъ мятежа шляхетскаго,—говорю—шляхетскаго, потому что общаго народнаго возстанія не было, чему служитъ доказательствомъ цѣлый рядъ фактовъ: всѣ крестьяне Царства польскаго (не говоря уже о нашихъ) открыто вооружались противъ нарушителей спокойствія, просили для защиты отъ нихъ содѣйствія русскихъ войскъ, отдавали тирановъ страны въ руки правосудія. Правда, нѣкоторые были вовлечены въ шайки обманомъ, рѣдко встрѣчаемыми на страницахъ исторіи жестокостями, но къ этому уклоненію отъ своего долга и насилію своихъ симпатій, они увлечены были преимущественно вліявшими на нихъ ксендзами, державшими въ одной рукѣ знаменіе Христа Спасителя, а въ другой орудія разбойничества—кинжалъ и ядъ!

Шляхетское возстаніе противъ законнаго правительства, поддерживаемое духовенствомъ и пустою болтовней нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ, имѣло въ виду, на случай успѣха, непосредственно свой земскій-матерьяльный интересъ, прочное обезпеченіе себя на счетъ другихъ классовъ и предоставленіе симъ послѣднимъ голой свободы, пользуясь которою народъ соста-

вилъ бы огромную цифру пролетарьевъ, кои, ради куска хлѣба, удѣляли-бы физическія и моральныя силы для пользы и прихотей шляхты. Содержаніе золотыхъ граммотъ, обѣщавшее такъ много для низшаго класса, представляетъ гнусную лишь уловку и средство для достиженія несбыточной цѣли. Земли никогда не были бы подарены крестьянамъ: обѣщаніе ихъ золотыми грамотами— безсовѣстная ложь и приманка, закваска для разныхъ потомъ преобразованій въ предполагаемомъ, дикою фантазіей, зданіи Польши. Шляхта въ родѣ Мѣрославскаго, Лангевича и ихъ послѣдователей, думала только подобной небылицей взбалмошить народъ, пустивъ ловко пыль въ глаза, выдвинуть личность панашляхтича на первый (старопольскій) планъ картины и сломать сложившійся государственный строй и административный порядокъ Россіи.

Нельзя съ прискорбіемъ не взглянуть на эту особенную касту людей, на которыхъ не дѣйствуютъ ни историческіе примѣры печальныхъ катастрофъ, ни законная сила и естественный порядокъ вещей, могущихъ остановить на пути къ осуществленію прошедшихъ фазъ жизни, несогласныхъ ни съ духомъ времени и максимами политическими, и совершенно-неприложимыхъ въ сферѣ общаго народнаго благополучія.

Западный и юго-западный край нашего отечества съ давнихъ временъ представляетъ сцену политическихъ видовъ и столкновеній, главнымъ образомъ исходящихъ отъ Польши. Случайности войны ставили его въ загадочное положеніе относительно того или другаго политическаго его существованія, но судьба историческая вѣрно взвѣсила этотъ вопросъ, и эта страна, колыбель Россіи и Православія, какъ самое древнее достояніе наше, какъ часть цѣлаго, слилась съ остальною Россіею не путемъ случайнымъ и искуственнымъ, а естественнымъ путемъ національнаго стремленія къ единству, къ слитію однородныхъ элементовъ въ одно обширное государство,—для жизни новой и могучей, коей завидуетъ старый нашъ сосѣдъ-Западъ. Во время владычества здѣсь поляковъ, ихъ правительство старалось всячески подавить патріотическій духъ здѣшней русской народности и стремленіе его къ единству, оно замѣчало эти натуральные порывы и предупреждало ихъ на каждомъ шагу. Въ этомъ дѣлѣ самую важную роль играло духовенство—іезуиты, а также польское панство. Унія—мѣра политико-религіозная, придуманная съ цѣлью, такъ сказать, бросить въ пасть Риму массу православнаго народа, представляетъ собою фактъ историческій, ко-

торый унижаетъ христіанскій постъ папы и въ тоже время клеймитъ страницы исторіи Польши, загрязненныя насиліями производимыми надъ Русскою народностью, покровительствуемыми главою церкви католической и правительствомъ. Православные играли тогда самую жалкую роль: ихъ открыто обижали, нагло оскорбляли ихъ религію и обряды, святотатствовали въ ихъ храмахъ, не допускали въ общественныя должности—словомъ, волею-неволею, всякій долженъ быть уніятомъ *). Въ виду такихъ несчастныхъ обстоятельствъ, многіе-и многіе русскіе должны были принимать унію. Болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, принадлежа къ высшему кругу общества и желая пользоваться разными отъ правительства привиллегіями въ странѣ, окончательно переходили въ папизмъ и ополячивались, такъ что преобладающая часть здѣшнихъ помѣщиковъ суть именно люди русскіе, здѣшніе уроженцы, но, какъ-бы точнѣе выразиться, временемъ и насиліями-пропаганды совершенно передѣланные на польскій ладъ. Іезуиты, пользуясь особенною гарантіей и покровительствомъ шляхты, захватили въ свои руки народное образованіе, заводили училища въ духѣ политической и религіозной пропагандъ, воздвигали повсюду костелы и монастыри—эти разсадники насильнаго католицизма, обзаводили ихъ, въ ущербъ нашему народу, огромными поземельными фундушами. Язвы нанесенныя этому краю и народонаселенію русскому неисчислимы; неудивительно поэтому, что крестьяне русскіе съ такимъ негодованіемъ смотрятъ на поляка, называя его чортовымъ ляхомъ, поганымъ ляшкомъ.“ Крестьянская реформа, уничтожившая прежнія отношенія ихъ къ помѣщикамъ, еще болѣе усилила политическую ненависть къ полякамъ. Этой причиной можно объяснить столь медленное развитіе крестьянскаго вопроса съ практической его стороны: недовѣріе крестьянъ не дозволяло имъ вступать въ тѣ или другія полюбовныя соглашенія по земскимъ сдѣлкамъ съ польскими помѣщиками, что могло-бы облегчить начальниковъ по земству и ускорить вообще ходъ реформы.

Я не сомнѣваюсь въ одномъ, что при осуществленіи и примѣненіи къ практикѣ всѣхъ правилъ крестьянскаго положенія,

---

*) Написты торжественно заявили о неспособности своей къ вѣротерпимости цѣлымъ рядомъ воздвигнутыхъ ими инквизиціонныхъ школъ.

Прим. Автора.

столь выгодныхъ для обоихъ классовъ, хлѣбопашество и основанная на немъ хозяйственная часть въ этомъ краѣ помѣщиковъ, вслѣдствіе разлада политическаго ихъ съ крестьянами, не мало будетъ встрѣчать разныхъ затрудненій къ развитію. Помѣщику нужны рабочія руки, онъ долженъ обратиться за ними къ крестьянамъ, а сіи послѣдніе преимущественно отказываются. На этотъ фактъ можно представить много доказательствъ: помѣщики, напр., южныхъ губерній не мотутъ нанять работниковъ въ районѣ своихъ владѣній; ибо крестьяне, вслѣдствіе ихъ мятежа, страшно противъ нихъ ожесточены и потому ни одинъ не хочетъ идти на работу къ пану, такъ что паны при посредствѣ евреевъ-факторовъ, нанимаютъ крестьянъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Крестьяне, въ виду настоятельной потребности нести разныя денежныя повинности, принуждены наниматься единственно изъ необходимости къ дальнимъ, хоть и польскимъ, помѣщикамъ единственно для того, чтобы не сталкиваться съ мѣстными, апатія къ которымъ рѣшительно не дозволяетъ вступать съ ними въ никакія либо сдѣлки. Оттого, когда коммерція, такъ сказать, войдетъ въ свою силу, цѣны на хлѣбной продуктъ несравненно повысятся въ сравненіи съ настоящими, такъ что земледѣльческій трудъ крестьянъ будетъ вполнѣ вознаграждаемъ денежнымъ образомъ и доставитъ имъ возможность легко платить повинности и удовлетворять своимъ нуждамъ. При такихъ обстоятельствахъ, само собою, хлѣбопашество помѣщиковъ не можетъ успѣшно развиваться а тѣмъ болѣе существовать въ прежнихъ размѣрахъ. Здѣшній помѣщикъ, во время крѣпостнаго быта кутилъ на пропалую и сберегъ довольно въ офяру для ойчизны посредствомъ мозольныхъ трудовъ крестьянъ; онъ требовалъ отъ нихъ барщины и барщины, отбываніе которой препятствовало бѣднякамъ въ пору посѣять и собрать. Отъ такого непомѣрнаго физическаго труда исключительно въ пользу польскихъ панковъ, хозяйство крестьянъ, конечно, было въ самомъ незавидномъ состояніи; нерѣдко крестьяне нуждались въ насущномъ хлѣбѣ и обращались къ помѣщику, который, будучи прямымъ виновникомъ подобной нищеты, иногда не отказывалъ имъ въ помощи и раздавалъ скудный, непровѣянный хлѣбъ, но въ тоже время возлагалъ на нихъ новыя повинности, такъ что они и въ праздники не были свободны отъ злой „panszczyzny.“

Политическая вражда между русскою народностью и здѣш-

ними поляками существуетъ и ведетъ свое начало съ давнихъ временъ; она не могла проявиться во время крѣпостнаго права, во время представительной роли, игранной здѣсь, неосновательно, поляками; наконецъ затаенности въ глубинѣ духа этой вражды не мало, конечно, способствовало отсутствіе у крестьянъ поземельной собственности нравственной и матеріальной зависимости отъ пана. Одно при другомъ—видимо поощряло волнующійся духъ шляхты къ буйству и въ тоже время приглушало проявленіе патріотическихъ чувствъ здѣшней русской православной народности. Теперь роли перемѣнены... Народное образованіе, на которое правительство обратило особенное вниманіе, дастъ этому чувству болѣе широкій просторъ и дѣятельность на поприщѣ жизни гражданской и домашней. Дай только Богъ, чтобы задача народнаго образованія не была парализирована горстью идей и мнѣній злоумышленныхъ людей, а совпадала бы съ народными симпатіями къ образованію въ духѣ Православія, русской народности и единства ея патріотическихъ чувствъ. Пріобрѣтенныя такимъ правильнымъ путемъ тѣ или другія познанія могутъ разбивать враждебные замыслы поляковъ и пресѣчь возможность посягательства съ ихъ стороны на цѣлость нашего отечества. Это уже одно представляетъ радикальную мѣру къ нанесенію неотразимаго удара ихъ пропагандѣ.

При существующей политической апатіи, между двумя поясненными классами людей въ этомъ краѣ, выясняется причина не мало-значительныхъ препятствій къ успѣшному развитію псевдо-польскими помѣщиками своей хозяйственной части. Они ропщутъ, но сами виноваты и горю ихъ никто не пособитъ, потому что только при дружномъ стремленіи къ прогрессу обоихъ классовъ земства, при добромъ ихъ согласіи, можно съ успѣхомъ достичь обоюдной пользы; но такого согласія здѣсь между польскими помѣщиками и народомъ быть никогда не можетъ. По настоящему имъ самимъ слѣдуетъ сообразить всю невыгоду своего положенія и самимъ-же помочь себѣ. Весьма умно поступятъ тѣ изъ нихъ, кои переселятся въ Россію, продавъ здѣсь помѣщикамъ русскимъ свои имѣнія, гдѣ ихъ пріймутъ какъ гостей съ извѣстнымъ и свойственнымъ нашимъ соотечественникамъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Тамъ они могли-бы быть полезными въ сферѣ земства и въ гражданской службѣ. Русскій народъ окажетъ имъ вниманіе, приметъ въ соображеніе, что люди, коихъ политическія и житейскія обстоятельства страны за-

ставили перемѣнить прежнія мѣста, гдѣ ихъ-же политико-религіозная пропаганда впродолженіи столь долгаго времени порождала цѣлые ряды бѣдствій и кровопролитія, напечатлѣла справедливое негодованіе въ сердцахъ мѣстнаго русскаго населенія и тѣмъ поставила ихъ въ ложное положеніе въ общественной средѣ,—пришли къ нимъ для жизни мирной и спокойной.

Въ заключеніе моихъ „Нѣсколькихъ мыслей и замѣчаній“, скажу, что здѣшніе поляки не смотря на всю несообразность ихъ революціонной пропаганды, на окончательную невозможность осуществленія ихъ затѣи, все еще плаваютъ въ облакахъ политической фантазіи, не теряя надежды на возстановленіе старой шляхетской Польши. Но эти грезы изобличаютъ, по моему мнѣнію, ихъ моральный недугъ, нужно принять тѣ или другія мѣры къ излѣченію шляхетской фантазіи отъ этой хронической болѣзни. *В. Штамъ.*

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Вѣсти изъ юго-западнаго края Россіи: Еще о путешествіи главнаго начальника юго-западнаго края Россіи по губерніямъ.

„Генералъ-губернаторъ прибылъ въ г. *Гайсинъ* 12-го іюня въ 6 ч. по полудни. Осмотрѣвъ почетный караулъ и принявъ поднесенную городскимъ обществомъ хлѣбъ-соль, онъ вошелъ въ приготовленный ему домъ, гдѣ представились ему г. подольскій губернаторъ, военныя и гражданскія начальства: затѣмъ весь вечеръ посвященъ былъ совѣщанію съ начальникомъ подольской губерніи и мировыми посредниками. При разнообразномъ пониманіи мировыми съѣздами дѣла о повѣркѣ уставныхъ грамотъ и обращеніи ихъ въ выкупные акты, давно чувствовалась потребность въ ясномъ и точномъ указаніи, какъ приняться за это дѣло, въ которомъ, кромѣ личныхъ убѣжденій, еще встрѣчаются затрудненія мѣстныя, ускользающія по своимъ подробностямъ и особымъ условіямъ быта и почвы, отъ всѣхъ общихъ положеній закона. Всѣ подобные вопросы разрѣшены были главнымъ начальникомъ края по возможности практично и вразумительно для каждаго изъ мировыхъ дѣятелей.“

На слѣдующій день г. начальникъ края ревизовалъ присутственныя мѣста, осматривалъ тюремный замокъ, словомъ входилъ во всѣ подробности мѣстныхъ потребностей, изъ коихъ двѣ обратили на себя особенное вниманіе. Первая—что въ Гайсинѣ существуетъ одна лишь церковь, способная вмѣстить около 300 человѣкъ, и то ветхая; а православныхъ прихожанъ числится до 6000 душъ обоего пола, не считая квартирующихъ войскъ, такъ что необходимо построеніе новаго, болѣе обширнаго храма. Другая—учрежденіе народнаго училища, потому что кромѣ сельско-приходской школы, тамъ нѣтъ болѣе средствъ къ обученію юношества.

Далѣе пишетъ Кіевлянинъ: „Въ 2 часа по полудни главный начальникъ края отправился въ дальнѣйшій путь и въ 6 часовъ прибылъ въ г. *Умань*. Осмотрѣвъ почетный караулъ, наряженный отъ ахтырскаго гусарскаго полка, и принявъ хлѣбъ-соль городскаго общества, онъ въ тотъ же вечеръ осматривалъ знаменитый уманскій садъ, въ которомъ находится нынѣ училище садоводства и, по возвращеніи оттуда, принималъ уманскій мировой съѣздъ. По обревизованіи положенія креетьянскаго дѣла, успѣшно и практично разрѣшаемаго здѣшними мировыми дѣятелями (большею частью посредствомъ полюбовныхъ соглашеній), начальникъ края остался доволенъ и благодарилъ какъ представителя съѣзда, такъ и мировыхъ посредниковъ, приводящихъ къ окончанію порученное имъ дѣло, безобидно для обоихъ заинтересованныхъ сословій.“ — Въ примѣчаніи къ этому Кіевлянинъ поясняетъ, что: „Въ 30 имѣніяхъ уманскаго уѣзда произведено пониженіе выкупныхъ платежей отъ 5 до 15% большею частью по изъявленному на то согласію владѣльцевъ, которые сверхъ того пожертвовали въ даръ сельскимъ обществомъ до 500 дес. земли съ тѣмъ, чтобы доходъ отъ нея обеспечивалъ содержаніе сельскихъ школъ.“

На слѣдующій день (14 іюня) г. начальникъ края ревизовалъ всѣ присутственныя мѣста, тюремный замокъ (въ коемъ устроены: церковь, школа грамотности и мастерская) и военный госпиталь, нынѣ, за упраздненіемъ военныхъ поселеній, оказывающійся ненужнымъ. „Жители города“ — говоритъ Кіевлянинъ—„ходатайствуютъ о возвращеніи громадному зданію, занимаемому госпиталемъ, его прежняго назначенія училища, какимъ оно было, когда базиліянскіе монахи содержали здѣсь до 400 учениковъ.“ Затѣмъ послѣ тщательнаго осмотра благолѣ-

нія уманскаго православнаго собора, г. начальникъ края посѣтилъ еврейскія: синагогу, казенное училище, больницу и женскій пансіонъ, въ коемъ еврейскія дѣвочки оказались хорошо уже читающими по русски и декламировали басни Крылова. За обозрѣніемъ городскихъ зданій, возвратившись въ квартиру, г. начальникъ края объяснялъ прибывшимъ крестьянамъ собственникамъ, что слухи, разсѣеваемые о какомъ то новомъ душевомъ для нихъ надѣлѣ—ложны, и что они не только ничего не теряютъ, но выигрываютъ въ хозяйственномъ отношеніи, соглашаясь на полюбовное отдѣленіе своихъ земель отъ помѣщичьихъ. Все это было сказано кратко и вразумительно для крестьянъ.“

Въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера г. начальникъ края отправился въ дальнѣйшій путь на Ольгополь.

25 іюня въ 11 часовъ утра начальникъ края прибылъ въ г. *Чигиринъ*. Послѣ обревизованія присутственныхъ мѣстъ и городской тюрмы, начальникъ края посѣтилъ соборъ довольно просторный и вмѣстительный. Городское хозяйство найдено въ очень хорошемъ состояніи: городское общество, изъ 120 тысячнаго запаснаго капитала, основало у себя, съ разрѣшенія правительства, банкъ въ 50 тысячъ, а теперь ходатайствуетъ объ учрежденіи 4 класснаго народнаго училища и дозволеніи устроить чрезъ рѣку Тасьминъ постоянный мостъ, и чрезъ тянущіеся за нимъ пески шоссейную дорогу. Вникая въ нужды города, начальникъ края ѣздилъ на каменную гору, господствующую надъ городомъ, гдѣ нѣкогда былъ укрѣпленный замокъ, а нынѣ добываютъ жернова. Щебня, оставшагося отъ обтески жерновыхъ камней, оказалось достаточно для устройства предполагаемаго жителями шоссе. Такой личный обзоръ начальникомъ края мѣстныхъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію сокращаетъ годы переписки, тормозившей до сихъ поръ общественную самодѣятельность.

Вечеромъ начальникъ края имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ предводителемъ дворянства и двумя прибывшими мировыми посредниками.

Въ 6 часовъ утра, 26 числа, начальникъ края выѣхалъ въ г. *Черкасы* куда прибылъ въ 11 часовъ. По осмотрѣ почетнаго караула, онъ принялъ хлѣбъ—соль городскаго и старообрядческаго общества и волостныхъ старшинъ. Поблагодаривъ всѣхъ за привѣтственную встрѣчу, начальникъ края въ рѣчи краткой и ясной, къ волостнымъ старшинамъ, вмѣнилъ имъ въ

обязанность исполнять требованія мѣстныхъ начальствъ о взносѣ слѣдующихъ съ крестьянъ платежей и вразумлять съ тѣмъ вмѣстѣ сельскія общества въ ихъ недоразумѣніяхъ и ложныхъ ожиданіяхъ какого-то новаго душеваго надѣла.

По обревизованіи городскихъ и присутственныхъ мѣстъ, начальникъ края посѣтилъ новый православный соборъ и осматривалъ начатую постройку церкви Рождества пресв. Богородицы. Начальникъ края также посѣтилъ частный пансіонъ дѣвицы Летцъ и благодарилъ ее за успѣшное стараніе на пользу женскаго воспитанія. По окончаніи испытаній, воспитанницы пропѣли хоромъ народный гимнъ: Боже царя храни!

При обревизованіи думы, городское общество ходатайствовало о дозволеніи устроить мостъ черезъ рѣку Днѣпръ и начальникъ края указалъ имъ на практическое средство къ удовлетворенію ихъ просьбы—покупку нынѣшняго разводнаго моста въ Кіевѣ, который останется ненужнымъ, какъ скоро кончится теперешняя поправка цѣпнаго Кіевскаго моста. Въ 7 часовъ вечера начальникъ края осматривалъ храмы двухъ старообрядческихъ монастырей—и за тѣмъ весь вечеръ посвятилъ совѣщанію съ черкасскимъ мировымъ съѣздомъ по крестьянскому дѣлу.

Въ 10 часовъ утра, 27 іюня, начальникъ края отправился въ *Смѣлу*, мѣстечко графа А. А. Бобринскаго, гдѣ осматривалъ сахарные заводы, казармы рабочихъ, пожарную команду,—по радушному предложенію хозяина, который, съ самою внимательною предупредительностью, объяснялъ техническое устройство и дѣйствіе машинъ своихъ заводовъ.

Вечеръ того же дня былъ посвященъ крестьянскому дѣлу, съ прибывшими всѣми членами чигиринскаго мироваго съѣзда и его повѣрочнаго отдѣленія. Начальникъ края приказалъ, чтобы черкасскій мировой съѣздъ присутствовалъ при обревизованіи протоколовъ и дѣйствій чигиринскаго съѣзда. Совѣщаніе окончилось въ 12 часовъ. Затѣмъ члену кіевскаго губернскаго присутствія, г. Красовскому, были переданы различныя распоряженія начальника края.

Въ 7 часовъ утра, 28 іюня, начальникъ края отправился въ Звенигородку. (*Кіевс. Телегр.*)

Протоколъ засѣданія кіевскаго св. Владимірскаго братства 12 іюля.

22-го Іюля.

Мы получили отъ свято-владимірскаго братства *протоколъ его засѣданія* 12 іюля, который спѣшимъ сообщить нашимъ читателямъ.

1865 года, іюля 12 дня, въ день утвержденія устава братства, въ общемъ собраніи членовъ св. владимірскаго братства, которое удостоили своимъ присутствіемъ: его высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ кіевскій Арсеній, его высокопревосходительство г-нъ начальникъ края, генералъ-адъютантъ Безакъ, его преосвященство, епископъ Чигиринскій Порфирій и его превосходительство начальникъ губерніи, свиты Его Величества генералъ-маіоръ Казнаковъ,— былъ, во первыхъ, прочитанъ годичный отчетъ братства и, во вторыхъ, были избираемы члены совѣта братства.

Отчетъ о годичной дѣятельности братства, одобренный всѣми членами братства, положено отпечатать; предсѣдателю совѣта братства была выражена общая благодарность за ревностный трудъ и преуспѣяніе братства и, какъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ, попечителемъ братства, такъ и прочими членами предложено остаться въ семъ званіи и въ наступающемъ второмъ году братства. Поблагодаривъ за довѣріе и честь, предсѣдатель, каѳедр. протоіерей Крамаревъ просилъ собраніе назначить ему товарища, по вниманію къ болѣе усиленнымъ трудамъ, какіе, по предположенію его, предлежатъ въ настоящемъ году совѣту братства. Просьба принята, и товарищемъ предсѣдателя, по большинству голосовъ, былъ избранъ профессоръ университета св. владиміра С. С. Гогоцкій. Членами совѣта, по общему желанію, остались тѣ же лица, какія были и въ истекшемъ году, кромѣ четырехъ, именно: умершаго совѣтника губернскаго управленія—Бушева, намѣстника кіево-печер. Лавры, архимандрита Варлаама, просившаго не отвлекать его отъ мѣста его служенія, бывшаго предсѣдателя кіев. казенной палаты Кобылина, за выбытіемъ его изъ Кіева, и кіев. градскаго главы Войтенка, затруднявшагося исполненіемъ обязанностей члена совѣта. На мѣсто ихъ избраны въ члены совѣта: ректоръ семинаріи архимандритъ Ѳеоктистъ, директоръ 1-й кіевской гимназіи А. Андріяшевъ, инспекторъ военнаго училища Курдюмовъ и профессоръ кіевской дух. академіи Малышевскій. Сотрудни

комъ казначея и дѣлопроизводителемъ, по большинству голосовъ, избраны лица, состоящія и теперь въ этихъ должностяхъ, ключарь собора, протоіерей Оглоблинъ и священникъ Климентъ Ѳоменко.

Примѣчаніе. 14 іюля, въ Братскомъ Софійскаго собора придѣлѣ отслужена была литургія, и по окончаніи оной, въ присутствіи собравшихся братчиковъ, каѳедральнымъ протоіереемъ, со всѣмъ соборнымъ духовенствомъ, совершенъ былъ благодарственный Господу Богу молебенъ, на коемъ, къ обычнымъ эктеніямъ, присоединено было возношеніе именъ всѣхъ братчиковъ Свято-Владимірскаго братства, а по окончаніи возглашено было многолѣтіе Царствующей фамиліи, попечителю братства, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Арсенію и всѣмъ поименно братчикамъ.

Молодечнянская учительская семинарія.

Объ этомъ новомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ край нашъ сильно нуждался, г. Забѣлинъ пишетъ въ Моск. Вѣдом. слѣдующее:

„Въ половинѣ прошедшаго столѣтія, одинъ изъ князей Огинскихъ, вотчинный владѣлецъ мѣстечка Молодечна, основалъ здѣсь тринитарскій монастырь. Въ 1811 году, согласно желанію князя Михаила Огинскаго, переведено сюда изъ Бобруйска дворянское уѣздное училище; но первоначально только два класса помѣщены въ монастырѣ, а остальные помѣстились въ домѣ Огинскаго. Когда же въ послѣдствіи, по ветхости этого дома, помѣщеніе въ немъ для училища оказалось неудобнымъ, то и остальные два класса переведены, съ согласія тринитаровъ, въ ихъ монастырь: это совершилось въ 1816 году. Въ 1823 году сгорѣлъ находившійся близъ монастыря деревянный костелъ, почему помѣщеніе для него временно отведено въ одной изъ монастырскихъ комнатъ. Послѣ мятежа въ 1831 году, монастырь упраздненъ и оставался не занятымъ до 1832 года. Въ этомъ году, въ монастырскомъ зданіи, сверхъ училища, помѣщена почтовая станція, снова открытъ костелъ и отведена квартира для ксендза. Въ 1835 году возникла мысль о необходимости предоставить училищу все монастырское зданіе, о чемъ тогда же заведено дѣло, но до 1840 года оставалось безъ послѣдствій. Въ 1841 году смотритель училища возобновилъ ходатайство по этому

предмету и въ донесеніи своемъ высшему начальству, между прочимъ, пояснилъ, что костелъ, помѣщающійся въ помонастырскомъ зданіи, по весьма малому числу прихожанъ, можетъ быть упраздненъ, такъ какъ объ этомъ, по Высочайшему повелѣнію, производится переписка. Въ томъ же донесеніи онъ указывалъ на необходимость для училища по крайней мѣрѣ усадебной помонастырской земли. Въ 1841 году была учреждена по этому дѣлу коммиссія, и 15-го декабря того же года составленъ ею актъ, которымъ предположено: 1) предоставить въ распоряженіе училища все каменное монастырское зданіе, за исключеніемъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались костелъ и квартира ксендза; 2) отдать училищу ту часть земли, которая примыкаетъ къ стѣнамъ зданія съ правой стороны, а всю прочую землю оставить во владѣніи настоятеля костела. Составители акта, конечно, чиновники польскаго происхожденія, устроили дѣло такъ, что почти всѣ строенія, принадлежавшія училищу и даже каменное зданіе, въ которомъ оно помѣщалось, очутились на ксендзовской землѣ; притомъ разграниченіе между этою землей и училищною показано въ актѣ самымъ неточнымъ образомъ. Несмотря на то, актъ этотъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ и представленъ министру внутреннихъ дѣлъ. За симъ послѣдовало постановленіе сената, по которому въ августѣ 1843 г. переданы училищу: 1) все каменное монастырское зданіе, за исключеніемъ тѣхъ комнатъ въ правомъ крылѣ его, гдѣ, какъ выше сказано, помѣщались костелъ и ксендзъ, а также переданы пять деревянныхъ строеній; 2) 7 десятинъ и 1.394 сажени земли, а вся остальная земля, въ количествѣ 28 десятинъ и 2.249 саженъ, и большая часть деревянныхъ помонастырскихъ строеній оставлены во владѣніи ксендза. Такимъ образомъ послѣдній сталъ твердою ногой въ каменномъ зданіи упраздненнаго монастыря и на принадлежавшей ему землѣ, хотя она, какъ конфискованная за участіе тринитаровъ въ мятежѣ, должна была остаться въ вѣдѣніи казны, т.-е. скорѣе во владѣніи училища, чѣмъ латинскаго костела.

Смотритель училища скоро сообразилъ всю невыгоду состоявшагося распоряженія. Онъ видѣлъ, что ксендзъ могъ располагать по своему произволу всѣми училищными строеніями, какъ стоящими на землѣ ему принадлежащей, и свое соображеніе по этому предмету представилъ на усмотрѣніе высшаго учебнаго начальства Вслѣдствіе сего, директоръ училищъ Виленской гу-

берніи вошелъ съ представленіемъ къ попечителю учебнаго округа о необходимости ходатайствовать передъ сенатомъ объ отмѣнѣ указа его, по которому вся земля, находящаяся подъ каменнымъ зданіемъ упраздненнаго монастыря вплоть до ограды, оставлена во владѣніи латинскаго костела, тогда какъ этотъ костелъ филіальный и долженъ вполнѣ зависѣть отъ училища, а слѣдственно и вся земля, на которой стоитъ училище, вмѣстѣ съ дворомъ, должна быть присвоена училищу. Директоръ предлагалъ и другой способъ сдѣлки съ ксендзомъ, относительно земли, именно: чтобъ онъ былъ вмѣстѣ и законоучителемъ и настоятелемъ училищной церкви, и потому находился бы въ зависимости отъ учебнаго начальства. Но дѣло осталось въ прежнемъ видѣ до послѣдняго времени. Въ училищѣ всегда былъ свой капелланъ, помѣщавшійся въ томъ же каменномъ зданіи, гдѣ и ксендзъ, настоятель костела.

Въ 1861 году молодечнянское дворянское училище преобразовано въ прогимназію съ 5 классами. Эта прогимназія была наполнена почти исключительно польскою шляхтой въ лицѣ учителей и учениковъ. Православныхъ учениковъ никогда не было болѣе десятой части. Костелъ и ксендзъ и капелланъ процвѣтали, яко кринъ, ня мѣстѣ упраздненнаго монастыря, и такимъ образомъ выходило, что тринитарный монастырь собственно не былъ упраздненъ, а только принялъ другую форму для насъ болѣе обманчивую, а для латинской пропаганды болѣе благовидную и безопасную. Въ 1863 году прогимназія, заявившая свое сочувствіе мятежу, была закрыта. Бывшій попечителемъ виленскаго учебнаго округа князь Ширинскій-Шихматовъ, горячо преданный дѣлу народнаго строго-религіознаго образованія, представилъ проектъ объ учрежденіи здѣсь учительской семинаріи. Проектъ этотъ Высочайше утвержденъ 25 іюня 1864 года, и первая въ православной Россіи учительская семинарія открыта въ стѣнахъ бывшаго тринитарскаго монастыря 8-го ноября 1864 года, въ день Архистратига Михаила. Но ксендзъ съ своимъ костеломъ еще держался здѣсь до 11-го ноября, надѣясь, повидимому, на перемѣну погоды. Молодечненскій костелъ считался сначала, какъ видно изъ сказаннаго выше, филіальнымъ, т. е безприходнымъ. Онъ былъ нуженъ собственно для училища, въ которомъ почти исключительно обучались дѣти польской шляхты. Значитъ, настоятелемъ этого костела слѣдовало быть всегда законоучителю. А безприходный или училищный костелъ

не имѣлъ никакого права на надѣлъ земли. Хотя ухищреніемъ латино-польской пропаганды онъ и сдѣланъ въ послѣдствіи приходскимъ, но очевидно, что это сдѣлано вопреки всякой справедливости, потому что въ Молодечнѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ этого мѣстечка не наберется и ста душъ католиковъ. Неумѣстность приходскаго костела въ Молодечнѣ была очевидна, и по распоряженію бывшаго главнаго начальника края Михаила Николаевича Муравьева, 11-го ноября 1864 г., и костела и ксендза его здѣсь не стало. Изъ земель, принадлежавшихъ костелу, отдаленная поступила въ казну, а ближайшая къ зданію вновь открытаго заведенія поступила въ его вѣдѣніе. Этимъ не ограничилось благосклонное вниманіе главнаго начальника края къ новому учебному заведенію: онъ далъ значительныя денежныя средства на окончательное его устройство. Вскорѣ послѣ открытія семинаріи, ее посѣтили: бывшій помощникомъ главнаго начальника края А. Л. Потаповъ и высокопреосвященный Антоній Зубко, бывшій архіепископъ минскій и одинъ изъ главныхъ дѣятелей по возсоединенію уніатовъ. Эти почетные посѣтители удостоили разсадникъ будущихъ народныхъ учителей для здѣшняго края самаго лестнаго вниманія и ободренія. Кромѣ того, многія лица, которыхъ интересуетъ дѣло народнаго образованія, посѣщали семинарію.

Въ настоящее время въ семинаріи одинъ только классъ, и въ немъ 32 казеннокоштные воспитанника и 4 своекоштные. По положенію, назначено два класса съ годичнымъ курсомъ для каждаго. Пріемъ въ слѣдующій курсъ начинается въ первой половинѣ августа и оканчивается къ 15-му августа. Въ семинарію, по положенію, принимаются молодые люди всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, не моложе 17 лѣтъ. Желающіе поступить должны представить метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; кромѣ того, лица податнаго состоянія—паспортъ или видъ на жительство и согласіе общества; сверхъ всего этого—свидѣтельство отъ своего приходскаго священника о своихъ познаніяхъ и добромъ поведеніи; лица же другихъ сословій—свидѣтельство о своихъ познаніяхъ и добромъ поведеніи отъ тѣхъ заведеній, гдѣ воспитывались, или отъ лицъ извѣстныхъ совѣту семинаріи. Тридцать кандидатовъ изъ оказавшихся достойнѣйшими къ поступленію въ семинарію могутъ воспользоваться казенными стипендіями.

Молодечненская учительская семинарія учреждена съ цѣлію

доставить педагогическое образованіе молодымъ людямъ, какъ уже сказано выше, всѣхъ сословій, но исключительно православнаго исповѣданія, желающимъ посвятить себя учительской дѣятельности въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа. Воспитанники настоящаго курса семинаріи почти всѣ дѣти крестьянъ, освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости, изъ разныхъ губерній Сѣверо-Западнаго края. Предметы преподаванія въ семинаріи: законъ Божій, славянскій языкъ, русскій языкъ, методика, географія, исторія, естественная исторія, ариѳметика, геометрія, землемѣріе и линейное черченіе, пѣніе, чистописаніе. Семинарія учреждена въ видѣ опыта, и полугодичный опытъ уже доказалъ, что для добросовѣстнаго изученія всѣхъ этихъ предметовъ, даже по самымъ сжатымъ программамъ, недостаточно двухъ лѣтъ. Настоящій классъ семинаріи, какъ уже сказано выше, состоитъ весь изъ крестьянскихъ дѣтей. Желательно (оно такъ и будетъ), чтобъ и слѣдующіе пріемы давали исключительно дѣтей крестьянъ. Дѣти же крестьянъ, только что вышедшихъ изъ египетскаго рабства пановъ, единственное средство для своего приготовленія въ семинарію имѣютъ только въ народныхъ училищахъ здѣшняго края. Но народныя училища, быстро возникшія въ краю, благодаря дѣятельности бывшаго попечителя князя Ширинскаго-Шихматова, существуютъ не болѣе трехъ лѣтъ и сами нуждаясь въ хорошемъ составѣ учителей, въ большинствѣ случаевъ не могутъ надлежащимъ образомъ приготовить желающихъ поступить въ учительскую семинарію. По этому оказывается необходимымъ въ семинаріи еще одинъ классъ приготовительный. Въ самой Германіи, для поступленія въ учительскія семинаріи, существуютъ особые приготовительные классы, несмотря на то, что тамъ курсъ семинарій большею частію трехлѣтній, а не двухлѣтній. Кромѣ этого, надобно имѣть въ виду и то, что въ каждой учительской семинаріи, кромѣ теоретическаго, должно быть и практическое приготовленіе будущихъ учителей. Само Высочайше утвержденное положеніе молодечненской учительской семинаріи опредѣляетъ первый классъ семинаріи, какъ классъ теоретическій: „воспитанники въ немъ только учатся;“ курсъ же старшаго класса, какъ теоретико-практическій: „воспитанники этого класса не только учатся, но и сами, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, преподаютъ въ состоящемъ въ семинаріи народномъ училищѣ.“ Успѣть выполнить эту широкую программу въ два

года, при всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствахъ, едва ли будетъ возможно и для учащихъ и для учащихся. Надобно отдать честь настоящимъ воспитанникамъ семинаріи, что они, поступивъ сюда по своему, совершенно добровольному и искреннему желанію, съ яснымъ сознаніемъ пользы ученья и необходимости прилежанія, сдѣлали въ преподаваемыхъ имъ предметахъ успѣхи весьма замѣчательные. Но надобно имѣть въ виду и то, что въ настоящемъ году преимущественное вниманіе обращено на законъ Божій, исторію церкви, русскій и славянскій языки, церковное пѣніе, практическое землемѣріе и кромѣ того на объясненіе крестьянскаго общественнаго управленія по Положенію 19-го февраля 1861 года.

Желающихъ поступить въ семинарію на казенный счетъ будетъ всегда больше, чѣмъ опредѣлено стипендій. Еще до пріема остается три мѣсяца, а есть уже до десятка прошеній крестьянскихъ дѣтей — воспитанниковъ народныхъ училищъ разныхъ губерній о принятіи ихъ въ семинарію. Своекоштныхъ будетъ всегда мало, потому что крестьяне бѣдны, а жизнь въ Молодечнѣ дорога: изъ 80 рублевой стипендіи не менѣе 60 рублей воспитанникъ платитъ за столъ и квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. На одежду, обувь и все прочее у него никакъ не останется болѣе 20 рублей. Къ счастію, онъ еще пользуется казенными учебными пособіями.

Всякій, добросовѣстно наблюдавшій здѣсь и молодое, и старое поколѣніе простаго народа, скажетъ, что народныя училища пробудили въ молодежи жажду знанія, на которую съ участіемъ и надеждой смотрятъ отцы и дѣды,—преимущественно жажду знанія закона Божія, исторіи церкви православной, церковнаго пѣнія и чтенія и вообще всего относящагося къ церкви. Всѣ воспитатели народа должны съ полнымъ уваженіемъ относиться къ этому направленію: поступать иначе значило бы губить здѣсь наше народное дѣло.

Корреспонденція изъ Вѣны.

Вы не прозрѣваете, м. г., какой важности набыла общорусская справа въ галицкой Руси. У насъ въ Галиціи политика спасительна лишь одна: именно же считать себя безпрестанно, постоянно и неустрашимо частью великаго 60 милліоннаго рус-

скаго народа и стремить къ единству литературному. Какъ долго мы не заявимъ себя *русскими*, такъ долго у насъ и надежды на спасеніе быть не можетъ. Къ сожалѣнію, у нашихъ людей до сихъ поръ было мало отваги высказать эту святую правду прямо и откровенно. Я очень не радо подношу вамъ вѣсть о томъ, что галицка Русь страдаетъ за всю Россію, но я волѣю сказать слово правды и не хочу больше ничого, какъ токмо дѣйствовать въ пользу моего народа по совѣстному убѣжденію. Думаю, что дѣло братіи русской вспомоществовать тамъ, гдѣ и *сочувствіе*, *и собственный ихъ интересъ* повелѣваютъ. Людямъ не отважнымъ пора подумать хотя о литературномъ общеніи съ нами. Я ужь понимаю, что пора прекратиться временамъ, когдабъ непремѣнно страдали одни за многихъ: хотя въ прочемъ наши страданія, при настоящихъ обстоятельствахъ, не принесутъ никакой пользы общой русской справѣ; а только наше паденіе стало бы предостерегательнымъ примѣромъ для всѣхъ равнодушныхъ подвижниковъ русскаго рода. Но мы не должны погибать.»

Къ сожалѣнію, у насъ теперь четыре партіи. Перва партія, это—украинофилы, съ извѣстными сепаратистическими стремленіями: къ этой партіи причисляется наивыше молодежь львовская и нѣсколько поповъ; эта партія вскрѣпляется теперь польскими (разумѣется) симпатіями и деньгами, и выдаетъ во Львовѣ уже три журнала: *Ниву*, *Мету* и *Читальну*. Друга партія, это—партія *Вѣстника*, урядовой часописи для русскихъ аустрійской державы; это—партія митрополита Литвиновича, правительственна, эгоистична, и сближается уже къ укранофиламъ ради себичныхъ взглядовъ. Третя партія, это—партія *Слова*: эта партія сама не знаетъ, чого ей хочется: она стремитъ за очищеніемъ обряда, желаетъ какой-то *уніи справедливой* и федераціи въ отношеніи политическомъ, а борется средь аустрійской державы противъ какой-то *централизаціи Москвы*. Всѣ эти письма, хотя не много имѣютъ читателей, но однако, поддерживаемы поляками и украинофилами, а даже и правительствомъ, могутъ весьма повредить будущность, когда не будетъ имъ сильнаго противодѣйствія: ибо вся агитація украинофильская перенесена теперь на землю Галицку и поручена высокому покровительству вѣденьскихъ *) правителей, которые, розу-

*) То-есть вѣнскихъ.

Такимъ образомъ всѣ три партіи противъ насъ, тогда какъ нѣсколько лишь человѣкъ за нами! *Ред.*

мѣется, пользуются всемъ, что только можетъ быть во вредъ Россіи. Аустрійскіе словяне симпатизируютъ тоже съ украинофилами, ибо видятъ въ сепаратизмѣ малорусскомъ спасеніе своей федеративной идеѣ. О полякахъ и нѣмцахъ нечого и говорить; они всѣми силами пособствуютъ врагамъ величества русскаго. А публика наша, понятно, что не можетъ быть равнодушною и приклоняется къ одной или другой партіи, въ мѣру силы дѣйствующихъ на ню аргументовъ. Когдабъ не было противодѣйствія, тогдабъ все пошло въ обозъ сепаратистовъ. Але и то противодѣйствіе слабо. Четверта партія, которая заступаетъ его, есть партія *русская*. Но она не имѣетъ ни единой политической часописи. Въ послѣднее время со всѣми тремя партіями полемизуетъ лише гумористическа газетка *Страхопудъ* и издаваемо съ новымъ годомъ, какъ прилога къ ней, иллюстрованное письмо беллетристическаго содержанія *Золотая Грамота*. Но эти два письма располагаютъ средствами матеріяльными весьма малыми. Въ вашой Россіи наивыше имѣетъ своихъ постоянныхъ подписчиковъ *Слово*, а послѣ *Страхопудъ*. *Мета* и *Нива* не получили большаго числа подписчиковъ, но основаны завѣдомо украинскими деньгами. Мы думаемъ здѣсь, кому прислужаетъ право на симпатію братіи русской! Теперь толкуется объ вопросѣ единства русскаго народа, а самыи россіяне небрегутъ о той справѣ.

Слово уже въ восьми числахъ своихъ писало о „*Централизмѣ Москвы и Малорусчинѣ*.“ Оно полемизуетъ противу писемъ князя Черкаскаго къ епископу-номинату Холмской діецезіи Калиньскому, противу статьи графа Толстого въ *Сѣверной Почтѣ* съ 10-го апрѣля сего года подъ заглавіемъ: „*Историко-грамматическая замѣтка*“ *); оно вопіетъ, что русинскіе школьные учебники, которы употребляются въ русско-народныхъ школахъ въ Галиціи, закупленные въ Львовѣ знакомитымъ чиновникомъ съ города Холма г. Кокошкинымъ въ цѣнѣ выше 200 гульденовъ, не введены въ новоустроившейся препарандіи учительской при Холмской діецезіи; оно печатаетъ на своихъ листахъ дописи *съ подъ кордону* **), доказующіе самоставность въ литературѣ малорусскаго нарѣчія; оно нарекаетъ на централистично-автократичный характеръ правительства россійскаго, тво-

---

*) Помѣщенная въ № 75 и содержащая объясненіе слова *Руссинъ*.

**) То-есть съ русской границы.

ря съ того въ народахъ славянскихъ вѣчную до Россіи неохоту и недовѣрчивость. Оно прямо говоритъ, что „народность малорусска подъ правительствомъ не россійскимъ имѣетъ свою питомую, окремую отъ Великорусчины дорогу", и даетъ на то доказать съ Галиціи. О „шанибныхъ панахъ и видновидныхъ редакторахъ" *Меты, Нивы* и *Читальни* нечого и вспоминати. Они стремятъ создать какой-то новой народной языкъ, котораго нашъ народъ не разумѣетъ; они противоставляютъ Россіи какую-то Русь, а русскимъ какихъ-то русиновъ. Краковскій же *Czas* обнародовляетъ цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ: *Ruska idea* (статьи писанныи изъ конгресовой Польши), въ которыхъ усилуется всесторонно доказати, что не Россія подшилася подъ имя „Русь", но малоруссины завладѣли Россіею и, обнявши правленіе, намѣряютъ своимъ крайнимъ либерализмомъ притягнути къ себѣ цѣлую славянщину. *Страхопудъ* такъ выясняетъ въ 18 числѣ своемъ эту справу:

„*Будь же теперь мудрымъ!*—*Слово* нарекаетъ на *централизмъ Москвы*; *Czas* на централизмъ малорусскій; нашіи галицкіи поляки нарекаютъ на *despotyzm moskiewski*, а поляки конгресовой Полши на *skrajny liberalizm ruski;* нашіи *шанібныи паны* говорятъ, что Москва мучитъ Украину, а поляки пишутъ, что „małoruscy zawladnęli rządem, i wywracają z gruntu zręcznym podstępem potęgę wielkorossyan i niemców", и что teraz się wykonywa plan małoruskich agitatorów." И такъ галицкіи украинофилы суть и были безсознательнымъ орудіемъ поляковъ."

Страхопудъ говоритъ такимъ макаронистичнымъ языкомъ съ того, что подлѣ слуховъ, кружащихъ по Галичинѣ, имѣетъ наивыше вороговъ, а стало и чтецовъ между поляками. Борьба партій дошла до той крайности, что уже даваемый на русскомъ львовскомъ театрѣ *Москаль Чаривникъ* почитается занятымъ изъ системы централистовъ; брошюра Ширяева: „*Братское привѣтствіе*" строго запрещена, ибо исповѣдуетъ, что папа не есть тымъ каменемъ, на которомъ церковь Христова создана; товаришство молодыхъ алюмновъ при вѣденьскомъ уніатскомъ семенищте *) суспендовано съ той причины, что выписало было изъ Петрограда нѣсколько учебныхъ книжекъ россійскихъ. Угорскіе русины, которы понимаютъ народную справу

*) Авторъ очевидно разумѣетъ здѣсь вѣнскую уніятскую семинарію.

въ общорусскомъ смыслѣ, и говорятъ языкомъ больше чистымъ, какъ въ Галиціи, хотятъ издавати свою часопись, имѣти свой народный театръ, свои преподаванья въ школахъ народныхъ и середныхъ. *Слово* замѣчаетъ на то, что „соперникъ языка русскаго въ Угорщинѣ, языкъ мадярскій отстоитъ отъ русскаго безъ сравненья дальше, не только какъ польскій, но дальше, какъ языкъ нѣмецкій, и который-нибудь съ языковъ европейскихъ; въ Галиціи же языкъ польскій отъ давнихъ давенъ войшолъ въ исключное уживанье тамошней интеллигенціи, да и на селахъ можно имъ всюда поразумѣтися.“ Борющися въ Галиціи партіи стоятъ противъ себя и взываютъ исторію во свидѣтельство защищаемого ними мнѣнія. Самы лучшіи писатели, галицкіи и угорскіи ученыи мужи помѣщаютъ въ письмѣ русско-галицкой матицы „*Науковый Сборникъ*“ историческіи статьи, писанныи отличнымъ литературнымъ россійскимъ языкомъ. Одинъ съ тѣхъ ученыхъ людей написалъ въ девятомъ числѣ *Золотой Грамоты* статью подъ заглавіемъ: *Русь, Россія, Москва,* въ отвѣтъ на статью *Русь и Москва,* помѣщену въ *Метѣ*. Статья сокрывшаго свое имя подъ литерами N. L. ученаго автора смотритъ на общерусскую справу изъ становища историчного и заключаетъ такъ: „Изъ сказанного можетъ всякій правдолюбивый человѣкъ видѣти, что въ цѣломъ русскомъ (а отъ части и въ австрійскомъ) государствѣ только одинъ русскій, вслѣдствіе разныхъ событій, на двѣ вѣтви раздѣленный и лишь недавно опять политично и литературно соединенный, народъ существуетъ. Тѣ двѣ вѣтви суть: юго-западный (надъ Днѣпромъ, западно-и малоруссы) и сѣверовосточный. Народъ сей имѣетъ одинъ русскій языкъ, на нѣсколько нарѣчій дѣлящійся. Что межи 56 милліоновъ числящимъ народомъ, который впрочемъ еще къ тому долгое время на двѣ враждебно къ себѣ относящіися партіи подѣленъ былъ и довольно чужихъ стихій въ себе воспринялъ, люди не всюды одинаки и языкъ довольно различій содержитъ, есть со всѣмъ естественно и никто того неоспоритъ: но что юго-западные руссы совершенно другій народъ какъ сѣверовосточныи руссы, то долженствуетъ всякій знатокъ рѣшительно оспаривати.“ На той же вопросъ можно отвѣчати словами, сказанными французскимъ депутатомъ Олливье на засѣданію съ дня 13-го апрѣля сего года при дебатахъ надъ конвенціею 15-го септямбря. Депутатъ Тьеръ доказывалъ, что итальянцы не могутъ имѣть единства. На то отвѣтилъ Олливье:

„Не ма еще и 50 лѣтъ, а можно было и о Франціи того сама сказати: что же есть общаго между провансальцами и элзасцами? Господинъ Тьеръ знаетъ дуже добре о томъ, что до недавна называно въ его родинномъ мѣстѣ парижановъ *французами!* Но то, что составляетъ красоту нашого единства, есть именно тая то гармонія, котора происходитъ изъ контрастовъ. Если бы у насъ несмѣшались стихіи галлійскіи, германскіи и романскіи, мы бы никогда не были тою симпатическою націею, которой вліяніе распространяесь на цѣлый свѣтъ.“

Но по моему мнѣнію всѣ доказательства изъ исторіи и филологіи останутся всегда пустыми фразами и не могутъ статься залогомъ дѣйствительнаго счастья народа. Токмо одно сочувствіе взаимное созидаетъ солидарность интересовъ, которые сопрягаютъ людей въ такое общество, какимъ есть народъ. Существуетъ ли таковое сочувствіе между великороссами и малороссами? Думаю, что существуетъ, ибо иначе не могъ бы я защищать единьства русскаго народа. Но почему братя русскіи въ Россіи такъ мало обращаютъ вниманія на своихъ однако мыслящихъ соплеменниковъ русскихъ въ Австріи и такъ мало сочувствуютъ имъ, это мнѣ совсемъ непонятно. Я толкую себѣ таковое равнодушіе на счетъ незнанія нашихъ отношеній въ обществѣ вашомъ. Мнѣ не есть неизвѣстнымъ, что нѣкоторыи съ великороссовъ смотрятъ на вопросъ малорусскій изъ становища либеральнаго и признаютъ всякому свободу, слѣдовательно и украинофиламъ, по вопросу литературному. Я былъ сначала тоже того мнѣнія, ибо предполагалъ, что украинофилы дѣйствуютъ по совѣстному убѣжденію; но теперь можетъ всякій у насъ убѣдиться, что они продолжаютъ свою агитацію лишь съ упрямства, а многіи даже въ сознаніи цѣлей нечистыхъ. Тутъ толеранціи быть уже не можетъ, тѣмъ болѣе что у нихъ теперь аксіома: „цѣль освящаетъ средства.“ Вѣдь у насъ уже есть ужасныи примѣры этого езуитскаго вѣроисповѣданія! Имъ уже и самое низкое денунціяторство ни чѣмъ, чтобы только попрать противомыслящаго!... Маловажить силу противника, это не политически. Будетъ ли эта сила въ состояніи всколебать когда-то могущество Россіи, этого я разсуждать не хочу; но что вороги Россіи могутъ когда-то воспользоваться тою силою, и что на всякій случай изъ агитаціи украинофильской выйдетъ вредъ *для всего* русскаго народа, это можно смѣло предполагать и въ томъ согласится всякій со мною, кто токмо

имѣлъ случай быть въ послѣднее время во Львовѣ и вообще въ Галиціи 1). Когда же обратить еще вниманіе и на обстоятельство, что у насъ (и вообще) публика въ томъ отношеніи невѣжая, и что обстоятельства мѣстныи не препятствуютъ, но напротивъ еще суть весьма выгодными всѣмъ стремленіямъ сепаратистическимъ; то весьма правдоподобно, что „слово съ временемъ плотью статься можетъ", если не будетъ у насъ здѣсь же силы противодѣйствующей. Но мнѣ чуется уже голосъ нѣмецкаго поэта Гебеля:

„Deutsche zogen nach Rom, warum nicht Russen nach Deutschland?
Jene waren ein Volk, diese sind nur ein Geschmeiss."

17-го іюня. **РУСИНЪ.**

Населеніе сѣверо-западнаго края.

По послѣднимъ статистическимъ даннымъ, все населеніе шести сѣверо-западныхъ губерній составляетъ 5,478,940 обоего пола душъ; а именно, по губерніямъ: Виленской 915,091, Ковенской 1,051,928, Гродненской 891,053, Минской 1,019,489, Витебской 776,739, Могилевской 884,640. Въ этой суммѣ населенія, дворянъ потомственныхъ и личныхъ считается 314,490, т. е. 5,7%. Самое большое число дворянъ приходится на Ковенскую губернію—86,786; потомъ слѣдуетъ Минская—76,382; далѣе Виленская—50,665; въ могилевской 37,048; въ Гродненской 34,093, и въ Витебской 29,516. Но и это число дворянъ не можетъ считаться положительно вѣрнымъ, ибо въ немъ еще могутъ заключаться тѣ изъ такъ называемой бывшей польской шляхты, кои, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ указѣ правительствующаго сената, 23-го сентября 1864 г., въ установленный срокъ должны были или предъявить узаконенныя доказательства о своемъ дворянскомъ происхожденіи, или же избрать родъ жизни припискою въ одно изъ податныхъ сословій. Окончательный разборъ этихъ людей еще не произведенъ, и потому понятно, что многія изъ лицъ, показываемыхъ здѣсь дворянами, поступятъ въ податныя сословія. Слѣдовательно число дворянъ будетъ еще меньше.

Разсматривая съ племенной точки зрѣнія, мы видимъ, что

---

1) Когда мы боролись съ хохломанами, насъ обзывали мечтателями, а вотъ теперь что говорятъ онихъ въ самомъ центрѣ хохломаніи!... *Ред.*

въ этихъ шести губерніяхъ, кромѣ кореннаго русскаго населенія, живутъ еще литовцы, жмудины, латыши, нѣмцы, татары, караимы, евреи и небольшое число цыганъ. Въ средѣ здѣшнихъ дворянъ, по племенному происхожденію русскихъ или литтовцевъ, есть еще нѣкоторое число поляковъ, переселившихся въ этотъ край въ разное время послѣ люблинской уніи (1569 г.); но число ихъ составитъ едва-ли нѣсколько сотъ душъ.

Литовцы и жмудины населяютъ нынѣшнюю Ковенскую губернію, Трокскій уѣздъ, частію Виленскій, половину Лидскаго, мѣстами Свенцянскій и Ошмянскій уѣзды Виленской губерніи. Есть еще незначительныя поселенія въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, и въ двухъ-трехъ урочищахъ Новогрудскаго уѣзда. Общее число ихъ простирается особенно въ Виленской и Ковенской губерніяхъ до 1,175,973 об. п. душъ. Латыши населяютъ преимущественно Динабургскій, Люцинскій, Рѣжицкій и отчасти Дриссенскій уѣзды, Витебской губерніи. Ихъ считается всего 139,028 об. п. душъ.

Нѣмцевъ считается около 55,000. Они живутъ преимущественно въ Ковенской и Витебской губерніяхъ.

Татары переселены въ этотъ край вел. княземъ Витовтомъ (1397 г.) изъ Крыма. Они живутъ въ Виленской, Минской и Ковенской губ., въ числѣ 6,552 душъ.

Караимы, переселенные изъ Крыма въ одно время съ татарами, живутъ въ уѣздномъ городѣ Трокахъ, Виленской губ., и въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, Ковенской губ. Въ настоящее время число ихъ составляетъ только 950 об. п. душъ

Евреи живутъ преимущественно въ городахъ всѣхъ 6 губерній, а именно: въ Ковенской 115,911, въ Гродненской 107,796, въ Могилевской 102,855, въ Виленской 102,525, въ Минской 109,699 и въ Витебской 70,520, а всего 609,306 об. п. душъ, т. е. 11,1%,

Число цыганъ положительно неизвѣстно, но оно незначительно.

Затѣмъ, исключивъ изъ общей массы населенія литовцевъ, жмудиновъ, латышей, нѣмцевъ, татаръ, караимовъ и евреевъ, число кореннаго русскаго населенія простирается до 3,492,131 душъ об. пола. Населеніе это состоитъ изъ древнихъ славянскихъ племенъ, бѣлоруссовъ, кривичей, древлянъ, также небольшаго числа ятвяговъ (около 30 т.), принадлежавшихъ въ древности къ литовскому племени, но давно совершенно

слившихся съ кореннымъ населеніемъ, и великорусскихъ переселенцевъ, большею частью старообрядцевъ, коихъ число довольно значительно, ибо простирается до 83,275 душъ.

Населеніе края по вѣроисповѣданіямъ представляетъ намъ слѣдующія данныя:

	Православнаго.	Римско-Католическ.
Въ Виленской...	219,046	574,190
— Ковенской.	21,572	852,303
— Гродненской	514,812	258,898
— Минской...	724,728	176,451
— Витебской..	439,977	206,381
— Могилевской...	727,743	39,842
А всего	2,647,878	2,108,065

Число раскольниковъ, татаръ-магометанъ, евреевъ и караимовъ мы уже показали.

Евангелическо-лютеранскаго и евангелическо-реформатскаго исповѣданія 57,841 душа обоего пола. Самое большое число въ Ковенской губерніи (болѣе 40 т.); самое меньшее въ Могилевской (381).

Эти данныя представляютъ намъ отношенія вѣроисповѣданій въ слѣдующемъ видѣ:

	Православныхъ.	Прочихъ христіанъ.	Нехристіанъ.
Въ Ковенской..	$4,_{44}$	$86,_{71}$	$11,_{21}$
— Виленской..	$23,_{93}$	$64,_{11}$	$11,_{51}$
— Гродненской...	$57,_{77}$	$30,_{01}$	$12,_{09}$
— Витебской..	$56,_{64}$	$34,_{27}$	$9,_{07}$
— Минской...	$71,_{08}$	$17,_{88}$	$11,_{02}$
— Могилевской...	$82,_{26}$	$6,_{10}$	$11,_{60}$

Если же принять въ соображеніе общее число *иновѣрческихъ* исповѣданій, какъ христіанскихъ, такъ и нехристіанскихъ, то мы получимъ слѣдующіе выводы: въ Могилевской 17%, Минской 29%, Витебской 43%, Гродненской 42%, Виленской 75% и Ковенской 97%

Перейдемъ къ населенію городовъ. Предполагая въ послѣдующихъ нашихъ бесѣдахъ съ читателями поговорить о каждомъ изъ сословій, населяющихъ наши губерніи, отдѣльно, мы распостранимся подробнѣе и о городскомъ населеніи. Теперь же, для связи предмета, представляемъ число жителей

болѣе населенныхъ городовъ, по послѣднимъ, имѣющимся у насъ, даннымъ:

	мужч.	женщ.			об. п. д.
Вильна (1864 г.).	36,729	36,781	или	всего	73,510
Могилевъ (1862 года)	15,541	15,521	—	—	31,062
Минскъ (1863 г.)	17,297	13,779	—	—	31,076
Витебскъ (1863 года)	13,301	14,567	—	—	27,868
Динабургъ (1863 года)	15,483	12,342	—	—	27,825
Ковно (1863 г.) .	13,099	10,838	—	—	23,937
Брестъ-Литовскъ (1863 г.)	—	—			20,943
Гродно (1863 г.).	—	—			20,241
Бобруйскъ (1863 года)	12,399	7,279	—	—	19,678
Бѣлостокъ (Гродненской губерніи, 1863 г.) ...	—	—			16,211
Шавли (Ковенской губерніи 1863 г.)	8,631	7,265	—	—	15,896
Россіены (Ковенской губерніи 1863 г.)	6,932	5,433	—	—	12,365
Полоцкъ (Витебской губерніи 1863 г.)	5,600	6,140	—	—	11,740
Пинскъ (Минской губерніи 1863 года)	6,578	5,808	—	—	12,386

Возвратимся теперь къ *дворянамъ*. На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ оказывается, что на 100 человѣкъ жителей приходится дворянъ: въ Витебской $3_{,80}$, Могилевской $4_{,19}$, Гродненской $3_{,82}$, Минской $7_{,49}$, Виленской $5_{,53}$, Ковенской $8_{,25}$ Но какъ мы уже сказали выше, по окончательномъ разборѣ бывшей шляхты и правъ ея на дворянство, число это значительно уменьшится.

Вотъ какое отношеніе дворянскаго класса къ прочимъ со-

9*

словіямъ. Мы сказали выше, что во время польскаго владычества въ этомъ краѣ поселилось весьма ограниченное число дѣйствительныхъ поляковъ; нынѣшнее же дворянское сословіе принадлежитъ къ аборигенамъ края, т. е. русскимъ или литовцамъ. Въ Ковенской и Виленской губерніяхъ они большею частью принадлежатъ къ литовскому племени; во всѣхъ же прочихъ—къ русскому.

Дворянство давно измѣнило праотческимъ завѣтамъ, измѣнило какъ въ отношеніи вѣры, такъ и народности. Полонизація совершалась почти три столѣтія. Но народъ успѣлъ отстоять свою народность, и до нашихъ дней сохранилъ неискаженнымъ свое древнее нарѣчіе, свои нравы и обычаи.

Древній русскій край окончательно возвратился въ нѣдра русской державы. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ развитіемъ общей гражданственности, исчезло значеніе такъ называемыхъ высшихъ, привилегированныхъ классовъ. Русскій народъ стряхнулъ съ себя вѣковыя цѣпи, тяготѣвшія надъ нимъ нравственно и физически, державшія его въ постоянномъ убожествѣ и онѣмѣніи чувствъ. Послѣ этого, пора же всѣмъ уразумѣть свое положеніе, помнить, что здѣсь одна господствующая коренная народность—русская и что всѣ мы дѣти одной великой матери—Россіи.

Корреспонденція изъ Варшавы въ „С.-Петербургскія Вѣдомости."

Сообщая вамъ о томъ, что нѣкоторые политическіе преступники съ умысломъ скрываютъ свои настоящія фамиліи, я обѣщалъ разсказать два интересныхъ обстоятельства. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ одной слѣдственной коммиссіи (не въ Варшавѣ, а въ уѣздномъ городѣ) долгое время находился политическій преступникъ, содержавшійся за незначительныя преступленія, и ему уже предстояло освобожденіе изъ-подъ ареста. По резолюціи, ему велѣно было вмѣнить содержаніе подъ арестомъ въ наказаніе и затѣмъ освободить для водворенія на мѣстѣ жительства, подъ надзоръ полиціи. Онъ былъ отправленъ къ мѣстному военному начальнику; но показанія его о мѣстѣ постояннаго его жительства не оправдались, потому что его имени и фамиліи въ указанномъ имъ мѣстѣ не было по книгамъ народонаселенія.

Да и не мудрено, потому что фамилія его была вымышленная. Послѣ справокъ, военный начальникъ обратно отправилъ преступника въ слѣдственную коммиссію съ объясненіемъ, что подобной фамиліи во ввѣренномъ ему участкѣ никогда не было. Къ арестанту приступили съ допросами: кто онъ такой и какъ его настоящая фамилія; но онъ сталъ показывать себя жителемъ разныхъ уѣздовъ Царства Польскаго; дѣлалъ эти показанія одно за другимъ и, наконецъ, объявилъ себя прусскимъ или австрійскимъ подданнымъ. Пока шли справки по всѣмъ его показаніямъ, онъ сидѣлъ арестованнымъ и, между прочимъ, заболѣлъ весьма опасно. Находясь почти уже при смерти, онъ изъявилъ желаніе исповѣдаться и пріобщиться. Ксендзъ явился къ нему. Исповѣдь продолжалась съ четверть часа, наконецъ ксендзъ вышелъ. Больному на первыхъ порахъ сдѣлалось какъ будто лучше. Онъ почувствовалъ небольшое облегченіе; но дня чрезъ два болѣзненные припадки увеличились и больной впалъ въ безчувствіе. На выздоровленіе не было почти никакой надежды; однако доктору удалось сдѣлать ему значительное облегченіе. Больной лежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ такомъ состояніи, что не могъ быть допрашиваемъ; между тѣмъ случилось, что арестовали того самаго ксендза, который исповѣдывалъ арестованнаго больнаго, и посадили его за политическое преступленіе въ слѣдственную тюрьму. На первыхъ же порахъ слѣдствія обнаружилось, что ксендзъ былъ не маловажнымъ политическимъ преступникомъ. Слѣдствіе съ нимъ шло своимъ порядкомъ и кончилось тѣмъ, что онъ былъ приговоренъ къ высылкѣ на житье въ Россію. Призываютъ ксендза въ слѣдственную коммиссію и объявляютъ ему рѣшеніе коммиссіи и резолюцію военнаго начальника. Ксендзъ до самаго объявленія приговора былъ до такой степени увѣренъ въ самомъ себѣ, что ожидалъ со дня на день освобожденія. Выслушавъ приговоръ, онъ смѣшался и нѣкоторое время былъ въ недоумѣніи, потомъ подошелъ ближе къ предсѣдателю и членамъ коммиссіи и сказалъ имъ: „господа, простите меня, я вамъ за то открою одно весьма важное для васъ свѣдѣніе!“ Чѣмъ же, вы думаете, ксендзъ хотѣлъ купить свое освобожденіе? Члены коммиссіи во всякомъ случаѣ должны были выслушать ксендза и *его важное свѣдѣніе!* Ксендзъ разсказалъ имъ (разумѣется, *по секрету*, какъ выразился самъ ксендзъ), что одинъ политическій преступникъ сознался ему на исповѣди въ весьма важномъ преступленіи! Находясь мѣ-

сяца два заключеннымъ въ слѣдственной тюрьмѣ, ксендзъ не зналъ, что больной, котораго онъ исповѣдывалъ, находится еще въ томъ же самомъ заключеніи и объявилъ, что политическій преступникъ *Янъ Г-скій* сознался ему на исповѣди, что онъ „убилъ одного человѣка, на улицѣ (наименовалъ на какой именно и объявилъ происхожденіе и званіе убитаго имъ человѣка, фамиліи котораго онъ не зналъ) въ Варшавѣ. Ксендзъ объявилъ это совершено равнодушно и спокойно. Разумѣется, коммиссія не могла оставить безъ вниманія этого показанія ксендза. Потребовали больнаго арестованнаго, совершенно уже тогда выздоровѣвшаго, и онъ дѣйствительно сознался въ своемъ преступленіи *и объявилъ свою настоящую фамилію*. Больше ему нечего было уже скрывать ее. Сдѣлали справку въ Варшаву: было ли тогда-то и тамъ-то совершено убійство, и кого именно тамъ убили. Отвѣтъ объяснилъ коммиссіи все дѣло. Разумѣется, преступникъ уже не былъ освобожденъ изъ тюрьмы, но степень наказанія ему за совершенное преступленіе значительно уменьшена, во вниманіе къ его разскаянію и молодости (ему, кажется, 20 лѣтъ еще нѣтъ), а ксендзъ высланъ по приговору.

Перехожу къ другому случаю, въ которомъ дѣйствующее лицо также ксендзъ, только уже варшавскій—реформатскаго костела, что на Сенаторской улицѣ. На этихъ дняхъ (кстати, замѣчу мимоходомъ, что только-что разсказанный мною случай о ксендзѣ и преступникѣ *Янѣ Г...скомъ* былъ еще въ концѣ прошлаго года) привезли изъ Калужской губерніи въ Варшаву изъ ссылки одного политическаго преступника, называвшаго себя *Юзефомъ Янишевскимъ*, по профессіи объявившаго себя какимъ-то ремесленникомъ, для водворенія его на мѣстѣ жительства въ Ловичскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ „*Желязовой Волѣ*,“ куда онъ и былъ отправленъ по назначенію изъ Варшавы; но какъ водворить человѣка на жительство, когда онъ тамъ никогда не былъ? Дѣло вышло плохо. Прислали *Янишевскаго* въ дер. *Желязову Волю*, да родственники не узнаютъ его, и мнимый *Янишевскій* долженъ былъ сознаться, что онъ не ремесленникъ и не Янишевскій, а ксендзъ реформатскаго (католическаго) костела. Зовутъ его Францишекъ-Ксаверій (двухъ именъ) *Бур...скій*. Вотъ его показаніе: „Съ 1860 до 1863 года онъ находился въ монастырѣ реформатовъ, въ Варшавѣ, но не чувствуя призванія быть духовнымъ и находя характеръ свой слишкомъ веселымъ

и несообразнымъ съ тихою и скромною сидячею жизнью монастырской, онъ будто бы взялъ видъ себѣ изъ монастыря на выѣздъ изъ Варшавы, засвидѣтельствовалъ его въ магистратѣ и затѣмъ выѣхалъ для пріисканія какой нибудь службы или занятія!“ Видите ли, во время самаго разгара вооруженнаго возстанія ксендзъ ѣдетъ въ поле искать себѣ *службы и занятій!* На дорогѣ встрѣтилъ онъ повстанцевъ (разумѣется, совершенная случайность), которые, спросивъ его, кто онъ, взяли его *насильно* и повезли въ банду *Михлинскаго*, гдѣ держали его подъ сильнымъ надзоромъ, боясь, чтобы онъ не ушелъ. Скоро банду встрѣтили русскія войска. Банда была разбита, а повстанцы, бывшіе въ ней и оставшіеся живыми, получили приказаніе отправиться въ Черскій округъ, въ деревню ст. *Даньковъ*, принадлежащую помѣщику Сусскому. „Когда я, наконецъ, говоритъ ксендзъ въ своемъ показаніи, объявилъ одному изъ повстанцевъ свое званіе (что-то слишкомъ поздно, неужели они прежде того не знали?) и сказалъ имъ, что я не желалъ бы подвергать себя тѣмъ случайностямъ, какимъ подвергаются вообще повстанцы при арестованіи, то одинъ изъ повстанцевъ, фамиліи котораго въ настоящее время я не помню, далъ мнѣ паспортъ на имя *Янишевскаго Юзефа*, съ которымъ я и отправился искать себѣ мѣста и въ скоромъ времени дѣйствительно нанялся писаремъ къ тому же помѣщику *Сусскому*, который, впрочемъ, не зналъ моего званія и настоящей моей фамиліи. Русскія войска, проходя очень часто черезъ деревню *Даньково*, нѣсколько разъ видѣли меня и только 14-го сентября 1863 года арестовали меня и отправили въ Варшаву, гдѣ я и содержался подъ арестомъ въ Александровской цитадели до самаго отправленія въ Россію, т. е. до 1-го января 1864 года.“ Вотъ показаніе ксендза. Жизнь въ г. Калугѣ, по его словамъ, очень понравилась ему. Онъ жилъ на волѣ. Всѣ бывшіе въ Воронежской губерніи, также хорошо отзываются о ней.

Теперь разскажу третій случай, бывшій только вчера. Изъ одной внутренней губерніи Россіи былъ присланъ въ Варшаву для водворенія на жительство политическій преступникъ, бывшій цѣлый годъ въ арестантскихъ ротахъ. Присланъ онъ былъ подъ фамиліею *Теофиля Козловскаго*. При допросѣ онъ показалъ себя работникомъ на Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, на которой будто бы постоянно работалъ прежде до 1863 года. При допросахъ онъ не могъ объяснить, гдѣ прежде

проживалъ въ Варшавѣ, подъ какими именно нумерами домовъ, а это самое лучшее доказательство, варшавскій ли онъ житель, или нѣтъ. Въ Варшавѣ ведутся книги народонаселенія каждому дому въ двухъ экземплярахъ: одинъ въ управленіи частнаго пристава или, какъ здѣсь называютъ, коммиссара, а другой у домовладѣльца. Въ книгу записываются всѣ жильцы дома; изъ нихъ постоянные жители Варшавы, т. е. здѣшніе уроженцы или переселившіеся въ Варшаву на постоянное житье, записываются въ одно отдѣленіе книги, извѣстное подъ названіемъ отдѣленія „stałych mieszkańców," т. е. постоянныхъ жителей, а всѣ пріѣзжіе или временно проживающіе записываются въ другое отдѣленіе. Книги эти ведутся болѣе тридцати лѣтъ, такъ что всякій, кто только жилъ въ Варшавѣ, непремѣнно долженъ быть записанъ въ книгу, иначе хозяинъ не могъ принять его къ себѣ на квартиру. *Козловскій* не могъ указать того нумера дома, въ которомъ онъ проживалъ, какъ *Теофиль Козловскій*, потому что онъ и не жилъ въ Варшавѣ подъ такою фамиліею. Наконецъ, доведенный до сознанія, онъ объявилъ, что онъ бѣглый солдатъ какого-то пѣхотнаго полка *Юзефъ Г...ке*, но тутъ еще обнаружилось, что онъ весьма важный политическій преступникъ, потому что именно *Юзефа Г...ке*, съ описаніемъ такихъ какъ разъ примѣтъ, давно уже разыскивали.

Въ заключеніе передамъ еще одинъ случай. Одинъ политическій преступникъ, высланный въ Россію, былъ недавно оттуда возвращенъ для водворенія его на мѣстѣ жительства въ Варшаву. Передъ отправленіемъ въ Россію, онъ объявилъ себя за ремесленника и сказалъ фамилію одного своего знакомаго. Въ настоящее время спрашиваютъ, гдѣ онъ живетъ: тамъ-то; посылаютъ его, по приведеніи къ присягѣ, въ показанный имъ домъ для водворенія, и что же оказывается? Тамъ живетъ тотъ самый ремесленникъ, который былъ въ бандѣ тоже съ нимъ и потомъ добровольно воротился. Такимъ образомъ, другой ремесленникъ (разумѣется, мнимый) долженъ былъ объявить свою настоящую фамилію, и оказалось, что онъ студентъ главной школы. Вотъ какія странныя исторіи совершаются въ настоящее время въ Царствѣ Польскомъ! Между тѣмъ, край совершенно успокоился. Одно развлеченіе смѣняется другимъ. На прошлой недѣлѣ изъ Варшавы выѣхала труппа арабовъ-гимнастовъ. Вчера извѣстные вамъ петербургскіе братья К. и Ф.

Бергъ полетѣли на воздушномъ шарѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ охотниковъ изъ Поляковъ. Воздушный шаръ этотъ по величинѣ первый въ Варшавѣ. Шаръ былъ пущенъ изъ Саксонскаго сада, гдѣ для этого были приготовлены особенныя мѣста. Публики въ саду было много. Вѣроятно, братья Бергъ не останутся въ убыткѣ. *П. М.*

Корреспонденція изъ Вильны въ Московскія Вѣдомости отъ 10 іюля.

Главный начальникъ края выѣхалъ 1-го іюля изъ Вильна для обзорѣнія Витебской губерніи. По слухамъ, поѣздка эта должна продолжиться отъ 13 до 17 дней; говорятъ, она совершена будетъ чрезъ Динабургъ и Полоцкъ на Витебскъ и затѣмъ чрезъ Невель, Себежъ, Люцинъ и Рѣжицу на Вильно.

Поѣздка эта, при всей кратковременности своей, можетъ отозваться съ пользой для края, тѣмъ болѣе, что по слухамъ, главный начальникъ предполагаетъ объѣхать и другія губерніи ввѣреннаго ему обширнаго округа. Ближайшее знакомство съ нуждами и потребностями края тѣмъ болѣе необходимо, что при настоящихъ обстоятельствахъ всѣ понимающіе дѣло чувствуютъ настоятельную потребность въ мѣрахъ самыхъ рѣшительныхъ къ продолженію системы управленія краемъ, принятой въ 1863—1864 годахъ, т. е.,— къ *прочному водворенію здѣсь русскаго элемента,* который, надо сознаться, не пріобрѣлъ еще покуда такой силы, чтобы считать себя здѣсь какъ дома. Оно и понятно: мы дѣйствуемъ здѣсь всего два года; въ 1863 году мы усмиряли вооруженное возстаніе; въ теченіе 1864 г. сильныя административныя мѣры сокрушали польщизну; но мы не успѣли еще дѣйствовать въ положительномъ смыслѣ, не успѣли еще *окончательно и безвозвратно* водвориться въ краѣ, сдѣлаться въ немъ полными и безспорными хозяевами. Мы пока лишь господствуемъ здѣсь внѣшнимъ образомъ, а между тѣмъ поляки, не смотря на ненависть къ нимъ сельскаго населенія, и не думаютъ искренно отказатся отъ своихъ претензій на преобладаніе въ краѣ, т. е. отъ претензій, прямо направленныхъ противъ цѣлости имперіи.

Вы спросите: на что же разчитываютъ поляки при своихъ замыслахъ? Разчитываютъ они, *прежде всего,* на содѣйствіе имъ внутреннихъ враговъ Россіи, возстающихъ, за одно съ Шедо

Ферроти, противъ господства въ Русской имперіи русской народности; разчитываютъ на русскихъ дѣятелей, бредящихъ популярностью и настойчиво доказывающихъ здѣсь, что польскій помѣщикъ (вчерашній повстанецъ) на западно-русской землѣ долженъ быть въ глазахъ правительства совершенно тѣмъ же, чѣмъ русскій помѣщикъ во внутреннихъ губерніяхъ; разчитываютъ на поддержку родаковъ, состоящихъ въ русской службѣ; разчитываютъ наконецъ на іезуитскую интригу, которою, по мнѣнію ихъ, рано или поздно возможно будетъ систематически парализировать мѣры, направленныя противъ польщизны, и удалять со сцены русскихъ дѣятелей, вредныхъ для польскаго дѣла. На сколько вѣрны эти соображенія не берусь рѣшать; рѣшайте сами. Я знаю положительно только то, что здѣшній полякующій людъ не въ силахъ скрыть свою радость при видѣ неуспѣха русской колонизаціи здѣшняго края. Онъ знаетъ, что густая колонизація края мелкими землевладѣльцами положила бы прочное основаніе водворенію здѣсь русскаго элемента, а со временемъ вызвала бы сюда и крупныхъ землевладѣльцевъ; но знаетъ и то, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ идетъ громадный сбытъ помѣстій, и что, за недостаткомъ капиталовъ, покупщиковъ мало. Сопоставивъ эти данныя, шляхта приходитъ къ заключенію, что всякій русскій, при возможности, охотнѣе купитъ себѣ имѣніе во внутреннихъ губерніяхъ, чѣмъ здѣсь, и что требовать отъ русскихъ въ этихъ обстоятельствахъ геройскаго самоотверженія было бы и непрактично, и безполезно.

Я не знаю, въ какомъ положеніи находится нынѣ вопросъ о колонизаціи края русскими помѣщиками, но мнѣ хочется вѣрить, что правительство продолжаетъ видѣть въ колонизаціи необходимую для Россіи политическую и экономическую мѣру. Мнѣ хочется вѣрить, что, не смотря на закрытіе здѣшней коммиссіонной конторы для продажи имѣній гг. Лампе и Ко. и несмотря на одновременное почти объявленіе генерала Безака о прекращеніи выдачи пособій русскимъ покупщикамъ имѣній въ западномъ краѣ правительство не отступитъ предъ необходимостью принести съ своей стороны всевозможныя жертвы, дабы начатое имъ дѣло было ведено далѣе, и чтобы такимъ образомъ было сохранено достоинство русскаго правительства. Тутъ

достоинство правительства совпадаетъ съ интересами государства, а потому я не могу повѣрить, чтобы дѣло колонизаціи было брошено [1]).

Чего хочется, тому всегда вѣрится. Здѣшнее русское общество, глубоко прочувствовавъ необходимость для края русской колонизаціи, вѣритъ въ возможность ея осуществленія и негодуетъ на поляковъ, утверждающихъ, что все дѣло кончится разговорами да перепиской. При частныхъ бесѣдахъ объ этомъ предметѣ, мнѣ пришлось прислушаться къ одному замѣчанію, вѣрность котораго, я по крайней мѣрѣ, не въ силахъ опровергнуть и которое, кажется, не появлялось въ печати. Замѣчаніе это заключается въ томъ, что колонизація тогда только принесла бы ожидаемую пользу, еслибы правомъ на нее пользовались исключительно коренные русскіе, то есть великоруссы и малороссы. Здѣсь знаютъ по опыту, что инородческій элементъ, въ борьбѣ русскихъ съ поляками, отличается склонностью къ космополитическому взгляду на вещи, а такой взглядъ здѣсь существенно вреденъ. Дѣйствительно, представимъ себѣ, что *во имя обрусенія края* открыто право пріобрѣтать здѣсь на извѣстныхъ условіяхъ имѣнія *всѣмъ кромѣ поляковъ.* Можно безошибочно предсказать, что скорѣй всего появится масса новыхъ землевладѣльцевъ въ ковенской губерніи (особенно въ Тельшевскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ) и въ уѣздахъ Инфляндскихъ. Не поведетъ ли это смежные съ Курляндіей и Пруссіей уѣзды къ германизаціи, которая для интересовъ Россіи вреднѣе польской пропаганды? Что же касается до прочихъ западныхъ губерній, удаленныхъ отъ Пруссіи, то поселившіеся тамъ инородцы въ томъ только случаѣ будутъ безусловно на сторонѣ Русскихъ, если наша народность сдѣлается сильно преобладающею. Припомните, сколько иностранныхъ фамилій встрѣчалось, напримѣръ, въ 1863 году между ярыми патріотами-мятежниками. Намъ могутъ указать въ возраженіе на Русскихъ, увлекавшихся польщизной передъ возстаніемъ: но это были уродливыя исключенія, извѣстныя на перечетъ и, что главное, это были лица дѣйствовавшія *не вслѣдствіе тонкаго разчета*, или же юноши, игравшіе въ гуманность и отрезвившіеся съ первымъ выстрѣломъ. Какой, напримѣръ, разчетъ могъ заставить одну молодую русскую княжну, московскую уроженку, вышедшую за мужъ за польскаго

1) Иначе это слишкомъ обрадовалобы и пріободрило «пршіяцели,» кричащихъ по всей Европѣ, «нашъ край; наша *земля*». Ред.

графа, носить въ 1862 году, въ одномъ изъ здѣшнихъ губернскихъ городовъ, глубокій трауръ, со всѣми революціонными аттрибутами, и демонстрировать противъ господства русскихъ въ здѣшнемъ краѣ съ большею наглостью, чѣмъ родовитыя польки? Конечно, сю руководили не тѣ же соображенія, какія заставили въ Варшавѣ одного нѣмецкаго пастора съ каѳедры проповѣдывать прихожанамъ о необходимости держаться стороны мятежниковъ.

Мы привыкли повторять избитую истину, что мятежъ 1863 г. должно считать событіемъ поучительнымъ и благотворнымъ для русскаго народа, заставившимъ насъ серіозно вдуматся въ дѣло и съ грустью сознаться въ цѣломъ рядѣ адиминистративныхъ промаховъ относительно западнаго края и Польши,— промаховъ, которые могли бы обойдтись намъ очень дорого, еслибы поляки догадались не вызывать вооруженнаго возстанія еще лѣтъ 15—20 и въ этотъ промежутокъ времени окончательно ополячили Бѣлоруссію и Литву. Здѣсь эту истину глубоко чувствуетъ каждый русскій, находясь въ постоянной борьбѣ, грудь съ грудью, съ польскою интеллигенціей, всякій понимаетъ и ея тенденціи, и всю громадность зла, которое она готовила и продолжаетъ готовить Россіи, въ особенности послѣ того какъ она вошла, разумѣется, по разчетамъ, въ интимную дружбу съ нѣкоторыми вліятельными и враждебными нашей народности элементами.

Но точно ли опытъ 1863 года настолько отрезвилъ насъ, чтобы можно было поручиться, что мы не впадемъ въ прежнія ошибки, даже въ ближайшемъ будущемъ?

Этотъ вопросъ ежедневно приходитъ на умъ всякому мыслящему человѣку, живущему въ здѣшнемъ краѣ и знакомому болѣе или менѣе близко съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей; прибавимъ, что, къ сожалѣнію, большинство разрѣшаетъ его не совсѣмъ-то утѣшительно.

Въ теченіе 1863—1864 годовъ мятежъ потушенъ; уваженіе къ законной власти возстановлено; вѣрный и единственный путь къ устройству западнаго края, согласно съ интересами Россіи, указанъ; русскіе дѣятели въ здѣшнихъ губерніяхъ чувствуютъ въ себѣ не недостатокъ, а избытокъ энергіи и силы. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ мятежному элементу здѣшняго края, то есть шляхетско-клерикальной партіи, остается на выборъ одно изъ двухъ: или выселяться туда, куда влечетъ ее сердце, или же, оставаясь на мѣстѣ, обратиться въ вѣрныхъ

слугъ Россіи, что значить въ переводѣ на русскій языкъ, искренно и добросовѣтно „оставить мечтанія" о полонизаціи здѣшняго края и считать его неотъемлемою частью Имперіи. Между тѣмъ мы видимъ на практикѣ, что подобнаго убѣжденія у здѣшняго полякующаго люда положительно не существуетъ, и что, напротивъ того, враги наши рѣшительно убѣждены въ возвратѣ, рано или поздно, своего bon vieux temps. Причина ясна. Подобное убѣжденіе можетъ быть вызвано только полною увѣренностью, что для крамолы противъ Россіи никогда не наступитъ временъ благопріятныхъ. Вкорените это убѣжденіе въ полякующей партіи, и дѣло обрусенія края пойдетъ совсѣмъ иначе; можно сказать утвердительно, что вы пріобрѣтете себѣ тогда массу дѣятельныхъ и энергическихъ помощниковъ изъ среды именно тѣхъ, кто такъ пламенно мечтаетъ объ ойчизнѣ, т. е. о Польшѣ въ предѣлахъ 1772 г. Не спорю, что убѣдить въ этомъ Поляковъ не такъ-то легко, ибо убѣждать придется *не словомъ а дѣломъ*, а для того чтобъ убѣдить дѣломъ, придется серіозно подумать о многомъ внѣ польскаго вопроса... Но если сегодня вселите вы здѣсь вѣрованіе въ непреклонной и *безвозвратной* рѣшимости вашей дѣйствовать въ западномъ краѣ въ исключительныхъ интересахъ Россіи, завтра же произойдетъ въ этой партіи расколъ и лишитъ ее единственнаго источника, изъ котораго она черпаетъ свою силу—единства дѣйствія; завтра же окажется, что искуственная организація шляхетско-клерикальной партіи, полстолѣтія вырабатываемая въ здѣшнемъ краѣ по идеѣ князя Адама Чарторыйскаго, есть не болѣе какъ гнилая сѣть, которою поляки такъ заботливо скрываютъ западную половину Россіи отъ взоровъ восточной ея половины.

На самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что это за партія, которая, составляя въ здѣшнемъ краѣ такое громадное меньшинство, властвовала такъ долго надъ русскимъ населеніемъ, вызывала не разъ напряженныя усилія такой могучей державы какъ Россія, да и теперь еще, не смотря на свое пораженіе, не только не думаетъ отказываться отъ своихъ исконныхъ тенденцій, но замышляетъ даже пріобрѣсть вліяніе въ восточной полосѣ Имперіи? Есть ли это дѣйствительно трудно-одолимая сила, или только мыльный пузырь ужасающихъ размѣровъ, который кажется намъ опаснымъ потому лишь, что мы не хотимъ разсмотрѣть его поближе? [1])

Партія эта, въ теперешнемъ ея развитіи, есть дѣйствитель-

1.) И сдѣлать къ нему прикосновеніе. Ред.

ная сила, но сила, созданная при нашемъ содѣйствіи; сила, поддерживаемая искуственно нами же и носящая въ себѣ всѣ симптомы разложенія, если мы опять не окажемъ ей существенной помощи. Не мѣсто разбирать теперь, какіе именно враждебныя Россіи элементы служили и служатъ ея развитію; замѣтимъ только, что съ 1772 года не было ни одной минуты, когда бы шляхетскій элементъ западныхъ губерній не могъ быть фактически и безъ всякихъ насилій обращенъ въ нѣчто столь же могущественное и грозное, какъ, напримѣръ, элементъ татарскій за Кавказомъ. Нынѣ западно-русская шляхта—сила, разумѣется, враждебная Россіи и, при дальнѣйшемъ развитіи своемъ, могущая сдѣлаться опасною для нея не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ, можетъ-быть и не отдаленномъ; но лишите ее, эту силу поддержки въ тѣхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ, когда она будетъ взывать о помощи для облегченія своей пропаганды и для усиленія своего вліянія на мѣстныя дѣла, дайте ей надлежащее положеніе въ странѣ, согласное съ исключительными интересами русской державы и русской народности и окажите, не пассивное только, но *дѣйствительное содѣйствіе водворенію въ краѣ русскихъ элементовъ*—и мнимая грозная сила предстанетъ въ образѣ полуобразованной шляхты готовой, иногда ради насущнаго хлѣба, безпрекословно слѣдовать по тому пути, который укажутъ ей государственные интересы Россіи, чтить въ русскомъ краѣ русскую народность и даже, въ случаѣ надобности (отъ которой Боже сохрани), содѣйствовать русскимъ интересамъ съ тою же ревностью, съ какою содѣйствовала она до сихъ поръ интересамъ жонда. Шляхта въ западныхъ губерніяхъ пріобрѣтетъ тогда силой обстоятельствъ положеніе *гостьи въ чужомъ краѣ*, въ замѣнъ той господствующей роли, къ которой она до сего времени стремилась, и въ которой мы недавно еще такъ усердно ее поддерживали.

Говоря о польскомъ обществѣ въ западномъ краѣ, не могу не указать вамъ характеристической особенности его: польское общество живетъ какъ здѣсь, такъ и во всемъ западномъ краѣ, жизнью замкнутою. Полякъ, гдѣ бы онъ ни находился, у себя ли дома, во внутреннихъ ли губерніяхъ Имперіи, за границей ли,—живетъ, отъ рожденія до смерти, въ кругу своихъ родаковъ (слово *родакъ* въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ Поляки, кажется намъ также не переводимымъ какъ ихъ слово *ойчизна* [1]). Въ этомъ оригинальномъ кругу получаетъ онъ полити-

1) Оба слова— переводимы: *родакъ*—родичъ, соотечественникъ, *ойчизна* — отечество. *Ред.*

ческое развитіе въ шляхетскомъ духѣ; въ немъ онъ пріобрѣтаетъ и ненависть къ „москвѣ“ и привязанность къ идеальной безплотной ойчизнѣ, со всѣми ея прелестями въ родѣ сеймиковъ, правъ надъ хлопами, конфедерацій; въ немъ знакомится съ преданіями и исконными тенденціями шляхты; въ немъ, наконецъ, усвоиваетъ себѣ тотъ іезуитскій лоскъ и тѣ кровно-шляхетскія наклонности, которыя дѣлаютъ поляка такимъ же исключительнымъ существомъ въ человѣческомъ обществѣ, какъ евреи. Кругъ этотъ, не приступный да и не интересный для всего не польскаго, всего вѣрнѣе было бы назвать огромною шляхетскою корпораціей, соединенною во имя мечты о возстановленіи Польши,-мечты появившейся въ шляхтѣ западныхъ губерній съ тѣхъ поръ, какъ Чарторыйскій сталъ именемъ правительства преслѣдовать и истреблять въ краѣ все, что напоминало связь его съ восточною Россіей, доказывая притомъ весьма убѣдительно и вѣрно, что въ Россіи того времени гораздо выгоднѣе было принадлежать къ любой національности, кромѣ русской, и съ тѣхъ поръ какъ мы сами такъ усердно стали хлопотать объ отождествленіи вопроса о польской шляхтѣ въ западномъ краѣ съ вопросомъ дворянскимъ во внутреннихъ губерніяхъ. Значеніе этой корпораціи для русскаго дѣла въ западномъ краѣ очевидно: въ ней создалась и развивалась такъ-называемая польская интеллигенція, служащая съ одной стороны для укрытія отъ постороннихъ въ томъ числѣ и отъ русскихъ страшной для шляхты истины о дѣйствительной ничтожности польскаго элемента въ западно-русскихъ губерніяхъ, съ другой—для содѣйствія шляхетскимъ замысламъ на наши западныя окраины. Такимъ образомъ вся сила этой интеллигенціи основывалась и основывается на ненаціональности нашей политики по польско-русскому вопросу; лишнее было бы объяснять при этомъ, отъ кого зависитъ отнять у интеллигенціи эту силу, выказавшую въ 1863 году въ полномъ блескѣ замыслы свои по отношенію къ Россіи.

Я слыхалъ изъ серіозныхъ источниковъ, что интеллигенція образовала гдѣ-то (говорятъ будто въ Польшѣ) тайное общество, имѣющее назначеніемъ пріобрѣтать въ руки поляковъ тѣ имѣнія западнаго края, которыя, по необходимости, продаются обѣднѣвшею шляхтой. Цѣль очевидна: не допустить распространеніе въ западныхъ губерніяхъ русскихъ земле-

владѣльцевъ. Говорятъ, что во главѣ этого общества стоитъ одинъ полякующій графъ, помѣщикъ одной изъ здѣшнихъ губерній.

Я писалъ вамъ съ мѣсяцъ тому назадъ объ арестованіи въ Вилейскомъ уѣздѣ лицъ подозрѣваемыхъ въ поджигательствѣ. По слухамъ лица эти продолжаютъ еще содержаться въ Вильнѣ. Нечего и говорить, какъ сильно интересуется здѣшнее русское общество исходомъ этого дѣла. [1])

Гродненскія приходскія училища.

Вопросъ о народномъ образованіи въ нашемъ ополяченномъ краѣ есть вопросъ объ успѣхѣ дѣла русскаго. Выяснять положеніе народныхъ училищъ — обязанность каждаго лица, служащаго этому дѣлу. Я свидѣтель занятій мальчиковъ въ двухъ приходскихъ училищахъ Гродна, и потому считаю долгомъ заявить объ нихъ публично. Надѣюсь, что вы дадите мѣсто въ своей газетѣ этому заявленію.

Въ мартѣ 1864 г., при гродненской гимназіи, открыты два приходскія училища, каждое съ двумя классами. Во время пріема учениковъ, болѣе грамотныхъ зачисляли во 2-й классъ, а неграмотныхъ въ 1-й. Такъ какъ грамотныхъ оказалось мало, то изъ нихъ составили второй классъ, общій для того и другаго училища. Всѣхъ учениковъ было принято 139, именно: православнаго исповѣданія 45, римско-католическаго 86, лютеранскаго 3, магометанскаго 5. Изъ нихъ, дѣтей дворянъ 34, мѣщанъ 48, крестьянъ 5, солдатъ 52. Только лучшіе мальчики читали по-русски; изъ нихъ-то и составился второй классъ. При каждомъ училищѣ, кромѣ законоучителей православнаго и римско-католическаго, состоитъ по два наставника изъ воспитанниковъ семинаріи, вызванныхъ сюда правительствомъ изъ внутреннихъ губерній. Молодымъ педагогамъ приходилось работать много, особенно, съ начинающими. Требовалось много энергіи, чтобы не бросить начатаго дѣла, и еще больше нравственной стойкости, чтобы не соскучиться... Однѣ семинаріи только въ состояніи давать дѣятелей, необходимыхъ на этомъ трудномъ поприщѣ. Трудности наставниковъ особенно увеличивались отъ того, что мальчики не посѣщали регулярно классовъ: выучившійся коекакъ читать по-русски, вдругъ бросалъ училище. Весною и лѣтомъ занятія по хозяйству усложняются; людямъ бѣднымъ нуж-

1.) Дѣло это уяснилось окончательно и согласно съ «гласомъ народа— гласомъ Божіимъ.» Ред.

ны мальчики болѣе чѣмъ въ зимнее время; поэтому съ Пасхи мальчики, въ значительномъ числѣ, начали убывать изъ училищъ такъ что изъ 139 только 75 регулярно посѣщали классы. Эти 75 мальчиковъ явились и къ экзамену, который былъ произведенъ имъ, въ промежутокъ времени отъ 19 до 23 іюня. Мальчики испытывались въ русскомъ языкѣ, чтеніи славянскомъ ариѳметикѣ, законѣ Божіемъ; ученики 2-го класса еще сверхъ того—по географіи Россіи и по русской исторіи.

Преподаваніе русскаго языка въ приходскихъ училищахъ состоитъ въ чтеніи и письмѣ. Ученики 1-хъ классовъ, исправно посѣщавшіе уроки, читаютъ и пишутъ по-русски, такъ что если взять во вниманіе короткій срокъ, въ который они обучались этому предмету, то успѣхи ихъ должны показаться много-обѣщающими. Хорошо особенно то, что наставники уже съ самаго начала пріучаютъ мальчиковъ отдавать отчетъ въ прочитанномъ, разумно и то, что при занятіи письмомъ съ мальчиками, они обращаютъ надлежащее вниманіе на калиграфію. Что касается до учениковъ 2-го класса, то успѣхи ихъ въ русскомъ языкѣ весьма удовлетворительны: они читаютъ свободно, и если при чтеніи дѣлаютъ какія-нибудь ошибки противъ ударенія, то это съ избыткомъ вознаграждается точною передачей содержанія. Лучшіе ученики этого класса имѣютъ достаточныя свѣдѣнія и въ русской граматикѣ: они различаютъ части рѣчи, понимаютъ склоненія и спряженія, точно отличаютъ первообразныя слова отъ производныхъ, простыя отъ сложныхъ; все это въ такой мѣрѣ, чтобы мальчики могли разумно писать по-русски. И дѣйствительно, подъ диктовку они не дѣлаютъ никакихъ ошибокъ [1]). Ученики посредственные дѣлаютъ ошибки, но въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ воспитанники иного заведенія, высшаго по курсу и возрасту учащихся.

Въ этомъ же классѣ, между русскимъ языкомъ, занимаются и чтеніемъ церковно-славянскимъ. Лучшіе мальчики читаютъ вполнѣ удовлетворительно и понимаютъ читаемое, такъ что, безъ особеннаго труда, переводятъ церковно-славянскую рѣчь на русскую. Въ классѣ славянскаго языка, какъ видно, занимаются объясненіемъ и изученіемъ наизустъ молитвъ, потому что мальчики знаютъ главные мотивы въ текстѣ славянскомъ, именно: *Отче нашъ, Богородице дѣво, Царю небесный, Достойно есть,* равно *Символъ вѣры и Заповѣди Божіи.* Видя успѣхи этихъ мальчиковъ въ русскомъ и древне-славянскомъ языкахъ, не вѣ-

1) Дѣлаютъ ихъ довольно и экзаменующіеся на поступленіе въ университетъ. *Ред.*

рится, чтобы кто-либо изъ нихъ находился въ школѣ менѣе четырехъ лѣтъ. Достигнуть такихъ результатовъ въ одинъ учебный годъ, трудъ почтенный, заслуживающій глубокой признательности со стороны ревнителей народнаго образованія.

Ариѳметика въ приходскихъ училищахъ преподается въ объемѣ, соотвѣтствующемъ цѣлямъ простаго населенія, т.-е. вся первая часть, а изъ второй первоначальныя дѣйствія надъ дробями. Въ первыхъ классахъ проходятъ только первыя четыре дѣйствія 1-й части; во второмъ—остальное. Съ мѣломъ въ рукѣ, мальчики рѣшаютъ ариѳметическія задачи, иногда довольно сложныя, очень и очень удовлетворительно. Но по *Положенію о приходскихъ училищахъ*, при преподаваніи ариѳметики обращается особенно вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ соображенія, на пріученіе ихъ къ логическимъ пріемамъ мышленія и на изощреніе въ нихъ способности къ быстрымъ умственнымъ вычисленіямъ; послѣднее очевидно, потому что простой народъ, для котораго и существуютъ приходскія училища, всѣ свои вычисленія производитъ безъ помощи писчаго матеріяла. Наставники ариѳметики поняли этотъ мотивъ, и на умственное вычисленіе обратили должное вниманіе. Многіе мальчики заслуживаютъ удивленія за быстроту своей сообразительности: они, не долго думая, рѣшаютъ, какая получится величина отъ 25×85 или отъ 105: 13. Нужно замѣтить, что такія вычисленія производились мальчиками при постороннихъ лицахъ, которыхъ присутствіемъ они, какъ я замѣтилъ, довольно стѣснялись; предъ однимъ своимъ наставникомъ, или же наединѣ они, нужно полагать, рѣшаютъ ихъ еще свободнѣе. Въ училищахъ, сообразно съ требованіями *Положенія*, ариѳметика излагается не въ наукообразной формѣ, а элементарнымъ способомъ, начинаясь не отвлеченными толкованіями о числѣ, величинѣ и проч., но разсмотрѣніемъ свойствъ и отношеніемъ чиселъ, по нагляднымъ примѣрамъ, заимствуемымъ преимущественно изъ близкаго и знакомаго дѣтямъ быта.

„Географія, естествовѣденіе и русская исторія, сказано въ *Положеніи*, не входятъ въ составъ учебнаго курса приходскихъ училищъ, но преподаватели не пропускаютъ случая, какъ при наглядныхъ бесѣдахъ, такъ и при объяснительномъ чтеніи книгъ, прояснять понятія дѣтей о природѣ, ея явленіяхъ и тѣлахъ, особенно тѣхъ, которыя находятся въ чертѣ непосредственнаго наблюденія, а также сообщать имъ, въ видѣ небольшихъ разсказовъ, свѣдѣнія о важнѣйшихъ историческихъ дѣятеляхъ русской

земли.“ Такъ какъ *Положеніе* расчитываетъ только на честность наставниковъ и умѣнье ихъ, во время объяснительнаго чтенія книгъ, пользоваться поводами для сообщенія того или другаго понятія изъ области географіи, естествовѣдѣнія и русской исторіи, то легко могло случиться, что мальчики выйдутъ изъ училища безъ знакомства съ самыми необходимыми понятіями о территоріи русскаго государства и физическихъ условіяхъ его, безъ знанія самыхъ крупныхъ событій изъ русской исторіи. Однако преподаватели приходскихъ училищъ Гродна оправдали довѣріе *Положенія.* У мальчиковъ, которые потомъ оказались заслуживающими выпуска, я замѣтилъ достаточное знакомство съ географіей Россіи. Они владѣютъ картой Россіи, умѣютъ назвать главныя рѣки и города, лежащіе по этимъ рѣкамъ, умѣютъ сказать существенное о томъ или другомъ городѣ. Успѣхи мальчиковъ въ этомъ предметѣ тѣмъ болѣе дѣлаютъ чести наставникамъ, что они въ этомъ случаѣ имѣли подъ руками только однѣ карты и кромѣ ихъ не могли давать ученикамъ никакого другаго пособія; да и карты-то мальчики видѣли только въ классное время. Странно, что книга для чтенія, составленная виленскимъ учебнымъ округомъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, не представляетъ ни одной статьи по географіи Россіи[1]). У меня подъ руками второе, исправленное изданіе этой книги; въ немъ есть цѣлый отдѣлъ: *Для первоначальнаго чтенія,* который, казалось бы, безъ малѣйшаго ущерба для достоинства книги, можетъ быть выпущенъ и замѣненъ статьями по географіи Россіи; въ статьяхъ этихъ мальчики находили бы себѣ здоровое чтеніе, во сто кратъ полезнѣе чѣмъ чтеніе такихъ статеекъ, какъ *Несчастный богачъ, Добродушный отцовскій долгъ, Неустрашимый мальчикъ* и друг. Равнымъ образомъ изъ отдѣла: *Стихотворенія,* многое можетъ быть выпущено и замѣнено простыми расказами изъ географіи Россіи. Вообще въ книгѣ для чтенія не должно быть ничего лишняго, но за то въ ней должно быть все существенно-важное для первоначальнаго обученія. Каждый отдѣлъ книги для чтенія долженъ быть послѣдователенъ, долженъ относиться къ одному извѣстному кругу знаній, такъ чтобы служилъ для дѣтей учебнымъ пособіемъ къ какому-нибудь образовательному предмету.

Въ той же самой книгѣ расказы изъ русской исторіи составлены съ замѣчательною послѣдовательностью, и такъ какъ, въ добавокъ, всѣ они, безъ исключенія,— расказы дѣльные, то маль-

1) Пробѣлъ этотъ, мы думаемъ, потому существуетъ, что сочиненіе «Для первоначальнаго чтенія» еще не окончено. *Ред.*

чики, какъ мнѣ показалось, ознакомились съ замѣчательнѣйшими событіями русской исторіи даже основательно. Отвѣты мальчиковъ по русской исторіи служатъ для меня убѣдительнымъ доказательствомъ пользы послѣдовательныхъ отдѣловъ *Книги для чтенія*, имѣющихъ содержаніемъ своимъ одинъ извѣстный предметъ знанія.

Преподаваніе закона Божія, по составу самихъ учащихся, раздѣлено между священниками православнымъ и римско-католическимъ. И тотъ и другой должны обучать молитвамъ и объяснять важнѣйшіе догматы, обряды и праздники той церкви, къ которой принадлежатъ учащіеся; главнымъ же образомъ должны ознакомить учениковъ съ земною жизнію Спасителя, какъ требуетъ *Положеніе*. Священникъ особенно хорошо ознакомилъ дѣтей съ праздниками православной церкви. Въ нашемъ краю, гдѣ торжествами католическими не соблазняются только евреи да магометане, всѣмъ вообще законоучителямъ православнымъ не мѣшало бы побольше обращать вниманія на святые дни православной церкви. Это тѣмъ болѣе важно, что въ святыхъ дняхъ особенно живо представляется исторія православнаго исповѣданія. Вообще, успѣхи православныхъ мальчиковъ въ законѣ Божіемъ удовлетворительны. Что касается до мальчиковъ-католиковъ 1), то, не говоря объ успѣхахъ ихъ въ этомъ предметѣ, остановимся на одной поражающей странности. Преподаваніе всѣхъ вообще предметовъ въ приходскихъ училищахъ Гродна происходитъ на русскомъ языкѣ; только римско-католическій законъ Божій излагается на польскомъ. Зачѣмъ же это—непонятно.

Вообще приходскія училища Гродна заслуживаютъ полнаго уваженія со стороны общества; люди, ведущіе въ нихъ дѣла элементарнаго образованія, суть люди истинно русскіе, и потому они честно исполняютъ долгъ свой. Желательно, чтобы христіанское населеніе Гродна ближе познакомилось съ этими училищами, знакомство это прежде всего нужно для отцовъ и матерей, воспитывающихъ уже и желающихъ воспитывать здѣсь своихъ дѣтей. Обязанность знакомить общество съ училищами должна лежать на училищномъ начальствѣ; являться же въ училище постороннимъ лицамъ всего удобнѣе во время публичныхъ актовъ. Актъ въ приходскихъ училищахъ Гродна происходилъ 23-го іюня. Такъ какъ повѣстки были разосланы только нѣкоторымъ официіяльнымъ лицамъ, то на этомъ актѣ оказался всего одинъ только отецъ, да и тотъ явился сюда потому только, что

1) Нужно понимать—*папистовъ*. *Ред.*

онъ чиновникъ; такъ что тѣ только отцы и матери знаютъ кое-что объ училищахъ гродненскихъ, дѣти которыхъ посѣщали классы и держали испытаніе; всѣ другіе находятся относительно ихъ въ полнѣйшемъ невѣдѣніи. Объ этомъ нельзя не пожалѣть. Въ день акта, лучшимъ ученикамъ розданы были награды, состоявшія въ похвальныхъ листахъ и книгахъ совмѣстно; остальнымъ—книги да картины религіознаго содержанія. Тутъ же прочитаны были списки учениковъ оканчивающихъ, переходящихъ и остающихся въ тѣхъ же классахъ. Изъ семидесяти пяти мальчиковъ, исправно посѣщавшихъ классы послѣ Пасхи и бывшихъ на испытаніи, около половины удостоились или выпуска, или перевода въ высшій классъ, именно изъ 2-го соединеннаго класса выпущено со *свидѣтельствами*—11; изъ 1-го класса 1-го училища переведено во 2-й—10; изъ 1-го класса 2-го училища переведено во 2-й—13; одинъ исключенъ за крупную шалость, сдѣланную внѣ училища. Затѣмъ осталось въ тѣхъ же классахъ—40. Нужно замѣтить, что *свидѣтельства* и перевода удостоились только отлично успѣвшіе мальчики.

Кстати: у насъ, въ Гроднѣ, есть много отцовъ, которые не знаютъ, какъ приготовить имъ дѣтей своихъ къ гимназіи: приглашать для этого особеннаго наставника,—положимъ хоть бы и изъ учениковъ гимназіи,—людямъ бѣднымъ трудно, а состоятельнымъ не хочется. Еслибы познакомить ихъ съ приходскими училищами, то они можетъ-быть сразу рѣшили бы свои недоумѣнія: тутъ и дешево, и мило. Въ самомъ дѣлѣ, лучшихъ приготовительныхъ классовъ къ гимназіи нечего и желать; мальчики, окончившіе курсъ въ приходскомъ училищѣ, поступивъ въ гимназію, могутъ свободно занимать тамъ лучшія мѣста. Тутъ выиграютъ не только отцы, тутъ выиграетъ и гродненская гимназія.

Василій Ковалевскій.

Гродно, 8-го іюля, 1865 года.

По поводу письма изъ Вильна о молодечненской учительской семинаріи.

Въ № 135 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* напечатано письмо неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго края.“ Письмо это, какъ видно изъ его содержанія, вызвано напечатанною въ № 102

Московскихъ Вѣдомостей статьей г. Забѣлина, заключающею въ себѣ краткое извѣстіе объ открытой въ прошломъ 1864 г., по Высочайшему повелѣнію, въ мѣстечкѣ Молодечнѣ, учительской семинаріи.

Такъ какъ мы знакомы съ семинаріей не меньше автора этого письма, то, находя въ немъ много неправды, сочли себя обязанными указать, гдѣ именно ошибается авторъ во взглядѣ своемъ на семинарію. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ упомянутаго письма, что Молодечненская учительская семинарія одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, потому что во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, существующихъ въ этомъ краѣ, дается образованіе дѣтямъ большею частью польской шляхты, враждебной православію и русской народности, а въ Молодечненской семинаріи будутъ получать образованіе дѣти исключительно русскихъ и православныхъ родителей, и притомъ съ спеціальною цѣлью противоборствовать распространенію идей, враждебныхъ нашему отечеству.

Мы согласны также съ авторомъ письма въ томъ, что русское общество въ сѣверо-западномъ краѣ отнеслось къ семинаріи очень неравнодушно; но въ этомъ, по нашему понятію, нѣтъ ничего особенно удивительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, чему тутъ удивляться, что русскіе люди сочувствуютъ русскому народному дѣлу? Далѣе, авторъ письма обращаетъ вниманіе публики на извѣстіе г. Забѣлина о томъ, что нынѣ въ семинаріи 36 воспитанниковъ, тогда какъ могло бы ихъ быть, согласно уставу, 40, въ томъ числѣ 30 казеннокоштныхъ и 10 своекоштныхъ.

Разница тутъ самая ничтожная, но примѣчаніе автора письма, поставленное въ выноскѣ, даетъ намъ право думать, что онъ видитъ и здѣсь что-то не совсѣмъ безукоризненное. Должно быть сорокъ воспитанниковъ; а почему меньше, послѣ того какъ крестьянское сословіе выразило къ семинаріи такое живое сочувствіе? Вопросъ этотъ разрѣшается очень просто. Казеннокоштнымъ воспитанникомъ, на 80 руб. стипендіи, можетъ быть всякій крестьянскій мальчикъ, а на собственномъ содержаніи, по причинѣ дороговизны всѣхъ жизненныхъ продуктовъ, имѣютъ возможность воспитывать въ семинаріи дѣтей своихъ только крестьяне мѣстечка Молодечна и самыхъ близкихъ къ нему деревень. Этимъ и объясняется почему на первый разъ не полный комплектъ воспитанниковъ въ семинаріи. Авторъ

письма продолжаетъ, что народныя школы края выслали сюда цвѣтъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ, и видитъ въ нихъ такія умственныя и нравственныя качества, что больше нечего и желать. Мы любимъ и уважаемъ народъ и потому, изъ любви и уваженія къ его дѣтямъ, не станемъ идеализировать ихъ добрыя качества, а скажемъ просто, какъ есть, что они дѣти скромныя, послушныя и всѣ безъ изъятія имѣютъ охоту къ ученію. И это прекрасно. Но трудно, трудно имъ достается наука! Не надобно забывать, что воспитанники семинаріи—дѣти несчастнаго бѣлорусскаго народа, который, находясь нѣсколько вѣковъ подъ гнетомъ пановъ, чуждой ему народности и вѣры, не имѣя никакой собственности, на которой онъ могъ бы сосредоточить свою мысль, свои заботы, потерялъ почти сознаніе своего человѣческаго достоинства; сдѣлался вялъ, апатиченъ; жилъ безъ мысли о своемъ прошедшемъ и безъ надежды на будущее. Только освобожденіе отъ крѣпостной зависимости доставило ему возможность вздохнуть нѣсколько свободнѣе и заставило призадуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ въ будущемъ. Вслѣдствіе этого пробужденія народнаго сознанія появились въ краѣ, при усердномъ стараніи мѣстнаго духовенства, народныя школы, но существованіе ихъ на первыхъ порахъ было весьма незавидное. При всемъ усердіи своемъ къ дѣлу народнаго образованія, духовенство стѣснялось недостаткомъ необходимыхъ для этого матеріальныхъ средствъ, и въ то же время должно было бороться съ всевозможнымъ противодѣйствіемъ развитію народныхъ школъ со стороны помѣщиковъ, латинскихъ ксендзовъ, мировыхъ посредниковъ (которыми были сначала мѣстные помѣщики) и другихъ подобныхъ лицъ. И благодареніе Господу, что народныя школы, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, просуществовали до того времени, когда обстоятельства перемѣнились къ лучшему, когда обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ прекращены окончательно, и когда благодѣтельное правительство поспѣшило къ народнымъ школамъ на помощь, обезпечило ихъ быть матеріяльными средствами и, учрежденіемъ дирекцій народныхъ училищъ, дало имъ правильный ходъ. Но давно ли все это совершилось? Около трехъ лѣтъ тому назадъ. А много ли можно сдѣлать въ продолженіе такого короткаго періода времени для образованія народа и именно такого народа, котораго умственная и нравственная характеристика представлена нами выше, и когда учебное время въ народной школѣ въ каждомъ году состоитъ изъ четырехъ-

пяти мѣсяцевъ? Говоря это, мы нисколько не думаемъ уменьшать заслуги народныхъ школъ; напротивъ, мы даже удивляемся и тому, что ими сдѣлано для образованія народа. Въ семинарію ими высланы дѣйствительно лучшіе ученики; но чтобъ эти послѣдніе были вполнѣ подготовлены, чтобъ они знали, какъ слѣдуетъ, всѣ тѣ предметы, коихъ преподованіе положено въ народныхъ училищахъ, мы этого сказать никакъ не можемъ. Слѣдующій комплектъ кандидатовъ для поступленія въ семинарію, вѣроятно, будетъ лучше, но на первый разъ въ этомъ отношеніи семинарія и не должна была, и не могла быть слишкомъ требовательною. Итакъ, скажемъ откровенно, что вся подготовка поступившихъ въ первый курсъ семинаріи воспитанниковъ состояла въ томъ, что они болѣе или менѣе удовлетворительно знали краткую священную исторію, умѣли кое-какъ читать по-русски и по-славянски, да писать съ грѣхомъ по поламъ, и по ариѳметикѣ одни знали всѣ четыре первоначальныя дѣйствія, съ простыми и именованными числами, а другіе знали хорошо только сложеніе и вычитаніе простыхъ чиселъ. Нѣкоторые сверхъ того могли очень порядочно пропѣть литургію и всенощную. Вотъ и все. Повторимъ опять, что на первый разъ и это хорошо. Но вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ обсудить безпристрастно, какіе, при такой подготовкѣ воспитанниковъ, предстояли и имъ и наставникамъ труды, когда вдругъ пришлось приняться за курсъ преподаванія, опредѣленный уставомъ семинаріи? Автору разбираемаго нами письма, представившему себѣ умственный кругозоръ первыхъ воспитанниковъ семинаріи въ радужныхъ цвѣтахъ, курсъ преподаванія въ семинаріи кажется необширнымъ; по его словамъ, это—не что иное, какъ расширенный и нѣсколько продолженный курсъ того, что теперь преподается въ каждомъ народномъ училищѣ. Полно, такъ ли это? Если упоминаемый авторъ знакомъ съ семинаріей не въ воображеніи, а на дѣлѣ, то онъ долженъ бы сообразить, что географія, отечественная и естественная исторія, геометрія, землемѣріе, линейное черченіе и методика далеко не то что чтеніе и письмо по-русски, славянское чтеніе и четыре простыя ариѳметическія дѣйствія. Возмитесь-ка выучить въ два года всѣмъ этимъ предметамъ воспитинника, едва разбирающаго грамоту, такъ чтобъ онъ, сдѣлавшись народнымъ учителемъ, былъ, по выраженію автора письма, хозяиномъ въ своихъ занятіяхъ, чтобъ онъ имѣлъ по всѣмъ показаннымъ наукамъ хотя необ-

мирныя, но серіозныя и обстоятельныя свѣдѣнія?! И еще бы въ два года! А то, если принять въ соображеніе, что семинарія открыта 10-го ноября 1864 года, а первый выпускъ изъ нея долженъ послѣдовать 1-го іюля 1866 года, да исключить изъ этого небольшаго періода времени святки, каникулярные и праздничные дни, такъ собственно учебнаго времени, почти изъ двадцати мѣсяцевъ, останется не болѣе 12 мѣсяцевъ! Къ этому, кажется, прибавлять нечего,—цифра говоритъ сама за себя. Да не подумаетъ кто, что мы приводимъ всѣ эти обстоятельства съ намѣреніемъ дать объясненіе, почему, какъ пишетъ авторъ письма, курсъ семинаристовъ въ текущемъ году уменьшенъ преподаваніемъ естественной исторіи, отечественной исторіи, географіи, ариѳметики и геометріи. Объясняться намъ тутъ не въ чемъ. Много разъ упоминаемый авторъ принялъ тутъ собственную выдумку за существующій фактъ, и потому своимъ краснорѣчивымъ перомъ разитъ призракъ. На эту ошибочную мысль навели его слова г. Забѣлина, что въ настоящемъ году обращено *преимущественно* вниманіе на законъ Божій, русскій и славянскій языки, практическое землемѣріе и объясненіе Положѣнія 19-го февраля 1861 г. (послѣдній предметъ введенъ въ курсъ преподаванія не какъ специяльный предметъ семинарскаго курса, а какъ предметъ для объяснительнаго чтенія). Но если на одни предметы обращено *преимущественное* вниманіе, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что другіе вовсе оставлены безъ вниманія. Напротивъ, преподается семинаристамъ и географія, и ариѳметика, и исторія, и все прочее, согласно уставу семинаріи. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ, въ началѣ іюня, производилъ испытаніе г. попечитель виленскаго учебнаго округа, посѣщавшій семинарію и удостоившій ее самаго лестнаго одобренія. Конечно, всѣ эти предметы преподаются въ самомъ сжатомъ видѣ, (кромѣ, впрочемъ ариѳметики, которая проходится въ надлежащемъ объемѣ); да принимая въ уваженіе непродолжительность семинарскаго курса иначе и быть не можетъ. Но имѣя возможности, на первыхъ порахъ существованія семинаріи, расширить кругъ преподаванія этихъ предметовъ, отчего же не обратить особеннаго вниманія на законъ Божій, когда нужно было начать преподаваніе его съ объясненія крестнаго знаменія, или на русскій и славянскій языкъ, когда пришлось начинать съ обученія правильному чтенію и письму? Вѣдь это предметы главные и служатъ основаніемъ всѣмъ прочимъ.

Авторъ письма почему-то хочетъ видѣть во всемъ, что касается семинаріи, темную сторону и отступленіе отъ устава. Задавшись ошибочною мыслію, что въ семинаріи цѣлый годъ не преподавалась ариѳметика и не сообщены воспитанникамъ основанія геометріи, онъ удивляется, какимъ образомъ можетъ преподаваться практическое землемѣріе, а между тѣмъ оно преподается и преподается съ успѣхомъ. Ему кажется непонятнымъ, отъ чего объясненіе Положенія 19-го февраля, равно какъ и практическое землемѣріе, преподается воспитанникамъ въ настоящемъ году, когда можно было бы отложить ихъ на слѣдующій. А намъ представляется это дѣло совершенно логичнымъ и естественнымъ. Занимаясь практическимъ землемѣріемъ, воспитанники семинаріи убѣждаются нагляднымъ образомъ, что ариѳметика и геометрія не есть цифирная, неприложимая къ дѣлу мудрость, а науки весьма полезныя въ быту житейскомъ. Точно также, слушая объясненіе крестьянскаго общественнаго управленія, въ которомъ все это изложено на 10 страницахъ большаго формата, по Положенію 19-го февраля, они знакомятся съ законами, на которыхъ основываются дарованныя имъ права и наложенныя на нихъ обязанности, и отъ которыхъ зависитъ все ихъ общественное благосостояніе. Неужели для крестьянскихъ дѣтей могутъ быть полезнѣе свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ: напримѣръ, по географіи, что Китайцы—народъ отличающійся своею неподвижностью; или—что земля, вращаясь неопредѣленное время въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной, получила отъ того, въ теченіе тысячелѣтій, шарообразный видъ; или—по естественной исторіи, что въ мясѣ свиней водятся какія-то микроскопическія существа, называемыя въ наукѣ трихинами, отъ которыхъ однажды умерло въ Лейпцигѣ 150 человѣкъ, или около того, и что, поэтому, было бы очень полезно, чтобы каждый крестьянинъ-домохозяинъ обзавелся микроскопомъ и, готовясь потреблять сказанное вещество, разсмотрѣлъ бы прежде, посредствомъ этого благодѣтельнаго снаряда, нѣтъ ли въ кускѣ свинины сказанныхъ смертоносныхъ животныхъ. Да не подумаетъ кто-либо, что мы приводимъ этотъ педагогическій куріозъ, какъ плодъ собственнаго юмора; нѣтъ, мы говоримъ то, что сами видѣли и слышали. Нѣкоторымъ изъ нынѣшнихъ молодыхъ педагоговъ кажутся необходимыми для воспитанниковъ учительской семинаріи познанія естественныхъ

наукъ, а законъ Божій, въ составъ коего входятъ священная исторія, катехизисъ, объясненіе богослуженія, исторія православной церкви, къ которой принадлежитъ столь поучительная, столь близкая сердцу каждаго Русскаго въ здѣшнемъ краѣ, исторія церкви западно-русской, по ихъ понятію, дѣло второстепенной важности!

Послѣ этого намъ становится понятнымъ, отъ чего такъ не понравились автору письма слова г. Забѣлина, что „народныя училища пробудили въ молодежи жажду знанія, на которую съ участіемъ и надеждой смотрятъ отцы и дѣды, *преимущественно жажду* знанія закона Божія, исторіи церкви православной, церковнаго пѣнія и чтенія и вообще всего относящагося до церкви.“ А какого же знанія, по мнѣнію г. автора, жаждетъ въ настоящее время простой народъ? Да, полно, знакомы ли вы съ нуждами и желаніями простаго народа? Мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать этотъ вопросъ, основываясь на томъ мѣстѣ письма, гдѣ авторъ говоритъ, что направленіе въ образованности народа едва ли будетъ зависѣть отъ вліянія школъ (такъ за чѣмъ и школы? за чѣмъ разглагольствовать о нихъ и объ учительской семинаріи, приготовляющей для нихъ учителей?), а отъ вліянія всего общественнаго народнаго строя и отъ литературы, то-есть отъ книгъ, какія будетъ читать народъ. Оставляя „общественно-народный строй“ въ сторонѣ, какъ громкую фразу, не совсѣмъ понятную (а такого набора словъ въ статьѣ, сказать мимоходомъ, довольно много), мы скажемъ, не обинуясь, что не скоро, очень не скоро наступитъ то время, когда чтеніе книгъ будетъ имѣть вліяніе на направленіе въ образованности простаго народа. А пока будетъ несомнѣнно вліять на это направленіе прежде всего церковь, потомъ школы, а когда, наконецъ, наступитъ то блаженное время, когда народъ станетъ читать книги, то, безъ сомнѣнія, онъ прежде всего и возьмется за книги духовно-нравственнаго содержанія. Мы вполнѣ увѣрены, что противники нравственно-религіознаго направленія въ образованіи народа не скоро, очень не скоро дождутся исполненія своихъ надеждъ, да едва ли когда-либо и дождутся. А пока и народныя школы, и учительская семинарія должны стараться удовлетворить именно той жаждѣ знанія въ народѣ, какая выражена въ статьѣ г. Забѣлина и противъ которой ратуетъ авторъ разбираемаго нами письма, называя указанное выше

направленіе относительно семинаріи одностороннимъ и уродливымъ. А что жажда именно такого знанія нынѣ существуетъ въ народѣ, авторъ легко бы могъ убѣдиться, еслибъ онъ дѣйствительно наблюдалъ ту самую Молодечненскую семинарію, которая, по его словамъ, ему близко знакома. Разговаривая съ родителями, навѣщающими своихъ дѣтей въ семинаріи, онъ могъ бы ясно увидѣть, что ни о какомъ другомъ образованіи для своихъ дѣтей они не имѣютъ понятія и о другомъ образованіи не мечтаютъ, кромѣ церковнаго! Онъ могъ бы увидѣть, съ какимъ чувствомъ слушаютъ они стройное пѣніе семинаристовъ во время ихъ молитвъ; онъ могъ бы также увидѣть, что ученики въ свободное время отъ уроковъ занимаются, въ своихъ квартирахъ, большею частію списываніемъ или пѣніемъ церковныхъ пѣсней по нотамъ, или громкимъ чтеніемъ церковныхъ книгъ. Изъ устроенной для учениковъ библіотеки брались ими для чтенія почти исключительно книги религіознаго содержанія.

Что доказываютъ всѣ эти явленія? Конечно совершенно не то, что хочется доказать неизвѣстному корреспонденту, извратившему по своему произволу весь характеръ семинаріи, какой онъ есть, и какой онъ долженъ быть. (*) Душа отрока, особенно въ простомъ народѣ, тоже что листъ бѣлой бумаги, на которомъ пиши что хочешь. Изъ крестьянскаго мальчика можно сдѣлать и нигилиста, и атеиста, и анархиста, и это еще легче, чѣмъ изъ дѣтей другихъ сословій, которыя получаютъ нравственную основу въ семействахъ и въ семействахъ же могутъ находить отпоръ вреднымъ внушеніямъ своихъ наставниковъ. Крестьянскій мальчикъ лишенъ всѣхъ этихъ опоръ, и какое же надобно имѣть развращенное сердце, чтобы вскружить головы этимъ простымъ людямъ неестественнымъ съ ними обращеніемъ, развитіемъ ихъ самолюбія и напичкиваньемъ ихъ головъ всякими модными бреднями, которыя передаются, какъ послѣднія слова наукъ! Опять повторимъ: вскружить голову крестьянскому мальчику легче, чѣмъ всякому другому, особенно здѣшнему крестьянину, только что освобо-

(*) Всякій воспитатель, честно преданный служенію своей церкви и своему отечеству, конечно, радовался бы этимъ явленіямъ и продолжалъ бы развивать это направленіе учениковъ въ семинаріи. Человѣкъ съ противоположными качествами постарался бы сообщить и направленіе противоположное.

дившемуся отъ неслыханнаго гнета и униженія. Конечно, семинарія здѣшняя могла принять и тотъ космополитическій характеръ, о которомъ пишетъ скрывшійся авторъ. Но прозорливые и опытные люди, съ широкимъ кругозоромъ, указали какое направленіе семинаріи полезно будетъ и для правительства, и для народа, и для самихъ воспитанниковъ. И весь служащій персонажъ семинаріи добросовѣстно исполняетъ эти указанія, вполнѣ сознавая, что всякое отступленіе отъ нихъ было бы грѣхомъ передъ Богомъ и преступленіемъ предъ правительствомъ и народомъ. Въ дополненіе къ сказанному нами о томъ, что въ простомъ народѣ существуетъ, въ настоящее время, жажда нравственно-религіознаго, или что то же, церковнаго образованія, мы считаемъ нелишнимъ разсказать еще слѣдующій случай.

Спустя нѣсколько времени послѣ открытія въ приходахъ школъ для дѣтей поселянъ, крестьянскій мальчикъ, обучавшійся въ одной изъ этихъ школъ, прочиталъ въ своей приходской церкви, въ праздничный день, апостолъ. Явленіе это было доселѣ не виданное въ приходѣ. И когда священникъ послѣ обѣдни спросилъ отца этого мальчика, что онъ чувствовалъ, когда сынъ его читалъ апостолъ, отецъ отвѣчалъ: „батюшка, что и спрашивать объ этомъ: я только слушалъ и плакалъ отъ радости.“ Дай Господи, чтобъ еще долго, долго такія святыя чувствованія одушевляли нашъ народъ и чтобы наши народныя школы не ослабляли, а укрѣпляли и развивали въ немъ эти высокія чувствованія!

Впрочемъ, авторъ письма и самъ не отрицаетъ религіозно-нравственнаго направленія, какъ *исключительно* единственно-возможнаго въ народныхъ школахъ вообще. Онъ дѣлаетъ исключеніе въ этомъ отношеніи только для учительской семинаріи, какъ будто ея назначеніе совсѣмъ иное, чѣмъ народныхъ школъ, тогда какъ, по нашему мнѣнію, для нихъ семинарія то же что мат для дѣтей. Но авторъ смотритъ на семинарію иначе: онъ говоритъ, что это спеціальное учебное заведеніе, и сравниваетъ его съ земледѣльческою школой. „Что было бы, продолжаетъ онъ, еслибъ, и въ западномъ краѣ, была устроена земледѣльческая школа для крестьянъ, съ цѣлью поднять въ краѣ земледѣліе, и въ ней, изъ боязни оторвать крестьянъ отъ своего сословія, не учили бы ничему агрономическому, а только славянскому и русскому языкамъ, церковному

пѣнію и чтенію и т. п. Тогда едва ли кто согласился бы, восклицаетъ авторъ, что подобная школа можетъ содѣйствовать процвѣтанію земледѣлія въ краѣ.“ Совершенно справедливо. Мы сами сочли бы такое ведевіе дѣла безсмысліемъ. Но какое сходство такая идіотическая земледѣльческая школа можетъ имѣть съ Молодечненскою учительскою семинаріей, мы этого рѣшительно не понимаемъ, и скажемъ въ свою очередь: едва ли кто-либо согласится, что въ этомъ сравненіи есть какой-либо смыслъ. Агрономическая школа имѣетъ цѣлью приготовить ученыхъ земледѣльцевъ, а учительская семинарія должна приготовить учителей для народныхъ училищъ. Агрономическая школа должна преподать своимъ воспитанникамъ выработанныя наукой свѣдѣнія по части агрономіи, а цѣль семинаріи сообщить учащимся въ ней вѣрныя, основательныя, отчетливыя познанія по тѣмъ предметамъ, которые преподаются въ народныхъ школахъ и сверхъ того указать способы, по которымъ лучше, успѣшнѣе передаются эти познанія другимъ. Молодочненская учительская семинарія и дѣйствуетъ согласно съ этою цѣлью.

Думаемъ, что многимъ будетъ не безъинтересно узнать слѣдующее: когда извѣстіе объ открытіи въ Молодечнѣ учительской семинаріи разнеслось повсюду, крестьяне изъ разныхъ мѣстъ, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, стали привозить сюда своихъ сыновей, обучавшихся въ мѣстныхъ народныхъ училищахъ, съ просьбой подвергнуть ихъ экзамену и, если окажутся удовлетворительно приготовленными, принять въ число стипендіятовъ семинаріи на слѣдующій учебный годъ. Такого желанія со стороны родителей означенныхъ кандидатовъ для поступленія семинарію нельзя было не поддержать, и потому было предложено этимъ кандидатамъ остаться при семинаріи до конца текущаго учебнаго года, такъ для того, чтобы можно было съ ними лучше ознакомиться, какъ и для того, чтобъ ихъ самихъ лучше подготовить по тѣмъ предметамъ, знаніе коихъ требуется для поступленія въ семинарію. Родители съ радостью согласились на это предложеніе, и теперь уже второй мѣсяцъ ихъ сыновья, на собственномъ содержаніи, обучаются въ устроившемся такимъ образомъ прикотовительномъ классѣ. Трудъ обученія ихъ приняли на себя наставники семинаріи, охотно, несмотря на то что число уроковъ у каждаго чрезъ это удвоилось. Въ ней теперь 30 у-

чениковъ, и въ числѣ ихъ есть отличные мальчики. На этомъ основаніи мы сказали выше, что второй комплектъ семинаристовъ будетъ вѣроятно еще лучше чѣмъ нынѣшній.

Сильно ошибается авторъ относительно происходящей въ западно-русскомъ краѣ вѣковой борьбы двухъ цивилизацій, и что затѣмъ учительская семинарія должна, будто бы, выпустить борцовъ способныхъ противостать враждебной польской цивилизаціи. Мы родились и воспитались въ этомъ краѣ, и потому достаточно знакомы со всѣмъ что въ немъ происходило. Но борьбы двухъ цивилизацій мы никакъ въ немъ не видѣли и не видимъ, а видимъ просто борьбу латинства съ православіемъ, т. е. борьбу двухъ вѣроисповѣданій, и только. Для успѣшной борьбы съ этою пропагандой, мы надѣемся, семинарія достаточно приготовитъ своихъ воспитанниковъ, если утвердитъ ихъ въ томъ убѣжденіи, что истинно-Христова вѣра есть вѣра православная, и что они природные Русскіе. Авторъ письма въ своемъ заключеніи набрасываетъ тѣнь даже вообще на воспитательныя начала, которыя приняты въ семинаріи, и тѣ дисциплинарныя мѣры, которыми они приводятся въ дѣло; онъ любопытствуетъ ихъ знать, хоть самъ же говоритъ, что онъ знаетъ семинарію. Мы можемъ открыть ихъ. Въ семинарію приняты слѣдующія воспитательныя начала: начало премудрости—страхъ Божій, любовь къ своему отечеству, братолюбіе, честность и правдивость. Мѣры же дисциплинарныя—совершенно тѣ же, какія употребляются родителями, но не развращающими своихъ дѣтей баловствомъ.

Законоучитель Молодечненской учительской семинаріи священникъ
М. ИВАНОВСКІЙ.

Молодечно.
19-го іюня 1865 г.

Корреспонденція въ «Львовское Слово» о Холмскихъ уніатахъ.

Львовъ 30-го іюня. Въ газету *Слово* пишутъ изъ холмской епархіи: «Въ послѣднее время колонизація сдѣлала большіе успѣхи въ холмской епархіи. Русская жизнь и русскіе обычаи удерживались въ прежнемъ поколѣніи холмскихъ жителей, особенно же въ семействахъ священническихъ: еще не такъ давно жили старики, говорившіе лишь только на русскомъ языкѣ. Обо всемъ

этомъ теперь сохранилось одно преданіе... Нынѣшнее поколѣніе духовенства забыло свой родной языкъ и приняло языкъ польскій, который употребляется имъ въ жизни общественной и семейной, въ проповѣдяхъ, при исполненіи требъ церковныхъ, на исповѣди у постели умирающаго и въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ прихожанами. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Время шло и приносило съ собою перемѣны: старыя формы быта, чисто русскія, должны были уступать мѣсто формамъ новымъ, приносимымъ поляками, и, такимъ образомъ, среди духовенства водворяется мало по малу польскій языкъ. Но дѣло не могло остановиться на этомъ. Въ народѣ должно было пробудиться самосознаніе, желаніе вернуться къ прежнимъ формамъ жизни, возвратить свое родное достояніе. Первые слабые признаки подобнаго движенія между жителями холмской епархіи обнаружились въ недавнее время. Движеніе началось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ сосѣдней Галиціи, гдѣ русская народная жизнь достигаетъ уже высшихъ степеней развитія. Разъ же начавшись, оно непремѣнно должно продолжаться въ томъ же самомъ направленіи. Необходимо только дать просторъ этому движенію и не стѣснять его свободнаго хода.

«Чтобы дать вамъ возможность судить о характерѣ стремленій холмскихъ жителей, я познакомлю васъ съ содержаніемъ того прошенія, которое подано было ими, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, мѣстному правительству въ Варшавѣ.

«Холмская епархія—говорится въ упомянутомъ прошеніи—находится нынѣ въ самомъ жалкомъ положеніи, какъ относительно народности, такъ и относительно обрядовой стороны религіи. Чтобы сохранить ее отъ неминуемой гибели, надлежитъ принять слѣдующія мѣры:

«1) Назначить холмскимъ епископомъ какого-либо галицкаго духовнаго сановника, извѣстнаго своею добросовѣстностью и другими хорошими качествами; 2) въ епархіяльную семинарію избрать такихъ учителей, которые вѣрны своей народности и которые способны преподавать богословскія науки отнюдь не въ духѣ латинскаго фанатизма; 3) греко-уніятское отдѣленіе въ правительственнний коммиссіи должно быть удержано, но только начальникомъ отдѣленія слѣдуетъ избрать русина-уніята; 4) болѣе способныхъ семинаристовъ отправлять не въ варшавскую академію, а въ львовскій университетъ, гдѣ они гораздо скорѣе могутъ изучить русскую народность и полюбить обряды русской

церкви; 5) устроить приходы такъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ было по одному священнику: теперь же, вслѣдствіе недостаточности содержанія, нерѣдко одинъ священникъ завѣдуетъ двумя и тремя приходами, что помогаетъ панамъ и ксендзамъ переманивать русскихъ въ латинство; 6) въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде находились наши церкви и гдѣ уніяты перешли въ латинство, построить новыя церкви, чѣмъ, въ послѣдствіи времени, можно будетъ возвратить утраченное; 7) строго запретить ксендзамъ присоединять къ латинству нашихъ прихожанъ, подвергая ихъ, въ противномъ случаѣ, тѣмъ же самымъ наказаніямъ, которыя назначаются для лицъ, переманивающихъ православныхъ христіанъ въ другія вѣроисповѣданія; 8) латинскимъ монахамъ запретить сборъ милостыни въ русскихъ приходахъ, такъ какъ они всюду стараются распространять латинство; 9) во всѣхъ нашихъ приходахъ устроить сельскія школы, въ которыхъ, кромѣ другихъ первоначальныхъ предметовъ, должна преподаваться исторія Руси; 10) запретить учрежденіе польскихъ школъ, устраивавшихся доселѣ польскими помѣщиками и находившихся подъ надзоромъ фелиціяновъ; такъ какъ подобныя школы вредятъ русской народности; 11) ни подъ какимъ предлогомъ не позволять устраивать въ нашихъ селахъ латинскія часовни (каплицы); 12) открыть въ Холмѣ русскую гимназію, уѣзднымъ же училищамъ въ Грубешовѣ, въ Бѣлой и въ другихъ мѣстахъ дать народный характеръ, подобно тому, какъ это дѣлается въ Галиціи; 13) въ одномъ изъ городовъ холмской епархіи учредить училище для дѣвицъ духовнаго званія, которыя, обучаясь въ польскихъ школахъ, большею частью забываютъ свой родной языкъ и принимаютъ языкъ польскій; 14) во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ холмской епархіи надлежало бы помѣщать чиновниковъ—русиновъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, отличались бы преданностью властямъ и русской народности.»

«Мысли, высказанныя въ этомъ прошеніи, встрѣчаютъ сильное сочувствіе особенно въ сельскомъ духовенствѣ юго-восточныхъ деканатовъ Красноставскаго и Грубешовскаго уѣздовъ и вообще всѣхъ тѣхъ мѣстностей, которыя заселены малороссіянами, между тѣмъ какъ въ бѣлорусскіе деканаты свѣтъ правды еще не успѣлъ проникнуть. Здѣсь-то и проявляется все различіе народныхъ характеровъ: бѣлоруссъ, не отличаясь особой энергіей, терпѣливо переноситъ всякаго рода угнетенія, малоруссъ же, не обладая большою способностью къ иниціативѣ, цѣнитъ, по крайней

мірѣ, свободу и готовъ стоять за себя. Оттого первый шагъ въ обнаружившемся народномъ движеніи былъ сдѣланъ малоруссами.»

Въ той же самой газетѣ пишутъ еще слѣдующее о дѣлахъ холмской епархіи: «Поѣздка пр. Ипполита Крыницкаго въ Холмъ, о которой столь много говорили и которая обѣщала столь много хорошаго для холмскихъ уніятовъ, не можетъ, къ сожалѣнію, состояться, вслѣдствіе протеста папскаго нунція при вѣнскомъ дворѣ. Кромѣ того, мы можемъ передать, что какъ не удались попытки сдѣлать велико-русскій языкъ школьнымъ языкомъ въ холмской семинаріи, такъ равно не удались и попытки калишскаго епископа-номината ввести въ упомянутой семинаріи преподаваніе наукъ на мало-русскомъ языкѣ, и что тамъ по прежнему останется въ силѣ прежній порядокъ вещей, останется въ силѣ система *z niepamiętnych czasow,* по которой всѣ науки преподаются на языкахъ польскомъ и латинскомъ. Здѣсь разнородныя силы дѣйствуютъ за одно, съ тою цѣлію, чтобы до основанія разрушить и уничтожить колеблющуюся и уже едва держащуюся унію въ холмской Руси. За неимѣніемъ епископа въ холмской епархіи избираютъ туда одного изъ жителей Галиціи (Крыницкаго), но Римъ противится этому; холмская семинарія должна быть реорганизована, но Римъ протестуетъ противъ этого; некому въ Холмѣ рукополагать новыхъ іереевъ, и въ продолженіе трехъ лѣтъ кандидатовъ отправляютъ для посвященія въ Галицію, но ихъ положеніе здѣсь крайне неловко. Что же послѣ всего этого предстоитъ уніи въ холмской епархіи? Паденіе неизбѣжное.»

Корреспонденція въ „Варшавскій Дневникъ" изъ Полтвы (въ Галиціи). 8, 11, 28 Апрѣля, 1 Маія.

Въ продолженіе корреспонденціи нашей отъ 19 марта н. г. дадимъ, по очереди, подробное описаніе и дѣятельность

III-го

отдѣла—бывшаго народоваго жонда, подъ заглавіемъ *военнаго*. Отдѣлъ этотъ составляли:

1. Военный начальникъ, который, очень часто смѣняясь другимъ, по большей части не имѣлъ даже понятія о военномъ искуствѣ. Онъ имѣлъ неограниченную власть, и при его особѣ состояли: адъютантъ, исправляющій должность секретаря, и ординарецъ-офицеръ, въ должности разносителя писемъ.

Начальникъ этотъ отдавалъ всѣ распоряженія, касающіяся военныхъ движеній и раздавалъ чины старшимъ и младшимъ офицерамъ.

2. Начальникъ народовой стражи. Онъ имѣлъ подъ командой (разумѣется на бумагѣ) маіоровъ, капитановъ, нѣсколько дѣсятковъ младшихъ офицеровъ, не одну тысячу рядовыхъ и извѣстное число инструкторовъ, обязанныхъ приготовлять солдатъ въ военной школѣ. Военная школа, однако, не приготовила ни одного солдата.

Инструкторы говорили: „за чѣмъ намъ учить людей? развѣ дитя Польши не является на свѣтъ уже готовымъ солдатомъ?“ Не лучше ли употребить время на что нибудь полезнѣйшее, напримѣръ: засѣдать за зеленымъ столомъ, съ стаканомъ винца... и проч.

Рядовая стража обязана была доносить унтеръ-офицерамъ обо всемъ, что происходило во вредъ *народной справѣ*. Унтеръ-офицеры обязаны были передавать это офицерамъ и т. д. Но, такъ какъ рядовые существовали только на бумагѣ, то само собою разумѣется, что ихъ донесенія остались мертвой буквой,—и дѣло!

3. Плацъ-комендантъ и его адъютантъ занимались экспедиціями, вербовками и издавали бюллетени о военныхъ движеніяхъ и побѣдахъ.

4. Полиція *обыкновенная*. Она слѣдила за всякимъ, кого только заподозритъ какой нибудь пустоголовый вертопрахъ, наконецъ:

5. Полиція *исполнительная*, подъ пресловутой рубрикой „*жандармовъ-вѣшателей*,“—вѣрнѣе „братоубійцъ.“ Власти, означенныя подъ №№ 2, 3, 4 и 5, были въ распоряженіи военнаго начальника. Таковъ былъ составъ *военнаго отдѣла;* перейдемъ къ подробному описанію его дѣятельности.

Военный начальникъ производилъ въ старшіе офицеры, или *штабные* людей, которыхъ рекомендовалъ ему его пріятель, или которые умѣли въ гостинныхъ водить атаку на дамскія невинныя сердца, зачастую не первой молодости.

Подобное искусство было въ то время въ модѣ, и выдержавшій въ этомъ блистательный экзаменъ—могъ смѣло разчитывать на производство въ генералы, а на худой конецъ — въ полковники или маіоры. За то въ лагерѣ Лангевича почти весь день употреблялся на отдаваніе чести; отсалютуютъ од-

ному, а тамъ скачетъ на удаломъ конѣ и другой, и тому шапку ломай.

На 20,000 людей (пиши на 6 или на 7 тысячь; въ лагерѣ Лангивича больше не было. П. Р.), Штабъ насчитывалъ до трехсотъ такихъ героевъ. Не щеголять ли такому предводителю такой великолѣпной свитой?

Между тѣмъ какъ бѣдняки не имѣли куска хлѣба, герои эти проигрывались въ карты, опоражнивая взаимно свои карманы.

Воображаемый начальникъ народовой стражи былъ только самъ своимъ собственнымъ начальникомъ и ничего не дѣлалъ, а на запросы *военнаго довудцы,* отвѣчалъ подробными отчетами, какъ будто на самомъ дѣлѣ собиралъ важныя свѣдѣнія, необходимыя для народовой справы.

Плацъ-комендантъ, какъ мы говорили, устраивалъ экспедиціи и вербовку. Посмотримъ какъ это у него совершалось:

Вербовку охотниковъ производили такъ называемые *сотники.* На бумагѣ вербовалась сотня—на дѣлѣ—*полсотня.* Получивъ деньги отъ начальника на жалованье цѣлой сотни, они платили *десятникамъ* навербованной полусотни, а тѣ уже каждому воину отдѣльно; по большей части такой десятникъ, занимаясь въ сущности утаптываніемъ мостовой, платилъ только тѣмъ, кто умѣлъ себя отстоять; прочія же деньги считалъ совершенно лишнимъ *не оставлять* въ собственномъ карманѣ; сотникъ натурально прогуливался такимъ образомъ на счетъ полсотни, показывая на бумагѣ добросовѣстно цѣлую сотню.

Вербовали преимущественно бѣдняковъ, которые, записавшись подъ разными именами разомъ въ нѣсколько отдѣловъ, тратили кровныя деньги на неописанный развратъ; и съ приказаніемъ выступать, часть ихъ пряталась, а другая убѣгала и записывалась въ новые отдѣлы. Между тѣмъ начальники не помнили себя отъ радости, что навербовали съ такою легкостью такую огромную массу охотниковъ.

Когда уже собирались на назначенное мѣсто, начальникъ, видя на бумагѣ навербованныхъ будто бы 1,500 человѣкъ, несказанно восторгался, потому что, дескать, съ такимъ отрядикомъ можно придумать кое-что; но провѣривъ отрядъ, онъ, увы! насчитывалъ едва 350 человѣкъ, по большей части недорослей. На вопросъ его „гдѣ люди?“ сотники отдѣлывались простымъ отвѣтомъ: „негодяи, уцекинеры; какъ только получать

жалованье, такъ одинъ представляетъ собою десятерыхъ, прочіе улепетываютъ.“ Такъ строилось дѣло, а если на бѣду появится пограничный патруль, тогда еще 300 воиновъ побѣдоноснаго отряда навострятъ лыжи.

Такимъ образомъ *довудца* чаще всего выходилъ съ пятьюдесятью или шестьюдесятью недѣлимыми и, перейдя русскую границу, побивалъ по бюллетенямъ цѣлыя войска, теряя только одного или двухъ человѣкъ, а на самомъ дѣлѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятелемъ (состоявшимъ по всей вѣроятности въ маленькомъ отрядцѣ), давалъ своему отдѣлу безсрочный отпускъ, и возвращался, послѣ такой блистательной побѣды, съ адъютантомъ и полною кассою въ Краковъ, гдѣ и трубилъ во всеуслышаніе о своей собственной храбрости, и вотъ на другой день „Часъ,“ печатаетъ съ-позаранку въ тысячахъ экземплярахъ бюллетень слѣдующаго содержанія: „Начальникъ краковскаго отдѣла съ 70 воинами, разбилъ на голову подъ Яновымъ непріятеля, числомъ въ 2,000 человѣкъ, но атакованный впослѣдствіи непріятелемъ въ четверо сильнѣйшимъ, онъ распустилъ свой легіонъ, назначивъ ему другое сборное мѣсто.“ Пуская въ ходъ подобную басню, знаменитый „Часъ“ смѣется въ кулакъ, помышляя въ сердцѣ своемъ: „надо же дуракамъ пыль въ глаза пустить, иначе ничего и не подѣлаешь!“

Какимъ образомъ общество могло повѣрить такимъ бреднямъ — до сихъ поръ покрыто *мракомъ неизвѣстности.*

Надо быть поистиннѣ сумасшедшимъ, чтобы повѣрить, что сбродъ навербованныхъ голяковъ, который мы имѣли счастіе созерцать неоднократно, устоитъ противъ опытнаго и имѣющаго все необходимое солдата. Правда, было нѣсколько отчаянныхъ головъ, которые думали показать примѣръ твердости, но рыцари эти улепетывали при первыхъ выстрѣлахъ.

Молодые люди! спрашиваю васъ: „что взяли вы своимъ безумнымъ самопожертвованіемъ?“ Развѣ только, что если кто нибудь изъ васъ, потерявъ ногу или руку, возвращался и просилъ милостыню у этихъ господчиковъ, то первый разъ получалъ въ награду ласковое слово, во второй разъ отпускалась ему грубость, а въ третій показывали ему двери, нѣжно приговаривая: „ты, дескать, бездѣльникъ!!“ За тѣмъ, не привыкши трудиться, вы остались вѣчными нищими, а что всего хуже, *добровольными нищими.*

Не одному изъ васъ, можетъ быть, улыбалась блистательная будущность, а теперь развѣ кто нибудь сжалится надъ вами? Нѣтъ, знаю это по убѣжденію! И хотя и были кое-какія складчины или лотереи и собрано сколько нибудь денегъ, но всѣ они перешли въ руки *фаворитовъ;* а если даже и нашелся такой, который помогъ тебѣ, то, признайся, не былъ ли онъ однимъ изъ тѣхъ, кого ты считалъ врагомъ? Онъ сжалился надъ твоею молодостью и соболѣзновалъ сдѣланному тобою необдуманному шагу.

Когда долженъ былъ послѣдовать наборъ, говорили что правительство вызвало имъ повстанье. И развѣ это не сущая ложь? Развѣ революція за два года передъ тѣмъ не была уже задумана? Наборъ долженъ былъ скорѣе стать посредникомъ между революціею и правительствомъ, которое, не желая бѣдствій края, употребило эту мѣру предосторожности; но, увы-поздно!

Бюллетени гласили, что русскія войска позволяютъ себѣ злоупотребленія и что, напротивъ, отдѣлы повстанцевъ обходятся съ плѣнниками гуманно и великодушно. Скажемъ на это, что мы ровно ничего не знаемъ о такихъ злоупотребленіяхъ, Что же касается до гуманнаго и великодушнаго обхожденія повстанскихъ отрядовъ, то имѣемъ очень много примѣровъ, что плѣнныхъ вѣшали втихомолку, а газеты скрывали множество насилій и убійствъ.

Бывала иногда въ ходу и гуманность, о которой газеты кричали во все горло. Но развѣ это была истинная гуманность? Нѣтъ! Это дѣлалось только изъ видовъ: именно, чтобы, во первыхъ, взволновать общественное мнѣніе, и такимъ образомъ вызвать негодованіе противъ мнимаго врага; во вторыхъ, чтобы склонить русское войско покинуть знамена и измѣнить законному монарху.

Къ несчастью, (къ счастью! П. Р.) это какъ то не удалось и даже не могло удаться. Кто знаетъ непоколебимую вѣрность русскаго солдата, тотъ сознается, что мысль повстанцевъ сумазбродна.

Размотримъ теперь сословіе жандармовъ-вѣшателей. Имъ представлялось огромное поле дѣятельности, и на этихъ-то *достойныхъ герояхъ* опиралась власть *бывшаго* народоваго жонда.

Если наружность кого либо не понравится *обыкновенной полиціи,* о томъ давали знать жандармамъ, и жандармы, получивъ деньги, дѣйствовали какъ палачи, не задумываясь пролить кровь невинныхъ братій, лишь бы что нибудь заработать и было бы на что погулять. На эти подвиги употребляли опытнѣйшихъ мерзавцевъ и первостатейныхъ негодяевъ со всѣхъ концовъ свѣта. Такимъ-то образомъ изощрились и у насъ въ доселѣ не употреблявшемся искуствѣ тайнаго убійства; вотъ еще достохвальное дѣяніе учителей-цивилизаторовъ и прогресистовъ, на бѣду прибывшихъ къ намъ со свѣжимъ транспортомъ.

Помимо этого, мѣстныя газеты укоряли русскія войска въ *насиліяхъ.* Спрошу по совѣсти читателя: что болѣе похоже на насиліе—то ли, что солдатъ, который поставленъ защищать край отъ внѣшнихъ нападеній и охранять внутренній порядокъ, не подвергая бѣдствіямъ спокойнаго гражданина,—исполняетъ свои обязанности, или же ничѣмъ не оправдываемыя тайныя убійства и исполняемыя притомъ только ради матеріальной выгоды? Мнѣ кажется, что каждый долженъ сознаться, хотя бы онъ былъ и отъявленнѣйшимъ нашимъ врагомъ, что это-то и есть насиліе въ полномъ значеніи слова.

Таковы-то были представители нашего народа, достойные своего ученія и *цивилизаціи!*

И теперь обращаю къ тебѣ, дорогая молодежь, слово, которое да западетъ глубоко въ твое сердце.

Когда эта отравительная гидра опять начнетъ подымать голову (чего ей однакоже не удастся), отъ тебя зависитъ, раздавить ее разъ навсегда въ самомъ началѣ. Это, однакоже, можетъ случиться только тогда, если ты, какъ прежде всѣхъ подверженная соблазну, захочешь отвратить отъ нея и слухъ и взоръ твой и будешь отражать каждое нападеніе этой гидры; на лесть ея, угрозы и обѣщанія не обращай вниманія, такъ какъ все это мечты и навсегда останутся мечтами.

Если, затѣмъ, ты не хочешь, чтобы родители, на закатѣ дней своихъ, тебя проклинали, чтобы братъ сдѣлался братоубійцею, и край впалъ бы въ несказанныя бѣдствія, то послушайся слова, которое шлю тебѣ отъ чистаго сердца. Старайся совершенствоваться въ наукѣ и трудѣ, чтобы сдѣлаться полезнымъ отечеству, и тогда несомнѣнно улыбнется тебѣ бли-

стательная будущность, которая со временемъ, дастъ Богъ, улыбнется и всему краю.

Не поддавайся искушеніямъ человѣка-дьявола, который ищетъ удобной минуты, овладѣть тобою, когда спишь; но бодрствуй, и при каждомъ такомъ нападеніи повторяй слова Іисуса Христа: „Отыди отъ меня сатана!"

Съ Пелтвы въ Галиціи, 11 апрѣля 1865 г.

Коснемся юридическаго отдѣла *бывшаго* народоваго жонда. Отдѣлъ этотъ былъ составленъ слѣдующимъ образомъ:

1. Начальникъ— происходилъ изъ среды эмиграціи, какъ и всякій другой, жилъ и дѣйствовалъ сообразно другимъ начальникамъ отдѣловъ, распоряжался жизнью и смертью человѣка. Назначалъ различныя наказанія и произносилъ смертные приговоры. Если не ошибаюсь, такихъ приговоровъ можно считать цѣлыми тысячами.

2. Секретарь и нѣсколько младшихъ чиновниковъ.

Въ его полномъ распоряженіи были также жандармы-вѣшатели, которые по его мановенію исполняли возложенныя на нихъ обязанности. Красивыя эти обязанности заключались преимущественно въ вздергиваніи на висѣлицу противниковъ *святой справы.* Буде же, по *гуманнымъ* соображеніямъ, висѣлица отмѣнялась, употреблялись вмѣсто нея кинжалъ и ядъ.

Яду привезено изъ за границы весьма почтенное количество. Едва ли не каждый прибывающій эмигрантъ имѣлъ стклянку съ этимъ дорогимъ запасомъ! Кинжалы по большей части были вдѣланы въ желтую трость съ бѣлымъ набалдашникомъ.

Осужденный на смерть господиномъ начальникомъ-судьею, во первыхъ, не могъ ожидать такого приговора, и, во вторыхъ, встрѣтивъ его исполнителя съ невинною тросточкою, не могъ тѣмъ болѣе ожидать, что эта невинность покумилась съ страною ужей и ехиднъ и скрываетъ въ себѣ жало, и что, черезъ нѣсколько шаговъ, змѣя, которая проситъ у него огня для сигары, уязвитъ жаломъ его грудь.

Это орудіе было и есть порожденіемъ сатаны.

Впрочемъ, кромѣ бѣдняковъ никто не подвергался этой почетной смерти, развѣ только агенты и полицейскіе чиновники, потому что, естественно, съ ними не церемонились.

Бѣдные чиновники, которые шли туда, куда указывался имъ путь, должны были страдать за негодяевъ, способныхъ отдать

цѣлый свѣтъ въ распоряженіе Люцифера, лишь бы у нихъ были средства.

Полиція наша—лучшій въ этомъ свидѣтель: она не была въ состояніи отдѣлаться отъ этихъ нахаловъ. И такъ, бѣдняжки трудились для *ойчизны*, какъ могли. Но, чтобы прикрыть все это плащомъ патріотизма, нужно было непремѣнно найти кого нибудь достойнаго суда; и такъ: „и волки были сыты и овцы цѣлы."

Такимъ образомъ разсылаются сейчасъ же жандармы развѣдать степень преступленія виноватаго и отдать въ немъ отчетъ.

Жандармы принимали это приказаніе съ величайшимъ удовольствіемъ, потому что знали чѣмъ это, дескать, пахнетъ. Жандармъ, встрѣтившись съ первымъ знакомымъ, спрашивалъ его:

— Тосю, знаешь ты N. N.?—должно быть онъ шпіонъ?!

Тося, хотя никогда и не видалъ въ свою очередь NN. и никогда о немъ и не слышалъ, отвѣчалъ, что знаетъ его какъ роднаго брата, и Тося въ глаза зналъ—чѣмъ это пахнетъ.

Жандармъ приглашалъ Тосю завтракать, и тамъ, за тарелкой ветчины и попивая бутылку мадеры, собиралъ отъ него показанія на счетъ подозрѣваемаго и добросовѣстно ихъ записывалъ, потомъ приглашалъ на завтраки Юзю, Юльцю, Казю, Владзю и т. п. и, совершивъ съ ними такую же церемонію разпросовъ, что и дѣлалъ до времени представленія рапорта. При рапортѣ, прежде всего, жандармъ представлялъ счетъ расходамъ, неизбѣжнымъ при инквизиціи, которые и опредѣлялъ неоднократно до 50 гульденовъ и обширный отчетъ показаній тѣхъ, которые предполагаемаго виновнаго и въ глаза не видали.

Господинъ начальникъ-судья благодарилъ, и для большаго поощренія приказывалъ платить жандарму добавочныя деньги за усердіе.

За тѣмъ г. начальникъ принимался судить,—тонкій и великій судья, отмѣнно похожій на шестъ или воробьиное пугало, напоминающее собственною фигурою отвратительный образъ смерти, читалъ бойко и важно, словно баронъ-фанфаронъ, собранныя противъ обвиненнаго показанія, и потомъ тотчасъ же произносилъ смертный приговоръ, съ спокойной совѣстью, и приказывалъ внести ее въ протоколъ, ради вящшаго позора обвиненному. Такимъ образомъ осталась въ протоколахъ тьма подобныхъ сентенцій, и покоится тамъ до втораго пришествія.

Что скажешь послѣ этого, любезный читатель, о господахъ-

судьяхъ, которые, не выслушавъ свидѣтелей, бездоказательно и произвольно отправляли людей на тотъ свѣтъ съ такимъ хладнокровіемъ? Развѣ это не судъ разбойничьей шайки, скрывающейся въ трущобахъ и непроходимыхъ лѣсахъ?

Вотъ тебѣ отдѣлъ *правосудія,* любезный читатель! И такъ почерпни изъ него урокъ, обрати вниманіе на появляющіяся въ *Дневникѣ* обличенія бывшаго народоваго жонда и въ нихъ можешь найти объясненіе всему тому, что появится за тѣмъ въ дальнѣйшихъ нашихъ корреспонденціяхъ. Не позволяй этимъ комедіантамъ свободы сбивать тебя съ толку; въ противномъ случаѣ жестоко ошибешься, отъ чего упаси тебя Богъ!

Теперь вотъ нѣсколько словъ почтенному господину *„также фельетонисту* (к.),“ выступившему въ газетѣ *Народовой* 7 апрѣля въ № 80.

Господинъ *„также фельетонистъ“*,—возвѣщая намъ *весну,* призываетъ въ свидѣтели кіпивчицкій лѣсъ, въ которомъ уже 18 марта появился разцвѣтъ *скороспѣлки* (primula veris) и говоритъ, что слышалъ даже *соловья*, настраивающаго горловой инструментъ. Ничего нѣтъ удивительнаго,—вѣдь и въ Варшавѣ почти въ то же самое время показались три куста *жгучей крапивы*—той самой, которая въ 1863 году такъ величественно покрыла нашу страну, отчего испуганные варшавскіе жители и заключили, что вслѣдъ за этой весной нагрянетъ противная зима. Нѣтъ, стало быть, ничего естественнѣе, что *весна,* которую онъ извѣщаетъ, не пришлась ему съ-руки.

Къ счастью, противъ уничтоженія ея приняты полезныя и *дѣйствительныя средства,* и такимъ образомъ жители могутъ опять вздохнуть свободно.

Съ Пелтвы въ Галиціи, 28 апрѣля 1865 г.

Отдѣлъ *внутреннихъ дѣлъ* народоваго жонда составляли:

Начальникъ; онъ имѣлъ необыкновенно обширную власть (всѣ другіе отдѣлы, кромѣ военнаго и иностранныхъ дѣлъ) подчинялись ему нѣкоторымъ образомъ; онъ завѣдывалъ всѣми чиновниками *бывшаго* народоваго жонда.

Не каждый изъ живущихъ въ краѣ обывателей могъ въ то время удостоиться отъ него чести—получить должность, хотя бы ничтожнѣйшую, напр. почтмейстера: этотъ *почтенный* господинъ начальникъ умѣлъ выбирать достойнѣйшихъ изъ достойныхъ.

Желавшій получить какую нибудь должность, долженъ былъ удовлетворять слѣдующимъ условіямъ; *во первыхъ:* быть изъ младшей братіи и потому неопытнымъ, дабы всегда оказывать слѣпое послушаніе заграничнымъ героямъ, *посвятившимъ* себя *народовой справѣ; во вторыхъ:* быть богатымъ и принадлежать къ новой шляхтѣ, потому что изъ прежней опытной старой шляхты, которая предпочитала жить на покоѣ и которую не такъ легко было бы увлечь, никто не могъ удостоиться этой *чести.* И какъ же можно было повѣрить тому, кого называли измѣнникомъ, тому кто оставался вѣрнымъ своему законному Монарху? И вотъ эти несчастные должны были покинуть свой собственный уголъ, спасаясь отъ терроризма, вызваннаго ихъ дѣтьми; они не имѣли поползновенія навлечь новыхъ несчастій на край, губить невинныхъ, и на склонѣ жизни безчестить ихъ сѣдыя головы; *въ третьихъ:* чиновники эти должны были давать деньги при требованіи каждаго, и самаго низшаго сановника (а таковымъ былъ даже простой повстанецъ), принимать его какъ слѣдуетъ, не сопротивляясь волѣ и приказаніямъ; наконецъ, *въ четвертыхъ:* сейчасъ подписывать, безъ малѣйшихъ возраженій, *народовый заемъ.* Это коротенькое *условьице* принадлежало однако къ условіямъ перваго разряда.

Такихъ то выбирали въ младшіе чиновники и ожидали отъ нихъ многаго. Оказалось, что въ этомъ не ошиблись.

Знаю двухъ достойныхъ стариковъ, обывателей Царства Польскаго гг. М... и Ш..., которыхъ раззорили эти голыши; они едва убѣжали.

Старики эти, хотя, по ихъ словамъ, никогда не плакали, прослезились отъ негодованія, читая выдумки заграничныхъ газетъ, и говорили: „Ложь все, сударь мой, сами мы были не разъ свидѣтелями. Не можетъ выйдти добра и никогда добра не выйдетъ, если молодые безумцы не отрекутся отъ разврата, занесеннаго заграничными либералами и лжи, которая сдѣлалась „ихъ ремесломъ и не послушаются голоса стариковъ, желающихъ „дѣтямъ своимъ болѣе добра, нежели они намъ его желаютъ. „Гдѣ же слышно, чтобы отецъ желалъ зла своему сыну? и сколько дѣтей, которые хотятъ отдѣлаться отъ родителей, лишь бы „получить наслѣдство, чтобы впослѣдствіи употребить его по „своему усмотрѣнію?...“

И развѣ не правду говорили эти старики? сущую правду,— всякій скажетъ.

Къ отдѣлу, затѣмъ, принадлежали:

2. Городскіе начальники. Ихъ выбирали изъ мѣстныхъ жителей, потому что они были, болѣе или менѣе, знакомы съ своими согражданами.

Давали они ежедневные приказы, въ которыхъ называли бѣглыхъ изъ повстанскихъ отдѣловъ (*на бумагѣ*, такъ какъ извѣстно, что одно и тоже лицо записывалось разомъ въ три или четыре отдѣла, подъ разными фамиліями, и такимъ образомъ въ карманѣ у такого промышленника существовало нѣсколько жалованій), а также шпіоновъ, подозрительныхъ лицъ и не желающихъ принять участіе въ *святой справѣ*.

Если сегодня означался тотъ или другой на бумагѣ господина начальника шпіономъ или человѣкомъ подозрительнымъ, тотъ послѣ объясненія *тотчасъ же* въ послѣдующемъ приказѣ оправдывался. За тѣмъ всѣ смертные раздѣлялись у господина начальника на шпіоновъ и не шпіоновъ, на людей подозрительныхъ и неподозрительныхъ, довольно сказать: начальникъ *дѣйствовалъ* какъ могъ, чтобы только показать, что онъ, дескать, начальникъ города!

Выдавалъ также господинъ начальникъ и мундиры... Виноватъ, ошибаюсь — ничего не выдавалъ; правила за него эту обязанность его достойнѣйшая половина, а почтенный супругъ деньденьской опоражнивалъ бутылки шампанскаго и портера съ милыми сотрудниками по народовой справѣ. Супруга исполняла временно порученную ей обязанность съ величайшимъ усердіемъ — выдавала *мундиры!* Надо замѣтить, что эти хламиды раздѣлялись на толстыя и тонкія.

Если кто приходилъ съ ассигновкой и умѣлъ польстить госпожѣ начальницѣ, т. е. поцѣловать ручку ея, улыбнуться, сказать какую нибудь любезность, — тому она давала собственноручно тонкій мундиръ и шелковую рубашку; если же придетъ незнакомый съ этими пріемами, то получаетъ толстый мундиръ изъ рукъ сторожа; наконецъ флегматикъ, которому просто-на-просто хотѣлось только служить, не только не получалъ тонкаго мундира, но для него не оказывалось въ магазинѣ и толстаго.

Сверхъ того къ отдѣлу принадлежали:

3. Дѣла духовныя. Поэтому туда впряглись и ксендзы, но ксендзы, *истинные патріоты;* они принимали на себя обязанность вербовать охотниковъ, говорить проповѣди въ пользу *святаго* дѣла, давать отпущеніе грѣховъ тайнымъ убійцамъ; а мо-

паки должны были кромѣ того прятать въ монастыряхъ *патріотовъ*.

Примѣромъ такихъ ксендзовъ былъ нѣкій ксендзъ К... именуемый каноникомъ. Послѣ разбитія Лангевича русскими, онъ прибылъ въ Краковъ — яко *глава революціонной церкви*.

Онъ жилъ въ столицѣ безопаснѣе и роскошнѣе, чѣмъ въ лагерѣ, потому что краковскія дамы обдаривали его со всѣхъ сторонъ, чему свидѣтели—жители св. Янской и Флоріанской улицъ, и особенно г. Г....

Несчастье, однакожъ, начало преслѣдовать его съ того времени, какъ онъ, оказывая какіе то любезности одной дамѣ, уѣхалъ въ одно прекрасное утро въ купальни Свотовицы. Соперникъ его (эмигрантъ), желая воспользоваться случаемъ отдѣлаться отъ него, объявилъ путешествіе ксендза К.... полиціи, которая давно уже его отыскивала.

Ксендзъ этотъ былъ извѣстенъ каждому какъ человѣкъ сварливый и пройдоха, и самые лучшіе друзья его, узнавъ объ этомъ, пожелали ему счастливой дороги въ Ольмютцъ.

Были ли эти ксендзы уполномочены на подобную дѣятельность отъ главы церкви? — Нѣтъ! Были они посланы изъ Рима?—такъ, но, вѣроятно, изъ того Рима откуда бѣсы утащили пана Твардовскаго, а ничуть не изъ настоящаго. Какъ послѣ всего сказаннаго не оправдывать закрытіе монастырей въ Царствѣ?

Въ заключеніе этотъ отдѣлъ занимался *благотворительностью*. На этомъ основаніи заведены складчины, въ которыхъ каждый имѣлъ *право* участвовать чѣмъ *могъ* и *хотѣлъ*. Можетъ быть по образцу комитетовъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ для раненныхъ въ Шлезвигъ-Голштиніи? Виноватъ! совсѣмъ забылъ, что тогда еще не существовало этихъ комитетовъ, слѣдовательно нечего было устроить по ихъ примѣру. Кромѣ того, раненные въ Шлезвигъ-Голштиніи получали аккуратно каждую присылку, а у насъ въ лагерѣ ни кто не получалъ ничего, и всѣ терпѣли голодъ и нужду.

Почему такъ?—спроситъ читатель; — отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно; стоитъ только привести анекдотъ г. А.... въ Краковѣ: этотъ г. А., собравъ всѣ доброхотныя приношенія, даже приношенія торговокъ, кидавшихъ въ его возы хлѣбъ и другіе припасы, которые должно было доставить въ назначенное мѣсто,—не только не отдалъ ихъ по назначенію; но, напротивъ,

г. А. заставилъ еще за все это платить ему двойную цѣну, сваливая все на дороговизну и опасность.

За то развѣ не *возвеличилъ* онъ ойчизны? купилъ онъ на Гр... улицѣ какія то развалины и построилъ на ихъ мѣсто дворецъ!

Но что дѣлать; какъ бы человѣкъ хорошо ни *думалъ*, окаянные языки разгласили по цѣлому городу, что *Богъ наградилъ искреннѣйшее* желаніе г. А. трудиться *для ойчизны* — огромнымъ каменнымъ домомъ.

Это ему нисколько не повредило, въ чемъ свидѣтель, господинъ К..., которому господинъ А... поставилъ нѣсколько сотенъ бутылокъ вина, портера и пива, накормивъ его добропорядочно; съ тѣхъ поръ никто не смѣлъ уже его осуждать и самъ краковскій *Часъ* въ свою очередь выступилъ съ оправданіемъ, указавъ на нѣсколькихъ очевидныхъ свидѣтелей.

Таковъ былъ отдѣлъ внутреннихъ дѣлъ. И развѣ не потрудился на его поприщѣ всякій по своимъ силамъ и желанію? Правда, не каждый изъ нихъ трудился одинаково; во всякомъ случаѣ трудъ ихъ всѣхъ имѣлъ одну цѣль-раззореніе бѣдной ойчизны, которая едва успѣла опомниться отъ 1831 года.

Читай и обдумывай всѣ ихъ дѣянія, любезный читатель, и убѣдишься, что всякій тутъ помышлялъ извѣстно о чемъ: набить потуже свой карманъ на тотъ именно конецъ, чтобы пріобрѣтенные во имя народной *справы* гроши спустить за границей, одинъ Богъ знаетъ на какое употребленіе.

Съ Пелтвы въ Галиціи 1 мая 1865 г.

Разсмотримъ послѣдній отдѣлъ народоваго жонда, или иностранныхъ дѣлъ.—Отдѣлъ *заграничный*. Его составляли:

1. Главный начальникъ *дипломатическихъ* агенствъ при *иностранныхъ* дворахъ (вѣроятно: солнца, мѣсяца и т. д.). Разумѣется выбирался изъ высшей аристократіи.

2. Агенты при дворахъ: французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и, Богъ знаетъ, еще при какомъ — изъ достопочтенной эмиграціи.

Наконецъ, 3. Подвѣдомственные чиновники или вѣрнѣе: подкупленныя газеты въ тѣхъ же странахъ.

Главный начальникъ леталъ по Европѣ вдоль и поперегъ, и всегда съ достоподобаемой свитой. Появлялся какъ бомба къ подвѣдомственнымъ ему агентамъ; сегодня онъ въ Швейцаріи,

завтра въ Римѣ, послѣ завтра въ Швеціи и т. п. Видя его снующимъ по всей Европѣ, ты бы подумалъ, читатель, что польское повстанье повлечетъ за собою *свѣтопреставленье.* Катаясь, такимъ образомъ, начальникъ видѣлъ вездѣ одно только *расположеніе* къ польскому вопросу и *готовность* къ европейской войнѣ, которая, по мнѣнію этихъ господъ агентовъ, уже почти *висѣла на волоскѣ*, и все это по поводу *необыкновенныхъ потрясеній* въ Польшѣ (дѣйствительно, никогда еще такъ не трясли въ Польшѣ кошельками, какъ въ это блаженное время).

Начальникъ этотъ былъ уже увѣренъ въ полученіи короны *польской.* Во время пребыванія въ Львовѣ въ 1861 году, этого франта представляли другому господину, въ качествѣ *короля Владислава IV-го*, а сего послѣдняго представляли ему-же въ качествѣ *короля Яна III-го*, вотъ тебѣ и цѣлыхъ два короля, почтенный читатель! каждый изъ нихъ, однако, имѣлъ свои виды,—а именно: когда первый изъ нихъ былъ *королемъ-аристократомъ* и тратилъ деньги, другой изображалъ собою *короля демократа*, собирая деньги съ необыкновенно увеличеннымъ числомъ подписчиковъ на *свое мнимое королевство,* а самое существованіе королевства поддерживалъ бюлетенями о *побѣдоносныхъ* битвахъ, выдержанныхъ повстанскими отрядами, приправляя эти бюлетени мнимыми жестокостями русскаго войска.

Гдѣ же былъ король, который заботился о благѣ народа? Краснѣй отъ стыда, читатель, если припомню тебѣ, что твой настоящій король охранялъ тебя въ то время отъ гибели, не щадя никакихъ жертвъ. Опечаленный твоею ужасной долей, которую ты самъ невольно искалъ, онъ скорбѣлъ о тебѣ, какъ родитель о дитяти. Объ этомъ-то королѣ ты позабылъ, плѣненный дѣтскими игрушками. Думаешь, можетъ быть, что же короли забыли истиннаго? Нѣтъ, у нихъ дѣло шло только о томъ, чтобы съ нами поторговаться, и поторговались они съ нами хорошо: мы совсѣмъ продались имъ, совершая постыднѣйшее преступленіе, какого устыдились бы и хищные звѣри. Знали они, наконецъ, хорошо, что законный король, пекущійся о благѣ подданныхъ, не уснетъ спокойно, пока не увидитъ всѣхъ счастливыми; и думали затѣмъ: что мы испортимъ, то онъ поправитъ, и не думали, что мы будемъ за наше повстанье добычей нужды и предметомъ посмѣшища всему свѣту.

Посмотримъ же, что сдѣлали *дипломатическіе* агенты при *иностранныхъ* дворахъ.

Они имѣли жительство по близости отъ назначенныхъ имъ дворовъ и выглядывали изъ перваго попавшагося трактира для развѣдыванія, кто туда входитъ и кто выходитъ.—И такъ, допустимъ, на прим., что ко двору французскому пріѣхалъ англійскій посланникъ по своимъ обыкновеннымъ дѣламъ, господинъ агентъ уже зналъ, Святымъ Духомъ, что между Англіею и Франціею существуетъ *наилучшее* согласіе по *польскому* вопросу. Выѣхалъ, напримѣръ, изъ англійскаго двора русскій посланникъ, — господинъ агентъ слышалъ даже собственными ушами, какъ посланникъ русскій упрашивалъ отъ имени своего правительства *о невмѣшательствѣ Англіи въ польское дѣло,* чисто домашнее и, неуспѣвъ въ этомъ, вышелъ *опечаленный.* Войдетъ какой нибудь джентльменъ - полякъ къ Ротшильду,— господинъ агентъ готовъ побиться о закладъ, что тотъ къ нему вошелъ за деньгами на *народовый* заемъ. А что же, когда онъ видѣлъ его выходящаго оттуда съ улыбающегося физіогноміею? Тотчасъ же выбѣгалъ къ нему на встрѣчу и спрашивалъ:

— А что, не правда ли, благороднѣйшій Ротшильдъ далъ деньги!

— А вамъ, сударь, чорта ли въ этомъ?—отвѣчаетъ неожиданно спрошенный баринъ.

— Господинъ обыватель! вы развѣ не знаете, что я здѣсь *дипломатическій* агентъ? слѣдовательно право распоряжаться деньгами принадлежитъ мнѣ.

Баринъ въ замѣшательствѣ объясняетъ, что деньги — чисто частныя; ничто, однако, не останавливаетъ агента-*дипломата:* въ настоящее время не существуетъ частныхъ денегъ, всѣ принадлежатъ *отчизнѣ* и составляютъ *общее* достояніе. Баринъ, желая избавиться отъ нахала, долженъ пожертвовать на *народовый заемъ* 2000 франковъ!—Это не пуфъ, а фактъ, который случился съ виленскимъ обывателемъ Казимиромъ В... И такъ, вотъ какимъ образомъ началась операція наша; дальнѣйшіе опыты показали, что такой пріемъ ея очень хорошъ на практикѣ.

Придуманныя извѣстія агентовъ отсылались тотчасъ же въ надлежащія газеты, изъ которыхъ каждая была куплена отъ сорока до восьмидесяти тысячъ франковъ, лишь бы свѣдѣнія печатались какъ можно скорѣе.

Такая газета, украсивъ полученныя извѣстія своими выдум-

ками, также изъ *върнаго источника*, пускала ихъ въ свѣтъ для поживы добродушныхъ олуховъ, которые, болтая о написанномъ задумывались надъ тайнами *дипломатическихъ польскихъ* агентовъ и принимали навранное за чистые деньги. Иногда *агенты* узнавали также, отъ придворныхъ поваровъ и сторожей, кто былъ на обѣдѣ или на вечерѣ у знатныхъ лицъ. Если при французскомъ дворѣ были австрійскій и англійскій посланники, то господа агенты и затрезвонятъ о французско-австрійско-англійскомъ союзѣ. Если фельдмаршалъ имѣлъ у государя аудіенцію, развѣ не означало это приготовленія къ войнѣ? Наша *дипломатія* знала все *въ совершенствѣ;* не даромъ воспитывалась она въ *дипломатической* школѣ въ Краковѣ въ саксонской гостинницѣ, которая тоже очень тяжелая школа...

Выше изображенная *дипломатія*, кромѣ того, собирала и заграничныя складчины, распоряжалась ими, какъ ей было угодно, подкупала газеты и разнокалиберныхъ крикуновъ міра сего, которые ораторствовали за Польшу,—въ сущности, чтобы на полученныя отъ агентовъ деньги задавать великолѣпные пиры; а ты, бѣдный народъ, трудись и трудись, и живи между тѣмъ въ нуждѣ, — *господа дипломаты* готовятъ тебѣ *лучшую* будущность.

Сколько собраній и пиршествъ было въ то время! Это лучше всего доказывается счетами дипломатовъ, изъ которыхъ видно, что на долю каждаго изъ нихъ приходилось по 25,000 фр. въ мѣсяцъ.

Покупали они еще оружіе, купивши — посылали; но, увы! его конфисковали на границахъ Австріи и Пруссіи. Правда не въ томъ количествѣ, какое показано въ отчетѣ, но чѣмъ же они тутъ виноваты, когда конфискующіе обыкновенно *скрывали* то количество, котораго недоставало въ отчетѣ и которое они, *ей Богу*, послали?—Вѣдь къ отчету прикладывали же квитанцію фабрикъ!

Бельгійскій агентъ, въ маѣ 1863 г., послалъ 2500 штуцеровъ тамошней работы. Во время ихъ конфискаціи въ Пруссіи найдено только 500 штукъ; куда же дѣвались остальные? Агентъ отвѣтилъ коротко и ясно: затаили. Нѣтъ надъ ними контроля, трудно помочь. И господинъ коммисаръ положилъ въ карманъ объясненіе господина агента.

Нѣкій М... обанкрутившійся типографщикъ изъ Радома, но-

лучивъ изъ итальянскихъ складчинъ 25,0000 злот., на покупку оружія, уѣхалъ въ Венецію. Можетъ быть за оружіемъ? Ничуть не бывало, онъ покупалъ дорогіе ковры, часы и т. п. вещи. Его арестовали, и онъ заплатилъ, заложивъ себя въ 3000 гульденовъ, и выпущенъ на волю; пріѣхалъ въ Краковъ, разъѣзжалъ по цѣлымъ днямъ съ семействомъ на извощикахъ, пилъ, ѣлъ и жилъ баринъ-бариномъ. Но голубчика позвали къ отвѣту, онъ сказалъ не запинаясь: Вы, парижскіе утаптыватели мостовыхъ, ворочаете милліонами, меня допустили бы съ семействомъ погибнуть?—*Развѣ я не потерялъ все что имѣлъ* въ Радомѣ для вашей организаціи? И былъ таковъ! Впослѣдствіи этотъ бѣдняга обанкрутился, что нисколько ему не повредило, ибо, просвѣщенный въ школѣ *цивилизаціи*, онъ съумѣлъ уговоритъ Босака завести типографію по поламъ. Босакъ нашелъ предпріятіе дѣльнымъ и приказалъ выдать на это изъ кассы 50000 злот.. Устроивъ типографію въ Краковѣ, М... послалъ ее по желѣзной дорогѣ въ Тарновъ, предварительно извѣстивъ полицію. Типографія была конфискована, и онъ *совершенно* отдѣлался отъ отчета!

Во время прибытія Генесси въ Краковъ, туда съѣхалась *дипломатія* со всѣхъ сторонъ, и кстати привезла съ собой полнѣйшее *расположеніе* иностранныхъ дворовъ относительно *польскаго дѣла*. И когда на банкетѣ, данномъ по случаю пріѣзда господина Генесси, онъ *откровенно* (такъ разсказывалось) намекнулъ, что Польша будетъ возвращена, только не въ прежнихъ границахъ,—то кричали: vivat!—до того, что у всѣхъ горло пересохло; молва же краковская изъ улицы въ улицу разносила новость, что русскій Императоръ отрекся уже отъ Польши и что, въ настоящее время, идутъ уже совѣщанія о выборѣ польскаго короля!

Съ этого времени начали мастерски врать и обманывать насъ постыднѣйшимъ образомъ. Старшіе и младшіе офицеры не хотѣли идти въ лагерь, такъ какъ говорилось, что повстанье *поддерживается* для того только, чтобы Европа не забывала что поляки *дерутся*, и что слѣдуетъ ждать союзниковъ, которые со всѣхъ сторонъ сотнями тысячъ нагрянутъ къ намъ.

Разнузданная голь, безъ чести и вѣры, молокососы командовали стариками, и выманивали деньги различными способами; пьянство, карты, воровство, кутежъ съ уличными женщинами—были дневнымъ трудомъ поборниковъ святой справы, и Краковъ,

нѣкогда столица славныхъ монарховъ, былъ, увы! ареною этихъ безчинствъ.

Съ своей стороны мы смотрѣли на все это хладнокровно, словно это искони у насъ заведено. Почему? Можетъ быть ради *блага* отчизны? Нѣтъ, но у насъ не доставало отваги дать отпоръ этимъ людямъ, вооруженнымъ кинжалами, револьверами, веревками и т. п. И это насъ пугало!!! А развѣ не имѣли мы на нашей сторонѣ законнаго правительства, которое, при малѣйшей нашей помощи, могло бы уничтожить всю эту кутерьму въ одну минуту; но мы, вмѣсто того, сами приняли участіе въ ней и стали преградою дѣйствіямъ законнаго правительства. Въ насъ не доставало гражданской доблести.

Обратимъ, однакоже, вниманіе на нѣсколько отдѣльныхъ личностей между обывателями, которые съумѣли устоять противъ всего, помимо угрозъ и почти ежедневныхъ примѣровъ тайнаго убійства, помимо даже того, что и мы отшатнулись отъ нихъ. Развѣ не вышли они побѣдителями?... Не смѣются ли они теперь надъ трусостью однихъ, глупостью и развращеніемъ другихъ?

Ты думаешь, читатель, что эти *дипломаты* изъ школы *оплеухъ* не смѣются теперь надъ тобой, что на тебя навели страхъ нѣсколько кинжаловъ и револьверовъ, которые тебѣ показали? Развѣ не заключаютъ они изъ этого, что на будущее время ты сдѣлаешься еще послушнѣйшимъ и дашь водить себя, какъ теленокъ, на веревкѣ? Это—ихъ надежда; они этимъ утѣшаются, потому что этотъ *товаръ*, твоя трусость, составляетъ ихъ *талисманъ*, который и прокладываетъ имъ къ тебѣ дорогу.

Теперь время выступить отважно и высказать открыто все, что тяготѣетъ на нашихъ сердцахъ, противъ этихъ постыдныхъ братоубійцъ. Пусть же законное правительство знаетъ, что одни мы произвели эту бурю, а подстрекатели отуманивали насъ обѣщаніями, исполненіе которыхъ приготовили намъ гдѣ-то—на лунѣ.

Для этого, однако, намъ нужны спасительные совѣты, которые ты, читатель, услышишь не какъ навязываемые тебѣ, но, напротивъ того, самъ будешь принимать ихъ по твоему разсужденію и мнѣнію, и сообразно съ ними станешь исполнять

на будущее время обязанности истиннаго гражданина, любящаго своего законнаго монарха и отчизну; такимъ образомъ, при помощи Всевышняго выберемся изъ пропасти, въ которой мы едва не погибли. *Варшав. Днев.*

Изъ Парижа въ „Варшавскій Дневникъ.“

Парижъ, 9 мая.

Комисары, организаторы и другіе члены народоваго жонда, стараются всѣми средствами занять общественное мнѣніе. Комитеты, эмисары осуждаются единогласно всѣми, кто только еще въ эмиграціи не потерялъ окончательно здраваго смысла.

Прежнимъ ветеранамъ варшавскихъ кандиторскихъ, пустоголовымъ прозелитамъ, шулерамъ переряженнымъ въ полковники видно надоѣли политическіе эфекты; герой, офицеръ, мужественный солдатъ независимости и другіе тому подобные эпитеты уже пріѣлись этимъ печальнымъ гистріонамъ, тайныя дѣянія которыхъ могли бы послужить наукою самымъ опытнымъ воспитанникамъ Тулона.

Сѣверные французы не могли отстать отъ западныхъ. Храбрые, какъ зуавы, солдаты, которые съ револьверомъ въ рукѣ и саблею на перевязи, позволяли драгунамъ, по словамъ *очевидца*, подчивать себя фухтелями, солдаты эти хотѣли быть и verts galants, чѣмъ то à la règence, à la mousquetaire gris!

Да! обративъ страну въ пепелъ, могилы, вдали отъ борьбы, которую правительство вмѣстѣ съ вѣрными гражданами ведетъ противъ крамольниковъ, чиновники эти занялись развлеченіями на чужбинѣ, чтобы несвоевременною печалью не ослабить твердости *благородныхъ душъ* въ виду борьбы съ врагомъ. Какъ вездѣ и всегда, Мѣрославскій, qui utile cum dulci miscuit, постановилъ развлеченіямъ своего изгнанія придать характеръ пользы. Обокрасть дѣтей, соблазнить мать—дѣло полное *отваги*, подстрекнуло къ смѣлымъ предпріятіямъ и подражателей-учениковъ его. И потому, полковники, по мановенію вождя, кинулись въ огонь, капеланы туда же за ними, полные мужества и увлеченія. Но геній вооруженныхъ силъ не удержалъ ихъ отъ постыднаго бѣгства подъ Кживосондзой.

Громогласная музыка пощечинъ за столомъ, въ кофейнѣ Voltaire, утреннiе аресты и изгнаніе изъ Франціи многихъ *побѣдо-*

мосныхъ, должны были бы послужить спасительнымъ предостереженіемъ для другихъ подобныхъ имъ храбрецовъ. Но кто удержитъ такое увлеченіе? Уголовный судъ, увы!, занимается не разсмотрѣніемъ дѣла о фальшивыхъ заставныхъ листахъ, а слѣдствіемъ объ изнасилованіи польскими эмигрантами С—мъ и докторомъ Е—омъ 13 лѣтней дѣвочки!!!!...

Эти юноши, которые, не смотря на ихъ изящныя манеры и способности и, какъ видимъ, обладающіе вполнѣ галантерейнымъ обращеніемъ съ нѣжнымъ поломъ, раздумываютъ въ Мозасѣ о томъ, что имъ скажетъ прокураторъ? Что скажетъ на это правительство? Какъ выскажется общественное мнѣніе, особенно въ настоящее время, когда французы болѣе чѣмъ съ равнодушіемъ смотрятъ на эмиграцію, гдѣ почти всѣхъ поляковъ уволили отъ службы при ліонской желѣзной дорогѣ.

Полковникъ Моллеръ, въ сотрудничествѣ Белины, издаетъ на этихъ дняхъ въ Брюсселѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Причины начала и упадка повстанья». Книга эта будетъ пополнена біографіями главныхъ членовъ инсуррекціи. Хотя мы и читали это сочиненіе въ корректурахъ, но не можемъ однакоже ничего сказать о немъ, пока оно не выйдетъ въ свѣтъ; объявляемъ, впрочемъ, что читателямъ нашимъ принесетъ пользу добросовѣстный трудъ европейскаго публициста, о которомъ вскорѣ не замедлимъ дать подробный отчетъ.

Корреспонденція изъ Люблина въ „Варшавскій Дневникъ.“

Въ одномъ, кажется, изъ майскихъ номеровъ польскаго Варшавскаго Дневника было высказано удивленіе, отъ чего въ губернскихъ городахъ не появляется повременныхъ листковъ, мѣстныхъ провинціальныхъ газетъ, которыя могли бы сосредоточивать разнообразные интересы той или другой части края?

Судя потому, какія статьи французскихъ газетъ читаются въ Люблинѣ, можно безъ грѣха сказать, что образованную польскую публику занимаетъ одна политика, такъ какъ и не просвѣщенные, даже до знанія французскаго языка, ищутъ того же

интереса въ польскихъ газетахъ. Завзятые поляки не любятъ польскаго Варшавскаго Дневника потому, что безобразный не охотно глядится въ зеркало, но масса читателей предпочитаетъ Дневникъ другимъ газетамъ. Впрочемъ политика, хотя и составляетъ насущный хлѣбъ умственной жизни поляка, соблазняетъ его не сама по себѣ, а какъ среда, богатая источниками замѣшательствъ въ дѣлахъ государствъ. Ничему такъ искренно не радуется шляхетское сердце, какъ возможности серьезнаго столкновенія интересовъ сильныхъ державъ, потому что въ каждомъ изъ такихъ столкновеній интелигенція края чаетъ движенія воды для немощной Польши, хотя бы причины ихъ очевидно не имѣли никакого отношенія къ ней. Чаяніе подобнаго рода любитъ разбирать всевозможно всякія дипломатическія ноты, рѣчи съ революціоннымъ душкомъ и политическія мнѣнія газетъ; оно дѣлаетъ всевозможные выводы изъ самыхъ намековъ, изъ отдаленныхъ указаній на вѣроятныя причины разлада между Россіей и пресловутымъ западомъ Европы, въ сочувствіе котораго къ польскому дѣлу легко такъ вѣрится.

Традиціонная ненависть къ Россіи и ко всему русскому утѣшается также всѣми явленіями политическаго и газетнаго міра, которыя бросаютъ на Россію какую-либо тѣнь, изъ которыхъ для Россіи можетъ возникнуть какой-нибудь ущербъ. Во всемъ этомъ убѣждался человѣкъ, наблюдая въ послѣдніе годы наглую жадность, съ какою все читающее бросалось на французскія газеты и бельгійскую Independance, чтобы, не жевавши, проглатывать все непріязненное Россіи и увлекаться самыми невѣроятными ожиданіями. Кто взвѣситъ, сколько восторговъ разносили по домамъ такіе грызуны газетъ и какъ интересовалось ими общество, образуя всюду около нихъ любопытные кружки? Все это продолжается и донынѣ, только безъ слѣдовъ прежней горячности, ибо нѣтъ уже лакомой пищи въ тѣхъ же газетахъ. Чтеніе ихъ сопровождается гримасами негодованія, вызываемыми молчаніемъ публицистики о польскомъ вопросѣ. Половина этихъ газетъ не выписывается уже, и политическія обозрѣнія утратили былое очарованіе. Казалось бы, что, когда политическія ширмы перестали скрывать своекорыстныя цѣли враговъ Россіи, наступила пора приняться за домашнее дѣло и благонамѣренно способствовать уничтоженію разлада, примиренію искаженныхъ сословныхъ интересовъ; — казалось бы, что весь здравый смыслъ

долженъ стать на сторонѣ такой живѣйшей потребности. Но нѣтъ, интеллигенція края считаетъ за лучшее держать себя пассивно къ дѣлу реформъ, не ею, извольте видѣть, начатому, хотя и къ ней наравнѣ съ народомъ относящемуся, и не думаетъ отрекаться отъ израильскихъ надеждъ на пришествіе мессіи.

Въ провинціи не могутъ появиться газеты, въ родѣ коммуналовъ несчастнаго Минишевскаго, которые открывали бы всѣ недостатки общественнаго строя и указывали на средства исцѣленія больнаго организма. На такое важное предпріятіе провинціальная интеллигенція едва-ли отважится, потому что въ средѣ ея немного *пустельниковъ надвислянскихъ*. Чтобы помочь провинціямъ въ такомъ дѣлѣ, варшавскія газеты должны оставить роль Пилата и всѣ силы посвятить благородному служенію странѣ, согласуя разумную дѣятельность свою съ правительственными реформами. Идти дальше прежними окольными путями и жертвовать общимъ благомъ въ пользу дикихъ преимуществъ одного шляхетскаго сословія, для истинной интеллигенціи края было бы уликой ея крайне—жалкой отсталости и грубаго непониманія духа времени. Защищая и поддерживая теперь сумазбродныя стремленія одной выродившейся касты, просвѣщенному человѣку можно сдѣлаться только забавнымъ. Это ведетъ къ допущенію большаго сомнѣнія въ дѣйствительности серьезнаго развитія интеллигенціи края. Такъ можетъ она, эта интеллигенція, называться относительно средняго, едва грамотнаго, и сельскаго темнаго сословій, но тутъ еще нечѣмъ гордиться. Принадлежность свою къ настоящей интеллигенціи страны надо еще доказать дѣлами, которыхъ требуетъ современное просвѣщеніе.

Изъ Парижа 6 іюня туда же.

Цюрихъ, 6 іюня.

Можетъ быть въ Дневникѣ вашемъ найдется мѣсто для помѣщенія комической сцены, которая разыгрывается здѣсь уже съ недѣлю, и развязка которой послѣдовала сегодня, между сектой Товьянскаго и членомъ общества ученаго и сберегательной кассы—ксендзомъ Ястшембскимъ.

Прибылъ сюда, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какой-то познанскій жидокъ, величающій себя графомъ Гарчиньскимъ, будто бы сильно скомпрометированный въ царствѣ польскомъ, такъ что его голову оцѣнили въ 5000 рублей. Онъ объявилъ при этомъ, что былъ извѣстнымъ богачемъ, но что имѣніе его конфисковано; осталось у него, правда, 75 тысячь рублей, но и изъ нихъ, вслѣдствіе банкротства Якубовскаго въ Варшавѣ, потерялъ онъ половину; впрочемъ, прибавилъ онъ, сестра его, проживающая въ Варшавѣ, продавъ свое имѣніе, скоро привезетъ ему деньги и останется съ нимъ въ Швейцаріи. Случай или же расчетъ, этой личности устроили такъ, что, прибывши въ Цюрихъ, онъ остановился на Unterstrasse, въ гостинницѣ *подъ короной*, гдѣ товьянцы совершаютъ свои засѣданія. Товьянцы, услышавъ эту мнимую исторію графа и видя при томъ окружающій его достатокъ и какіе-то векселя, повѣрили ему на слово. Такъ какъ почтенные братья очень заботливо охотятся за такими звѣрьми, то и Гарчиньскому разставлены сѣти. Гарчиньскій сразу отдался имъ душой и тѣломъ и въ короткое время сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ апостоловъ секты. Несмотря на то, что произношеніе похожее на произношеніе братій *поляковъ Моиссева закона* выдавало его происхожденіе, на это не обращали вниманія, потому что графъ, воспитываясь постоянно за границей, могъ владѣть чужимъ языкомъ лучше, нежели своимъ. Наконецъ, гдѣ онъ не умѣлъ объясниться языкомъ, дополнялъ все мимикой и слезами, которыя у него и проливались по заказу; словомъ, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ онъ сталъ украшеніемъ секты, вслѣдствіе чего, на удивленіе всего общества братъ Гарчиньскій былъ даже допущенъ къ цѣлованію руки учителя Товьянскаго, а такое счастье доставалось на долю только старымъ испытаннымъ апостоламъ или братіямъ, вносящимъ передъ новымъ годомъ пожертвованія, необходимыя на содержаніе божія слуги съ многочисленнымъ семействомъ.

Слуга божій, надѣливъ благословеніемъ апостола Гарчиньскаго, соизволилъ спросить его: скоро ли пріѣдетъ ожидаемая изъ Варшавы сестра съ деньгами? Достаточно ли онъ проникся дѣломъ Божіимъ? и своею неслыханною благосклонностью такъ растрогалъ Гарчиньскаго, что тотъ преклонилъ передъ нимъ колѣна и признался ему, что его зовутъ не Гарчиньскимъ, а что онъ никто иной, какъ преслѣдуемый и отыскиваемый рус-

скимъ правительствомъ—графъ Замойскій. Наконецъ, ободренный снисходительностью учителя, будущаго спасителя Польши, онъ попросилъ его одолжить двѣ тысячи франковъ, пока не пріѣдетъ сестра, или пока онъ не получитъ скоро ожидаемыхъ денегъ отъ Реса. Учитель, услышавъ такое требованіе, отскочилъ отъ новообращеннаго апостола, какъ нечистый духъ отъ святой воды; затѣмъ, отговорившись очень вѣжливо какимъ то вдохновеніемъ свыше, соблаговолившимъ посѣтить его въ эту минуту, по поводу канонизаціи блаженнаго Кунцевича (sic !!), учинилъ обрядъ прощанья съ *„графомъ“* (sic!!), исполненный дружески покровительственнаго тона.

Жидокъ этотъ (фамилія его донынѣ покрыта мракомъ неизвѣстности), пылая гнѣвомъ за отказъ въ деньгахъ, ради которыхъ трудился три мѣсяца, рѣшился отомстить.

Слыша на апостольскихъ собраніяхъ постоянно дурные отзывы о польскомъ духовенствѣ, которое, вмѣсто того, чтобы стремиться къ пріобрѣтенію небеснаго отечества, предварительно помышляетъ о земномъ, и зная кое-что о взаимной ненависти между здѣшними ксендзами и сектой Товьянскаго, жидокъ пошелъ къ бывшему президенту Лысой горы, ксендзу Ястшембскому, который, будучи послѣ изгнанія Н... членомъ разныхъ обществъ, имѣетъ значительное вліяніе на эмиграцію въ Цюрихѣ, подробно разсказалъ ему все и, признавшись ему, что самъ былъ въ этомъ проклятомъ братствѣ, вручилъ ему бумаги и постановленія общества, которыя ему, Гарчиньскому-Замойскому, были ввѣрены для изученія ихъ, какъ новому апостолу названной секты. Ястшембскій уже прежде зналъ о ненависти къ нему товьянцевъ; теперь же, имѣя въ рукахъ документы, рѣшился выступить противъ нихъ публично въ костелѣ, не смотря даже на то, что, послѣ приключеній съ Н..., публичныя проповѣди запрещены.

И вотъ, въ праздникъ Вознесенія, онъ произнесъ такую проповѣдь, какой можетъ быть никогда и не доводилось слышать грѣшнымъ въ домѣ Божіемъ, потому, что кромѣ выраженій: *отщепенцы, негодяи, московскіе шпіоны*, и другихъ эпитетовъ почтенный ксендзъ не сказалъ ничего. Счастье, что этого не поняли швейцарцы, которыхъ собралось въ церкви очень много. На другой день, при выходѣ Ястшембскаго изъ ризницы, послѣ ранней обѣдни, оратора окружили ожидавшіе его *товьянцы*, которые были вооружены благословеніемъ учителя и суковатыми

палками. „Мы—слуги Божія слуги; какъ ты смѣлъ, ксендзъ, ругаться надъ нами и надъ нашимъ учителемъ?" Ястшембскій, испуганный такимъ привѣтствіемъ и не желая тратить драгоцѣнныхъ рѣчей, поспѣшилъ обратно въ ризницу, захлопнулъ за собою двери и просидѣлъ тамъ до полудня, ожидая, пока не разойдутся безжалостные братья съ проектами на счетъ спины почтеннаго мужа.

Въ слѣдующее воскресенье, послѣ обѣдни, Ястшембскій, по поводу этого нападенія, опять сказалъ проповѣдь, которая краснорѣчіемъ и размахиваніемъ рукъ превзошла предыдущую, такъ что швейцарцы даже, видя его кривлянья предъ алтаремъ, громкій почти смѣхъ поляковъ, остались очень недовольны. Бѣшенство почтеннаго мужа переполнило мѣры терпѣнія господъ товьянцевъ. Самъ учитель съ апостолами отправились къ мѣстному священнику, съ просьбою надѣть намордникъ на пасть Ястшембскаго за кощунства и ругательство.

Ястшембскій, потребованный къ священнику, предчувствуя грозу, взялъ съ собой для объясненія преподобнаго Гарчиньскаго и выставилъ секту въ чрезвычайно вредномъ для католической религіи свѣтѣ, противъ которой и долженъ выступить, причемъ призналъ за благо отпереться отъ ругательствъ, которыя онъ себѣ позволилъ въ церкви.

Священникъ удовольствовался этимъ объясненіемъ, такъ какъ постоянныя жалобы ему надоѣли. Но запретилъ, однакоже, на будущее время, какія бы то ни было и рѣчи и чтенія въ церкви, даже чтеніе евангелія. На другой день праздника Троицы, Ястшембскій бѣшенными взглядами пожиралъ товьянцевъ, которые занимали обыкновенно отдѣльныя скамьи. Недовольные приговоромъ, они сами рѣшили учинить надъ нимъ судъ и расправу; господа товьянцы ворвались къ нему на квартиру и пустили въ ходъ палки. Краснорѣчивому оратору влѣпили ихъ въ количествѣ пятидесяти и расправили ему позвоночный хребетъ-нечего сказать—усердно: краснорѣчивый ораторъ и понынѣ лежитъ въ постелѣ. (Дѣло говоритъ за себя. П. Р.)

Самозванецъ жидокъ, истинная причина этихъ великихъ дѣяній—удравшій изъ Познани, вѣроятно, въ силу уголовныхъ дѣлишекъ, находится подъ надзоромъ полиціи.

Еще два письма изъ Парижа туда же.

Парижъ, 15 іюля.

Важнѣйшимъ фактомъ въ теченіи этой недѣли было—не термометръ г. Шевалье и не Polonia, которая любовалась этимъ, не паровое фортепьяно, надъ которымъ производился опытъ въ Иподромѣ; ни винтовой воздушный шаръ г. Деламарна, такъ отлично управляемый... вѣтромъ; ни брошюра г. Дюпена *о необузданной роскоши женщинъ*, или лучше сказать *необузданной роскоши мужчинъ*, потому что, женщины, въ дѣйствительности, не что иное, какъ *роскошь* мужчинъ, не прибытіе Омера-паши и Абделькадера съ молодымъ львомъ и двумя женами, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ права назвать его своимъ мужемъ, такъ какъ эмиръ не принадлежитъ ни одной изъ нихъ, и каждая можетъ сказать ему: „*Эло-Хой-ди-бенъ-шаль-Гакимъ,*“ т. е. „мой господинъ и мой полу-мужъ!“; ни приготовленія принца Наполеона къ выѣзду въ Камчатку, отложенныя имъ изъ опасенія его императораторскаго высочества быть взятымъ въ плѣнъ русскими; важнѣйшимъ фактомъ на этой недѣли былъ... никогда не отгадали бы — проектъ декрета представительнаго комитета, обработанный каноникомъ Котковскимъ и присланный генералу Боссаку на утвержденіе; дѣло идетъ, ни болѣе ни менѣе, какъ учредить польскій орденъ, въ награду гражданской, духовной, военной и даже литературной доблести великихъ людей повстанья $18^{63}/_{64}$ года. Такъ какъ въ комитетѣ нѣтъ денегъ на заказъ орденовъ, то ограничатся присылкою каждому изъ привиллегированныхъ лицъ — патента и полъ-локтя ленты, а присылка самаго ордена отложится до времени пополненія деньгами народной сокровищницы; лента должна быть пунсовая съ бѣлымъ; кавалерами сдѣлаются вдругъ 4000 выходцевъ, равно какъ и 1000 иностранцевъ, расположенныхъ къ *народной справѣ*, что составляетъ 2,500 локтей лентъ, по ½ фр., сирѣчь — 1,250 фр. Для покрытія этой не малой издержки, предполагается спустить 250 карабиновъ, приготовленныхъ въ Литтихѣ. Вся эмиграція въ *телячьемъ восторгѣ* и пожираетъ глазами мѣсто, на которомъ будетъ красоваться вожделенная ленточка. Босакъ, Котковскій, Томчиньскій, Гутри, Каролецъ получатъ, или вѣрнѣе сами себѣ пришьютъ, большую ленту означеннаго ордена. Предполагается установить 7 большихъ крестовъ, 15 командорскихъ, 30 офицерскихъ, а остальная дребедень получитъ простые кава-

лерскіе кресты. Князь Чарторыйскій и Сапѣга, Лангевичъ и гр. Платеръ, отцы Еловицкій и Семененко, учитель Товіанскій и Галэнзовскій барабанятъ себя во ожиданіи будущитъ благъ пальцами по брюху; этимъ упражненіемъ займутся и тѣ господа, о которыхъ между эмиграціей вращается сатира въ слѣдующемъ духѣ:

Двухъ намъ генераловъ чортъ далъ въ видѣ ласки:

Одинъ — молъ, — Графъ Замойскій, другой — Мѣрославскій и т. д.

Подпиши, подпиши немедля благословенный декретъ, дорогой Боссакъ!, осчастливишь этимъ 8,000 людей, чающихъ *рыцарства* за 1,250 франковъ!

Третьяго дня, будучи въ Версали, я вошелъ въ зданіе, гдѣ показывались восковыя фигуры. Судите о моемъ удивленіи, когда рядомъ съ Наполеономъ I-мъ, Велингтономъ, Лафайетомъ, кн. Іосифомъ Понятовскимъ, Юліей Пастраною я замѣтилъ знакомыя физіогноміи Босака и Тачановскаго. Импрессаріо, указывая палочкой на предметы своего музея, говорилъ о нашихъ землякахъ: „Вотъ знаменитые польскіе генералы, Босакъ и Тачановскій (Beausac etTasse-a-neuf-ski), погибнувшіе смертью храбрыхъ подъ стѣнами Варшавы 15 мая 1831 г.“ Такъ пишутъ исторію!

Выходецъ Высоцкій (Зачекъ), *бывшій* комисаръ *бывшаго* народнаго жонда въ *бывшемъ* краковскомъ воеводствѣ—образовалъ новое общество, подъ заглавьемъ: „*Общество постнаго.*“— Если вы не поняли въ чемъ *штука*, растолкую вамъ: это общество должно быть въ связи съ товіанизмомъ, если не составляетъ его метаморфозы.

Уставъ общества начинается воззваніемъ къ эмиграціи, котораго содержаніе состоитъ въ слѣдующемъ: въ 1831 г. было 6000 выходцевъ во Франціи; если бы каждый захотѣлъ попоститься одинъ день въ недѣлю — и внести въ народную кассу франка два, стоимости дешеваго обѣда,—то такіе взносы составили бы съ особы 114 фр. въ годъ, что, умноженное на 6000 персонъ, даетъ въ годъ 684,000 фр. Съ 1831 до 1863 года эта сумма, съ процентами и ежегодными взносами, образовала бы огромныя деньги, на которыя можно бы было купить флотъ и посадить на него 400,000 людей и т. д. Воспользуемся опытностью, мои братья, и станемъ поститься! сдѣлаемъ экономію для изгнанія русскихъ и повѣшенія негодяевъ реакціонеровъ! Уставъ содержитъ въ себѣ 68 статей, чрезвычайно занимательныхъ. Об-

щество имѣетъ предсѣдателя, который въ тоже время и кассиръ,—честь эта принадлежитъ Зачеку. Компанія имѣетъ совѣтъ, общее собраніе, совѣтъ обыкновенный и обыкновенныя собранія; предсѣдатель наблюдаетъ за всѣмъ. Члены общества могутъ поститься въ какой имъ угодно день, могутъ они также поститься и два, три или четыре дня въ недѣлю, а если вовсе не постятся, — могутъ получить на это право за одинъ франкъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязаны вносить обыкновенные вклады. Нѣтъ постановленій относительно бичеванія; если пожелаютъ этого—могутъ наслаждатьея этимъ упражненіемъ хоть до крови, только бы во всякомъ случаѣ боль не дошла до костей, иначе жизнь члена подверглась бы опасности, а смерть была бы чувствительною потерею для общества,—потерею, дескать, 114 фр. въ годъ! О! Лойола! Зачекъ сынъ твой: признай его!

До сихъ поръ общество считаетъ только 18 членовъ изъ аристократіи, между которыми я замѣтилъ фамиліи трехъ дамъ; эти дамы не слишкомъ постятся, потому что зачастую посѣщаютъ Mabille. Задача Зачека, однако же, была многотрудною; польскіе обыватели были очень щедры съ 1863 по 1864 г. Наши эмигранты такъ часто и такъ *знаменито* кутили во время повстанья, что они не спартанцы, но эпикурейцы; любятъ хорошія блюда и презираютъ экономическіе обѣды, точно также какъ брезгаютъ стаканомъ воды и проповѣдями кс. Еловицкаго. Если бы имъ пришлось поститься разъ въ недѣлю, то, полагаю, они въ гнѣвѣ проглотили бы Зачека со всѣми его воззваніями, уставами и высшимъ совѣтомъ!

Вообще наши эмигранты общества такой категоріи: они сходятся, зная одинъ другаго, живутъ вмѣстѣ, не любя одинъ другаго, и умираютъ не жалѣя себя взаимно; матеріальная ихъ нужда—слѣдствіе нравственной до того велика, что они воображаютъ, будто титулъ члена какого нибудь общества указываетъ на гражданскія добродѣтели и достоинства сердца, составляющія силы и жизнь единицъ и народовъ. Однимъ словомъ, это масонскія ложи — нищенства и лжи, члены которыхъ потомъ будутъ соединены, къ ихъ собственному несчастію, узами злодѣянія. Я бы желалъ отъ всей души, чтобы выходцы, читающіе Варшавскій Дневникъ, подумали о томъ, что я сказалъ здѣсь.

Парижъ, 20 іюля.

Ксендзы-эмигранты полагаютъ, что обязанность ихъ—раздувать ненависть, быть апостолами поджигательства, однимъ сло-

вомъ: постоянно работать во всю ивановскую надъ революціонной пропагандой, чтобы господа выходцы не позабылись летаргическимъ сномъ. Съ этою цѣлію они взялись за постройку общества эмиграціоннаго духовенства и раздѣлили Парижъ на 20 приходовъ, какъ будто взаправду Парижъ взятъ ими штурмомъ и подчиненъ вполнѣ законамъ завоеваннаго города. Еловецкій, присвоивающій себѣ титулъ начальника польской миссіи, протестовалъ и жаловался парижскому архіепископу на враждебный духъ ксендзовъ-эмигрантовъ, дѣйствующій противъ постановленій французской церкви; но отъ этого обвиненія новоприбывшіе ловко извернулись и сами обвинили его передъ парижскимъ архіепископомъ въ изнасильствованіи дѣвицы Нарбутъ. Монсиньоръ Дарбуа, не жалующій іезуитовъ, позволилъ эмиграціонному духовенству составить общество, управляться какъ оно знаетъ и жить какъ ему заблагоразсудится. Каноникъ Котковскій, ксендзы: Жулиньскій, Микошевскій, Бальчевскій и Таньскій образовали затѣмъ общество съ 16-ю товарищами, втерлись потомъ въ общество взаимнаго вспомоществованія и, учредивъ представительный комитетъ, заняли въ немъ званія начальниковъ или руководителей. И такъ, наша эмиграція теперь подъ духовнымъ правленіемъ, между тѣмъ какъ въ Польшѣ, въ продолженіи всего, печальной памяти, повстанья, бабы и мальчишки вертѣли всѣмъ. Разскажу вамъ теперь объ эмиграціонныхъ святошахъ, разыгрывающихъ роль угнетенной невинности. Они образовали представительный комитетъ только на могилѣ несчастнаго Яна Кужины. Кужину велѣно прибрать, для чего употребили жалкаго интриганта и первостатейнаго пустомелю Людвика Бжозовскаго, который не желаетъ раскаяться и на чужбинѣ въ постыдныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ имъ въ Польшѣ. Въ апрѣлѣ, Бжозовскій былъ у покойнаго Кужины на хлѣбахъ и подговорилъ его написать письмо, котораго послѣдствіемъ была дуэль, и, мало того, самъ его составлялъ; въ день отсылки письма на почту, Бжозовскій увѣдомилъ объ этомъ кс. Котковскаго и предложилъ ему свои услуги; кс. Котковскій далъ ему за то. что измѣнилъ тайнѣ, 100 франковъ. Щедрость изумительная! кс. Котковскій такой скряга, что одинъ эмигрантъ какъ-то говорилъ мнѣ: „когда ксендзъ Котковскій будетъ въ аду, то непремѣнно скажетъ чорту: къ чему ваша мрачность жжете столько дровъ для жаренія окаянныхъ? лишній расходъ! какъ будто и при маломъ огнѣ окаянные не будутъ кричать бла-

гимъ матомъ?“ Когда Кужина ѣхалъ на дуэль, съ нимъ не было денегъ, — Бжозовскій досталъ ему ихъ изъ кассы доблестнаго к. Котковскаго. Котковскій очень опасался, чтобы жертва его какъ нибудь отъ него не отдѣлалась, въ случаѣ если избавится отъ пули бывшаго учителя фехтованья, опытнаго стрѣлка, прусскаго ландвера — г-на Гутри. Несчастный Кужина не умѣлъ стрѣлять и страдалъ глазами.—Умойте обагренные кровью руки ваши кс. Котковскій и ты, Іуда, Бжозовскій, въ особенности, ты Іуда, первая причина смерти того, кто кормилъ тебя и подавалъ тебѣ руку.

Члены общества эмиграціоннаго духовенства занимаются продажею революціонныхъ брошюръ и тому подобныхъ удовольствій; печать брошюръ: крестъ съ кинжаломъ. Друзья ихъ немногочисленны, враги избѣгаютъ ихъ какъ заразы, у нихъ уже на готовѣ проскрипціонные списки и жандармы; сомнѣваюсь во всякомъ случаѣ, что этимъ послѣднимъ удастся заниматься за границею своимъ гнуснымъ ремесломъ; въ Польшѣ это также не возможно. Большое счастье, для тебя ксендзъ В. С., ты первый стоишь въ этомъ спискѣ. Предварительный комитетъ ксендзовъ пріучаетъ своихъ сбировъ клеветать на честныхъ людей. Общество духовенства поручило составить сообразный съ его видами политическій катехизисъ. Рукопись подъ ключомъ, подобно тому, какъ белладона или мышьякъ подъ ключомъ въ аптекѣ.

Хотите, чтобы я представилъ вамъ мнѣнія духовенства о преступленіяхъ, которыя они называютъ маловажными грѣшками? Вотъ они: 1) „*Подлога нѣтъ, если вмѣсто подписи на документъ ставится подобная ей.*“ (Это касается подложнаго диплома польскаго духовенства).

2) „*Ксендзъ-эмигрантъ можетъ снять рясу, когда идетъ въ кофейню или въ подобное мѣсто, съ условіемъ потомъ опять надѣть ее.*“ (Это дѣлается всѣми; ксендзъ Каролецъ (Микошевскій) человѣкъ набожнѣйшій, ежедневно бываетъ въ Прадо, на парижскомъ шпицъ-балѣ и, разумѣется, изъ уваженія къ своему сану, надѣваетъ свѣтское платье).

3) „*Господь Богъ запрещаетъ только безполезный подлогъ, но не запрещаетъ полезнаго.*“ (Комплиментъ подделкамъ Франковскаго).

4) „*Можно убивать тѣхъ, кто мѣшаетъ.*“ (Какъ 3000 жертвъ повстанья 1863 и 1864 г.)

5) *„Надо искать и замѣчать заблужденія непріязненныхъ намъ ксендзовъ и, отыскавъ ихъ, заявить о нихъ нашимъ вѣрнымъ друзьямъ, осторожно и съ соболѣзнованіемъ, что, молъ, они не исполняютъ своихъ обязанностей, какъ имъ это подобаетъ.“* (Отецъ Еловецкій испыталъ это на дѣлѣ).

6) *„Нужно часто проповѣдывать, что лучше всего употребить милостыню на прокормленіе и содержаніе членовъ польскаго духовенства.“* (Такъ въ особенности разсуждаетъ Микошевскій).

Ксендзъ Котковскій—предсѣдатель этого общества; онъ еженедѣльно получаетъ рапорты о дѣятельности его членовъ и эмигрантовъ, о настоящихъ и возможныхъ происшествіяхъ въ краѣ, о борьбѣ партій и средствахъ пользованія этими ссорами. Предсѣдатель не обязанъ выслушивать мнѣній совѣта, онъ—польскій папа, и потому непогрѣшимъ, назначая и увольняя по собственному произволу. Этотъ господинъ пригласилъ членовъ духовенства въ Польшѣ войти въ общество, при посредничествѣ ксендзовъ Х., З., изъ Познани и Т., У., В. изъ Галиціи, но сомнѣваюсь, чтобы польское духовенство согласилось вступить въ сношенія съ шайкою ксендзовъ, съ которыхъ слѣдовало бы снять знаки пастырства и отправить на каторгу.

Открытіе въ Вильнѣ православнаго Свято-Духовскаго братства.

Главенство папы, съ преобладаніемъ клерикальнаго вліянія на общественныя дѣла, произвело въ государствахъ латинскаго міра фанатизмъ и деспотизмъ съ одной стороны, рабство, протестъ и революцію съ другой. Въ Византіи, поглощеніе гражданскою властію авторитета духовнаго и подчиненіе совѣсти народа писанному гражданскому закону—подготовило паденіе имперіи. Въ мірѣ славянскомъ истекающее изъ соборнаго начала общинное единство спасаетъ обѣ стороны отъ взаимнаго поглощенія; но за то перерывъ соборнаго единенія производитъ здѣсь особое явленіе, мертвенность частей и безнаказанное вторженіе въ жизнь народа чуждыхъ силъ.

Рѣзкія послѣдствія разъобщенія міра съ клиромъ представляетъ намъ послѣ-петровскій періодъ отечественной исторіи, когда почва наша, не подготовленная къ переработкѣ европейскихъ началъ, выросшихъ въ европѣ естественно, послѣдовательно, безъ потрясеній подъ вліяніемъ мѣстныхъ нравовъ и мѣстныхъ условій, выразила безмолвный протестъ свой отторженіемъ отъ церковнаго тѣла толпы староверовъ. Въ это время, предъ уничтоженіемъ всероссійскаго патріаршества, вовсе не похожаго, при господствѣ у насъ соборнаго единства, ни на главенство папы, ни на современную автокефалію вселенскаго патріарха, іезуиты успѣли въ два пріема вторгнуться въ отечество наше подъ видомъ европейскихъ цивилизаторовъ,— и дважды пришлось ихъ выгонять. Чрезъ сто почти лѣтъ, третье вторженіе латиинянъ въ Россію, подъ видомъ эмигрантовъ, потребовало въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія третьяго изгнанія іезуитовъ. Но не могли безслѣдно пройти по русской православной почвѣ эти гасильники соборнаго единства, во имя единовластія папскаго. Цвѣтъ нашего общества былъ частію сорванъ, частію потоптанъ ими. Образовавшіеся со временъ Петра *классы* народа разошлись, отвыкнувъ понимать другъ друга. И тогда-то, въ началѣ нынѣшняго вѣка, народъ въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи подвергся всѣмъ ужасамъ систематической полонизаціи.

Но если Виленскому учебному округу, подъ вліяніемъ системы Чарторыйскаго, при быломъ равнодушіи свѣтской власти къ интересамъ православія на Руси, пришлось въ теченіе первой половины текущаго столѣтія, съ помощію римскаго въ краѣ духовенства, создать громадный памятникъ латинской силѣ, то съ наступленіемъ втораго пятидесятилѣтія, съ возсіяніемъ зари новаго царствованія, когда къ дружному содѣйствованію призваны и духовныя и гражданскія силы общества; когда въ самомъ обществѣ развилась мысль о необходимости общенія міра съ кли-

ромъ, съ тѣмъ, чтобы первый, озабоченный удовлетвореніемъ житейскихъ потребностей, освѣжался единеніемъ съ духовною своею половиной, а второй, въ общеніи съ міромъ, подѣлился бы съ нимъ запасомъ накопившихся въ немъ духовныхъ силъ;—тотъ же Виленскій учебный округъ является дѣятельнымъ проводникомъ новаго взгляда: А. П. Ширинскій-Шихматовъ вступаетъ въ союзъ съ мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ, и плодомъ союза являются: учрежденныя въ теченіе почти одного года 140 народныхъ училищъ, и мысли—учрежденія учительской семанаріи и образованія православнаго западно-русскаго братства.

Преемникъ князя Шихматова, И. П. Корниловъ, наслѣдуя завѣтъ своего предшественника, укрѣпляетъ, при помощи своихъ сотрудниковъ, народныя училища, осуществляетъ мысль учительской семинаріи, и пользуясь сочувствіемъ и содѣйствіемъ мѣстнаго духовенства, дополняетъ мысль князя Шихматова, приступая къ возстановленію православнаго Виленскаго братства на законной его почвѣ, на почвѣ Свято-Духовскаго монастыря.

Братство открыто въ пятницу, 6-го августа, въ день Преображенія Господня. Разсказъ объ его открытіи даетъ понятіе о значеніи его и о томъ, чего, въ смиренной вѣрѣ, въ твердой надеждѣ на помощь Божію, отъ него ожидать можно, если оно не отступитъ отъ Евангельской любви, служившей основою учреждавшимся доселѣ въ нашемъ отечествѣ православнымъ братствамъ.

Въ февралѣ сего года, И. П. Корниловъ, по предварительномъ сношеніи съ преосвященнымъ викаріемъ литовской митрополіи, епископомъ ковенскимъ Александромъ, оо. архимандритами Іосифомъ, Іоанномъ и Модестомъ, а также съ проживающими въ Вильнѣ православными дѣятелями на военномъ и гражданскомъ поприщахъ, собралъ у себя ревнителей добраго дѣла и на общемъ

совѣтѣ выработался уставъ, основныя статьи коего слѣдующія:

1) Основанное въ 1609 году въ г. Вильнѣ при Свято-Духовскомъ монастырѣ, православное братство нынѣ возстановляется при томъ же монастырѣ, подъ наименованіемъ: *Православное Виленское Свято-Духовское братство.*

Примѣчаніе. Предполагавшееся къ учрежденію въ г. Вильнѣ: „Западно-русское братство,“ въ пользу котораго собранныя денежныя суммы хранятся частію въ редакціи газеты „День“ и частію въ управленіи Виленскаго учебнаго округа, входитъ въ составъ возстановляемаго нынѣ „Свято-Духовскаго братства.“ Учредители прежняго братства входятъ въ число братчиковъ учредителей настоящаго братства, если того пожелаютъ.

2) Братство имѣетъ цѣлію: служеніе нуждамъ и пользамъ православной Церкви въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи и содѣйствіе къ распространенію духовнаго просвѣщенія въ народѣ.

3) Согласно изложенной въ предъидущей статьѣ цѣли, братство, по мѣрѣ имѣющихся средствъ, заботится:

а) о созиданіи, поддержаніи и украшеніи православныхъ храмовъ.

б) о судьбѣ лицъ, принимающихъ православіе, оказывая имъ возможное покровительство и пособіе.

в) о покровительствѣ и пособіи тѣмъ лицамъ, кои своею дѣятельностію оказали услуги православно-русскому дѣлу въ краѣ.

г) о матеріальномъ пособіи православнымъ церковнымъ и народнымъ училищамъ, нуждающимся въ средствахъ къ содержанію, и о снабженіи ихъ учебниками и книгами на славянскомъ и русскомъ языкахъ и другими принадлежностями.

д) объ устройствѣ при означенныхъ училищахъ би-

бліотекъ, составленныхъ изъ книгъ, наиболѣе пригодныхъ и полезныхъ народу, какъ въ видахъ общаго просвѣщенія, такъ и для огражденія его отъ вліянія польской пропаганды, и

е) объ изданіи сочиненій, направленныхъ къ обличенію нареканій, клеветъ, происковъ и всевозможныхъ посягательствъ на чистоту и цѣлость православія.

4) Членами братства могутъ быть только лица совершеннолѣтнія обоего пола, всѣхъ сословій и изо всѣхъ мѣстностей Россіи, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы они были православнаго исповѣданія.

За тѣмъ слѣдуютъ статьи, опредѣляющія внутреннее устройство братства, съ которымъ познакомиться можетъ всякій, изъявляющій желаніе сдѣлаться его членомъ, обращаясь въ Вильну и сообщая свое имя и мѣстожительство.

Еще 20 іюля сего года на учрежденіе братства г. генералъ-губернаторъ изъявилъ согласіе; 3-го августа послѣдовало оффиціальное его разрѣшеніе, а 4-го августа высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ Литовскій и Виленскій, сдѣлалъ на уставѣ собственноручную надпись: *„Утверждаю, и да благословитъ Господь начинанія братства.“*

6-го августа собралось въ храмѣ Свято-Духова монастыря значительное число православнаго виленскаго населенія. Обширная церковь была полна; не прибыли только тѣ, которые не успѣли узнать о предстоящемъ открытіи братства. Послѣ Божественной литургіи, совершенной соборнѣ преосвященнымъ Александромъ, послѣ освященія по всенародному обычаю плодовъ, и послѣ отпуста, преосвященный сказалъ съ амвона бесѣду о значеніи братства. Онъ напомнилъ историческій фактъ учрежденія во всей западной Россіи братствъ въ 16 вѣкѣ, когда того требовали дерзкія посягательства латино-поляковъ на священное достояніе всероссійскаго православнаго един-

ства, привелъ текстъ граматы вселенскаго патріарха Іереміи, утвердившаго въ 1588 году Виленское Свято-Троицкое братство, въ уставѣ (чинѣ) котораго онъ нашелъ „все написаннымъ къ соединенію любви духовной и къ совершенному христіанскому благочестію." Указалъ, что врагъ и нынѣ не дремлетъ, и убѣждалъ ревнителей „совершеннаго христіанскаго благочестія" стоять бодро на стражѣ, ободряя на трудъ невидимымъ содѣйствіемъ покоящихся въ храмѣ нетлѣнными мощами св. виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія. (*)

Воззванію стоять на стражѣ не можетъ не отозваться сердце каждаго, горячо любящаго свое отечество, при видѣ большинства полякующихъ нашихъ соплеменниковъ, потомковъ тѣхъ доблестныхъ защитниковъ православной Руси, которыхъ въ болѣе или менѣе давнее время

. . . . . сманили и сгубили
Польши буйные пиры.

Развѣ мы не замѣчаемъ, какъ эти соплеменники, близкіе намъ по нарѣчію, обычаю, по преданію, ими неотвергаемому, чуждаются всякаго раздѣленія съ нами общественной жизни, даже общественныхъ удовольствій; какъ они судорожно и лихорадочно стремятся въ свои костелы, гдѣ органами и воплями заглушаютъ въ себѣ голосъ государственной русской совѣсти. Славяне всегда любили свое богослуженіе; но здѣсь, когда рядомъ съ славянскою рѣчью поется чуждая славянству латинская молитва,— не вѣримъ мы въ искренность благочестія: видя какъ костелы преисполнены памятниковъ историческаго объединенія края съ Польшею, зная, какъ вся костельная символика преисполнена гражданскихъ историческихъ

*) Мы очень жалѣемъ, что не можемъ передать вполнѣ много-знаменательную бесѣду преосвященнаго Александра, какъ счастливую импровизацію. Тоже нужно сказать и о краткой рѣчи, предпосланной о. архимандритомъ Іосифомъ чтенію граматы патріарха Іереміи. *Ред.*

напоминаній, мы невольно взираемъ на эту лихорадочную дѣятельность, какъ на плодъ воззванія, помѣщеннаго въ Виленскомъ Вѣстникѣ, „что только молитвою можно сдѣлать Польшу независимою“ (*).

За тѣмъ послѣдовалъ соборный молебенъ съ призываніемъ на православное дѣло благодати Св. Духа и помощи св. Виленскихъ мучениковъ.

Изъ церкви желавшіе записаться въ братство отправились въ домъ г. генералъ-губернатора, въ которомъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ предоставилъ большую залу для торжества открытія братства.

Торжество было самое смиренное...... Здѣсь впервые собрались 217 человѣкъ однихъ православныхъ дѣятелей для общественнаго предпріятія. Различіе сословій совершенное (?); духовенство, сановники, служащіе всѣхъ чиновъ и степеней, домовладѣлецъ и помѣщикъ, совершеннолѣтніе ученики, русскія женщины—отъ супруги генерала до жены солдата и... ни одного мѣщанина. Отсутствіе особенно знаменательное, когда вспомнимъ, что виленское мѣщанство составляло ядро и силу православныхъ братствъ 16, 17 и 18 вѣковъ,—ядро и силу, какъ мѣстное, осѣдлое и трудящееся населеніе. Изъ его среды вышли тѣ подвижники православія, тѣ мужественные братчики, которыхъ не страшили муки королевскія, истязанія іезуитскія, соблазны уніатскіе, сеймы шляхетскіе и отступничество собратій.—Представитель этой силы, бургомистръ Брага, съ 1558 года почіетъ вѣчнымъ сномъ подъ сводами Свято-Троицкаго монастыря, и русская надпись надъ его могилою, вдѣланная въ южную стѣну храма, свидѣтельствуетъ о народности виленскаго мѣщанства. Подъ сѣнію стариннаго магдебургскаго права, дарованнаго отступникомъ Ягайлою городу Вильнѣ, сохранившагося для мѣщанъ въ цеховомъ

*) Виленскій Вѣстникъ № 91 1865 г., выписка изъ Варшавскаго Дневника, о политико-религіозной сектѣ Товіянскаго.

устройствѣ и по русскому законодательству, олатиненные приманкою городскихъ вольностей, живутъ теперь мѣщане невѣдомою нашему обществу жизнію, появляясь на латинскихъ процессіяхъ съ своими значками, изъ коихъ нѣкоторые, какъ говоритъ отчетъ объ открытіи Виленскаго музеума древностей 1856 г., *составляютъ археологическую рѣдкость*; располагаются во время торжественныхъ костельныхъ службъ, для того, чтобы придать пѣнію характеръ всенароднаго во всѣхъ углахъ зданія, вопя унисономъ мотивъ польскихъ кантычекъ; составляютъ, какъ то было въ недавнее время, тѣло quasi-народныхъ демонстрацій.

Въ залѣ, предъ братскою иконою Виленскихъ мучениковъ и предъ иконою Архистратига Михаила собрались братья Свято-Духовскаго братства съ городскимъ духовенствомъ; и вотъ огласилъ стѣны зала дружный хоръ церковной пѣсни: „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой глаголемъ: благословенъ грядый во имя Господне: осанна въ вышнихъ!"

Когда пѣніе смолкло, настоятель Троицкаго монастыря и ректоръ православной семинаріи, архимандритъ Іосифъ, развернулъ трехсотлѣтнюю хартію, грамату на пергаминѣ, данную святѣйшимъ патріархомъ Іеремією Свято-Троицкому братству, и прочелъ ее, предпославъ чтенію нѣсколько словъ о значеніи этой граматы по отношенію къ возстановляемому въ Вильнѣ братству; о значеніи ея, какъ замогильнаго, но живаго благословенія вселенскаго іерарха людямъ, предпринимающимъ благотворную Евангельскую дѣятельность, и какъ наставленіе подвизаться „въ соединеніи любви духовной и въ совершенномъ христіанскомъ благочестіи."

За тѣмъ прочтенъ былъ уставъ братства, и Константинъ Петровичъ, выразивъ, что считаетъ себя счастливымъ находиться при осуществленіи мысли, дорогой его предше-

ственнику, но которой онъ не успѣлъ привести въ исполненіе, напомнилъ слова преосвященнаго, сказанныя въ храмѣ, слова граматы, слова о. архимандрита, и заключилъ такъ: „Дѣяніями любви и правды должны мы, какъ учитъ православная Церковь, отвѣчать на козни, интриги и лицемѣріе, выработанныя въ теченіи цѣлыхъ столѣтій недругами нашими. Единство, единомысліе, единодѣйствіе дадутъ силу для противодѣйствія имъ, и тогда, только тогда осуществятся слова высокопреосвященнаго Іосифа, которыми онъ призываетъ на начинаніе братства благословеніе Господа."

Въ полчаса времени семь листовъ покрылись двумя стами семнадцатью подписями; въ полчаса собрано было тысяча шестьсотъ восемьдесятъ семь рублей (да прежде собрано около двухъ тысячъ).

По просьбѣ И. П. Корнилова, послана была въ Кіевъ депеша къ виновнику мысли о Виленскомъ братствѣ, князю А. П. Ширинскому-Шихматову.

Въ теченіи дня Иваномъ Петровичемъ получены были слѣдующія телеграммы:

„Шавельская гимназія привѣтствуетъ ваше превосходительство съ возстановленіемъ Святодуховскаго братства: да объединится чрезъ него исконный край русскій. Фурсовъ."

„Совѣтъ Тельшевской прогимназіи радостно привѣтствуетъ благое дѣло возстановленія Святодуховскаго братства и почтительно привѣтствуетъ братчика-учредителя Ивана Петровича. Да ознаменуется день Преображенія Господня новымъ подвигомъ для преобразованія и возрожденія дрерлерусскаго края. Инспекторъ Лялинъ."

Ниже сего мы печатаемъ имена братій вновь учрежденнаго братства; заранѣе извиняемся въ невѣрной передачѣ нѣкоторыхъ именъ, неразборчиво написанныхъ, и въ заключеніе привѣтствуемъ г. Вильну съ пріобрѣтеніемъ общественнаго центра, котораго доселѣ намъ именно не до-

ставало и который такъ счастливо для обще-русскаго дѣла нашего нашелся не въ легкомысленномъ собраніи для празднаго увеселенія, а въ серіозномъ и мужественномъ и христіанскомъ—занятіи—заботиться объ участи нуждающихся въ нравственной и вещественной поддержкѣ. Если кто изъ братій поколеблется еще отдать всю душу чудному занятію, пусть взглянетъ на громадныя зданія—пантеоны вымершаго въ краѣ польскаго величія, буйно ликовавшаго надъ трупомъ олатиненнаго имъ быдла; пусть прислушается къ отчаяннымъ воплямъ, раздающимся изъ нихъ порою: то безсознательный вопль раскаянія, смущаемаго неразсѣявшимся еще маревомъ воображаемой отчизны. Пусть вспомнитъ, что здѣсь мы съ русскимъ народомъ у себя дома, въ своей отчизнѣ, которая томится, бѣдная, ожидая совершеннаго преображенія; намъ предстоитъ работа на родной почвѣ, которая ждетъ дѣятелей. Ей, братья, дружно, съ легкой памяти Преображенія Господня, преобразуемъ самихъ себя, и съ помощію Божіею, станемъ единомысленно на тяжкій трудъ духовнаго преобразованія родной страны!

Одинъ изъ Братчиковъ.

СПИСОКЪ ЛИЦЪ,

вступившихъ въ православное Виленское Свято-Духовское братство 6 августа 1865 года.

Александръ, епископъ Ковенскій; Андрущенко Александръ; Аренсъ Иванъ; Астаповъ Николай.

Богомоловъ Василій; Банинъ Константинъ; Борзаковскій Іоаннъ, протоіерей; Боровскій Семенъ; Бертгольдтъ Анастасья; Бѣлынковъ Александръ; Буличъ; Будзилловичъ Александръ; Безкоровайный Акимъ; Божеряновъ Александръ; Бѣлинскій Павелъ; Бушенъ Алексѣй; Бѣляевъ Николай; Бахмацкій Даніилъ; Бобровскій; Бобровскій Михаилъ; Безсоновъ Петръ.

Вяткинъ Александръ; Вяткина Елисавета; Васильевъ Павелъ; Викторовскій Иванъ; Владычанскій Николай; Васильевъ; Виноградовъ Владиміръ; Васильевъ, Академикъ.

Григорьевъ Василій; Григорьевъ Николай; Грязновъ Василій; Гусевъ Матвѣй; Говорскій Ксенофонтъ; Гусева Екатерина; Галицкій Михаилъ; Гладкій Платонъ; Гладкій Алексѣй; Гусевъ Александръ; Гартонгъ Марья; Гомолицкій Викторъ, протоіерей; Галковскій Михаилъ; Гавриловъ Иванъ; Германъ Семенъ; Гиринъ Юрій.

Дружининъ Павелъ; Дружинина Евгенья; Давидовъ 1-й Владиміръ; Дрентельнъ Марія; Дашкевичъ Фролъ; Дрeнякинъ Александръ; Дейша Александръ; Дробовскій Парфеній; Давыдовъ 2-й Владиміръ; Дроздовъ Н.; Дароновъ Аггей; Добровольскій Иванъ.

Евсевскій Иванъ; Евдокимовъ Александръ; Ежевъ.

Жирицкій; Жеребцовъ Григорій.

Зыбинъ Владиміръ; Зубковъ Николай; З. Я. Л.; Зенинъ Владиміръ.

Иваницкій Петръ; Игнатіусъ Александръ; Изюмовъ Михаилъ; Ивановъ Димитрій.

Іосифъ, архимандритъ; Іоаннъ, архимандритъ; Іолшинъ Павелъ.

Фонъ-Кауфманъ Константинъ; Казимірскій Александръ; Кулина Юлія; Колодѣева Наталія; Колодѣевъ Хрисанфъ Корниловъ Иванъ; Куценъ Владиміръ; Клеменко Михаилъ; Кастальскій Николай; Кургановичъ Андрей, священникъ; Крохинъ Семенъ; Красковскій Ипполитъ; Казанскій Константинъ; Краснопольскій; Кандауровъ; Константиновскій; Кириловъ; Кривобоковъ; Колесниченко; Корольковъ Николай; Комаровъ Виссаріонъ; Кудрявцевъ Михаилъ; Карповичъ Александръ; Кукольникъ Павелъ; Кулинъ Василій; Костылевъ Михаилъ; Кисель Загорянскій Карпъ.

Левицкій Григорій; Левшинъ Владиміръ; Левшинъ Алексѣй; Левшина Елисавета; Львовъ Николай; Левицкій Петръ, священникъ; Лебедевъ Александръ; Ляшевскій Ѳе-

доръ; Лабунскій Антонъ; Леонтовичъ; Лукинъ Гавріилъ; Ливанскій Александръ; Фонъ-деръ-Лаунихъ Ольга; Любушина Юлія; Лосевъ Александръ; Лосева Людмила.

Мясоѣдовъ Петръ; Меньшиковъ Николай; Малаховъ Николай; Мясоѣдовъ Николай; Масловъ Степанъ; Максимовичъ Константинъ; Митровскій; Меликовъ; Меликова; Макаровъ Николай; Мироновичъ I.; Мухинъ Александръ; Муромцевъ Аркадій; Малыгинъ; Мазыкинъ Иванъ; Михайлова Степанида; Модестъ, архимандритъ; Малишевскій.

Нѣмчиновъ Александръ; Неумоина Марія; Никотинъ Николай; Новиковъ Николай; Н. Н.; Неизвѣстный; Насакинъ Антонъ; Неѣловъ Павелъ; Новоселовъ Михаилъ; Назаренко Ѳеодосій; Никотинъ Иванъ; Николаевъ Михаилъ; Назарова Ефросинія; Новиковъ Иванъ.

Озеровъ Алексѣй; Олешкевичъ; Опоцкій Алексѣй; Осотовъ Яковъ; Ознобишинъ Александръ.

Плаксина Марія; Полозовъ Андрей; Парчевскій Александръ; Пб.... Иванъ; Петкевичъ Антоній, священникъ; Пріѣзжевъ Сергѣй; Поповъ Власій; Павловъ Петръ; Пронченковъ Павелъ; Пщолко Антоній, священникъ; Пермскій Иванъ; Плашковъ Александръ; Павловъ Василій; Павлова Надежда; Покровскій Иванъ; Палтовъ Димитрій; Песковскій М.; Пахоревъ Константинъ.

Рачинскій Александръ; Рахмановъ Андрей; Румянцевъ Андрей; Рахмановъ Иванъ; Роуба Викентій; Ратчъ Василій; Ратчъ Настасія; Розенъ Платонъ; Росляковъ Левъ.

Самаринъ Владиміръ; Садоковъ Алексѣй; Степановъ Иванъ; Солнцевъ Александръ; Степановъ Владиміръ; Саранчовъ Михаилъ; Саранчовъ Василій; Соловкинъ Павелъ; Соколовъ Николай; Степановъ Иванъ; Селедковъ Константинъ.

Тумановъ Александръ; Таманскій Петръ; Табакановъ Андрей; Трекубовъ; Тихменевъ Валеріанъ; Тизенгаузенъ Дарія, баронеса.

Успенскій.

Фоминъ Димитрій.

Хрущевъ Александръ; Хитрово Николай; Хованскій Николай князь.

Чагинъ Николай; Чаплинъ Димитрій.

Шульгинъ Иванъ; Шаповаловъ Сергѣй; Шпееръ Владиміръ; Шпееръ Наталія; Шеталовъ; Шестаковъ Иванъ; Штольдеръ Николай; Шелеховъ Сергѣй; Шванковская Юлія.

Щегловъ Александръ.

Эремичъ Иванъ.

Юрченко Василій.

Яржембскій Аѳанасій; Яковлевъ Михаилъ; Янучковъ Евстафій; Ягодинъ Николай.

Свѣдѣнія о пожарахъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

Опытъ 1863 года послужилъ для Россіи урокомъ поучительнымъ: она фактически убѣдилась въ томъ, что скрытіемъ враждебныхъ противъ нея дѣйствій мы всего болѣе способствуемъ развитію польской интриги, и что, напротивъ того, обнаруженіемъ истины мы лишаемъ польскую интеллигенцію ея силы и тѣмъ отнимаемъ у нея возможность безнаказанно наносить намъ вредъ. Для успѣха русскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ, разоблаченіе истины составляетъ самое существенное условіе; оттого-то и встрѣчаетъ оно такое сильное противодѣйствіе со стороны внутреннихъ враговъ Россіи.

Успокоивать себя нынѣ сладкими мечтами объ окончательномъ истребленіи въ здѣшнемъ краѣ польской революціонной партіи значило бы добровольно помогать ей дѣйствовать въ ущербъ существенныхъ интересовъ Россіи; это значило бы то же, что послѣ успѣшнаго боя не преслѣдовать разстроеннаго непріятеля, а бездѣйствіемъ своимъ доставить ему время и средства для дальнѣйшаго продолже-

нія враждебныхъ дѣйствій. Благодаря Бога, при настоящемъ положеніи русско-польскаго вопроса, наше преслѣдованіе должно заключаться въ томъ, чтобы неутомимо разоблачать истину.

Много тайныхъ средствъ употребляетъ нынѣ польская интеллигенція для того, чтобы снова собраться съ силами для противодѣйствія окончательному укорененію здѣсь русскаго элемента. Не мѣсто здѣсь перечислять средства эти, основанныя главнѣйше на клеветѣ и интригѣ; займемся пока изслѣдованіемъ одного изъ нихъ, рѣзко отличающагося отъ прочихъ своею гнусностью. Мы говоримъ о поджогахъ.

Положительныя данныя подтверждаютъ, что поджоги входятъ въ систему дѣйствій нынѣшней польской революціонной партіи, подобно тому, какъ они входили въ программу дѣйствій остатковъ революціонной партіи послѣ 1831 года*). Обходить этотъ вопросъ молчаніемъ въ то время, когда пылаютъ одни за другими наши города и села въ обѣихъ полосахъ Имперіи, когда мы имѣемъ въ рукахъ положительныя данныя къ уликѣ злодѣевъ, когда наконецъ заграничная пресса говоритъ о поджогахъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, и даже, со словъ враговъ нашихъ, клевещетъ на наше правительство и войска, молчать при такихъ обстоятельствахъ значило бы помогать враждебной намъ партіи дѣйствовать противъ нашихъ собственныхъ интересовъ и тѣмъ доставлять ей возможность достигать своей цѣли. Не разъ, даже печатно, высказывалось мнѣніе, что гласное и серіозное обсужденіе вопроса о пожарахъ должно привести къ прекращенію ихъ, точно также, какъ гласное обсужденіе, въ 1863 году, польскаго вопроса всего болѣе способствовало прекращенію вооруженнаго мятежа.

*) Въ началѣ тридцатыхъ годовъ существовало такъ называемое *огневое общество*, назначеніемъ котораго было истреблять имѣнія поляковъ, не принимавшихъ участія въ возстаніи въ Галиціи и на Волыни.

Конечно, это прійдется не по вкусу поджигателямъ и большинству доброжелателей ихъ; но въ виду того дѣйствительно страшнаго положенія, въ какомъ мы теперь находимся, позволительно, кажется, отложить хоть навремя церемонное съ ними обращеніе и думать не объ нихъ, а исключительно объ интересахъ своего отечества.

Общественное мнѣніе въ Россіи издавна указываетъ на польскую революціонную партію, какъ на главнѣйшую виновницу поджоговъ. Обвинить всю эту партію поголовно было бы несправедливо; мы имѣемъ, напротивъ того, данныя, удостовѣряющія, что между членами этой партіи встрѣчаются и такія лица, которыя открыто отказываются отъ солидарности съ поджигателями [1]), и что поджоги входятъ въ систему дѣйствій преимущественно партіи, которая хозяйничала въ Польшѣ въ теченіе 1863 года, которая придумала жандармовъ-вѣшателей и революціонный терроръ, освящала кражу и клятвопреступленіе и которая вселила къ себѣ отвращеніе даже въ полякахъ, столь намъ недоброжелательныхъ. Солидарность этой партіи съ партіей поджигателей, дѣйствительно, отвергать невозможно. Къ этой же гнусной партіи слѣдуетъ причислить и извѣстную горсть нашихъ заграничныхъ ренегатовъ, которые, будучи окончательно опозоренными въ общественномъ мнѣніи Россіи, добиваются нынѣ во что бы ни стало возстановить свою незавидную извѣстность, хотя бы то геростратовскими средствами.

Не будемъ говорить о пожарахъ прежняго, недавняго, впрочемъ, времени: какъ ни тяжко отозвались они на благосостояніи Россіи, они стали нынѣ достояніемъ исторіи, которой предстоитъ задача опредѣлить ихъ истинный смыслъ; не будемъ говорить даже и о пожарахъ внѣ здѣшняго края, о которыхъ мы знаемъ только по слухамъ, хотя и могли бы заявить, напр. такіе факты, что въ настоящее время находится подъ военнымъ судомъ, за поджогъ

1) Мы думаемъ, что это еще—не доказательство невинности. Ред.

Ново-ларинской слободы, Нижегородской губерніи, высланный туда, по конфирмаціи графа Михаила Николаевича Муравьева, подъ надзоръ полиціи, бывшій ученикъ свенцянской гимназіи Лудвикъ Бѣликовичъ, — займемся пока пожарами исключительно здѣшняго края.

Пожары, бывшіе въ теченіе нынѣшняго года въ здѣшнемъ краѣ, представляютъ собой ту особенность, что они по большей части производились въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ русскій элементъ или преобладалъ надъ польскимъ, или же гдѣ онъ силенъ. Есть ли это случайныя явленія или нѣтъ, мы не беремся отвѣчать утвердительно. Что касается до населенія еврейскаго, то и оно значительно пострадало отъ пожаровъ, хотя при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что оно густо наполняетъ здѣшніе города и мѣстечки, а потому ни одинъ пожаръ не могъ обойдтись безъ вреда для евреевъ. Нѣсколько случаевъ заставляютъ думать, что корыстолюбивые разсчеты евреевъ бывали иногда побудительной причиной поджоговъ. Бывали наконецъ и пожары случайные; но какъ къ случайнымъ пріучены относить всѣ тѣ пожары, причина которыхъ не открыта слѣдствіемъ, то враги гласности въ вопросѣ о пожарахъ съ особенною заботливостью стараются выставить ихъ на видъ общественнаго мнѣнія, какъ опроверженіе предположеній о поджогахъ, выводя изъ отдѣльныхъ случаевъ общее заключеніе.

Излишне было бы говорить, что со стороны мѣстныхъ властей принимаются всѣ возможныя мѣры, какъ къ предупрежденію пожаровъ, такъ и къ открытію ихъ причинъ. Но предупредительныя мѣры дѣлаются затруднительными при легкости произвесть умышленный поджогъ и при трудности услѣдить за тайными дѣйствіями неизвѣстныхъ злоумышленниковъ. Что же касается до мѣръ къ открытію причинъ, произведшихъ пожары, то онѣ, по самому свойству дѣла, представляютъ столько затрудненій для отысканія юридическихъ доказательствъ виновности, что изслѣдованіе

ихъ ведется медленно и не всегда успѣшно, если какой нибудь случай не поможетъ слѣдователю.

Мы не станемъ исчислять мѣръ перваго рода, принадлежащихъ къ сферѣ дѣйствій полиціи и потому слишкомъ извѣстныхъ; ограничимся пока заявленіемъ законнаго желанія, чтобы городскія общества наши озаботились приведеніемъ въ лучшее противъ нынѣшняго устройство пожарныхъ частей и чтобъ еврейское населеніе болѣе содѣйствовало властямъ при тушеніи пожаровъ и при отысканіи злоумышленниковъ. Для дѣла гораздо важнѣе мѣры къ отысканію причинъ пожаровъ и потому мы изложимъ, для характеристики ихъ, результаты розысканій въ одномъ изъ уѣздовъ здѣшняго края, напримѣръ, въ Вилейскомъ.

Около половины мая сего года, въ м. Лебедевѣ и окрестностяхъ его, разнеслась молва, что мѣстечки Лебедево и Городокъ будутъ подожжены и сгорятъ до тла. На слухъ этотъ жители не обращали сначала особаго вниманія; но когда въ Городкѣ дѣйствительно вспыхнулъ пожаръ, истребившій все мѣстечко, то жители Лебедева сильно встревожились и ожидали у себя пожара со дня на день. Въ страхѣ, крестьяне и евреи повыносили свое имущество на огороды и поля, гдѣ большею частію и сами ночевали.

25-го мая, часовъ въ 5 по полудни, изъ-подъ крыши одного еврейскаго дома м. Лебедева замѣченъ былъ дымъ, который сталъ постепенно увеличиваться. Толпа народа бросилась къ дому и успѣла остановить распространеніе огня, причемъ изъ-подъ соломенной крыши вынутъ былъ большой свертокъ разнаго тлѣвшаго тряпья, между которымъ находилась вата.

Подозрѣніе жителей обратилось на владѣтеля фольварка въ Ошмянскомъ уѣздѣ Витольда Александрова *Ходзько*, который передъ самымъ началомъ пожара останавливался у знакомой ему женщины въ избѣ, стоящей рядомъ съ загорѣвшимся домомъ, а съ началомъ пожара быстро выѣхалъ

изъ Лебедева не по дорогѣ, а черезъ выгоны и поля, гдѣ вовсе пути не было. Нѣсколько человѣкъ крестьянъ, два казака и жандармъ уѣздной команды бросились на лошадяхъ въ погоню за нимъ и успѣли задержать его вмѣстѣ съ бывшей съ нимъ въ телѣжкѣ владѣтельницей фольварка *Логиновичъ* и обоихъ представили начальству.

Ходзько — небогатый владѣлецъ фольварка въ Ошмянскомъ уѣздѣ, человѣкъ завѣдомо постоянно нуждавшійся въ денежныхъ средствахъ, былъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ періодъ демонстрацій однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ своего уѣзда, а во время мятежа принималъ въ возстаніи дѣятельное участіе. Онъ состоитъ за то подъ надзоромъ полиціи. Женатый, онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Логиновичевой, которой фольварокъ отстоитъ въ 5-ти верстахъ отъ фольварка Ходзько.

При допросахъ, онъ сталъ отказываться не только отъ всякаго участія въ поджогѣ, но упорно отвергалъ даже и то, что онъ останавливался въ Лебедевѣ у знакомой женщины. Здѣшніе слѣдователи привыкли уже къ высшей степени наглымъ и безсовѣстнымъ отвѣтамъ подсудимыхъ пановъ и поэтому значеніе подобныхъ показаній здѣсь понятно. Улики, самаго неопровержимаго характера, явились противъ Ходзько въ такомъ огромномъ количествѣ, что для убѣжденія въ виновности его нѣтъ нынѣ даже необходимости въ его собственномъ сознаніи.

Мы приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ уликъ, для большаго уясненія обстоятельствъ дѣла. Логиновичъ, при первомъ допросѣ, такъ заботливо хлопотала объ устраненіи Ходзько отъ отвѣтственности, что съ самоотверженіемъ объявила слѣдователямъ, будто поджогъ сдѣланъ крестьяниномъ по ея наущенію. Но въ виду неопровержимыхъ уликъ, она скоро убѣдилась въ безполезности такого самообвиненія; при второмъ и при всѣхъ послѣдующихъ допросахъ, она показываетъ совсѣмъ другое и съ полной откровенностью обвиняетъ Ходзько въ поджигательствѣ. Вотъ как

объясняетъ она подробности дѣла, вполнѣ согласныя съ показаніями всѣхъ свидѣтелей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели были.

Еще за нѣсколько времени до поджога, Ходзько, бесѣдуя съ нею, сказалъ, что „имѣетъ порученіе дѣлать поджоги,“ причемъ показалъ ей напечатанный по-польски на четвертушкѣ бумаги документъ, гдѣ „во имя Бога“ требовалось, чтобъ тотъ, кто чувствуетъ любовь къ своей отчизнѣ, исполнилъ все, что ему будетъ приказано. На вопросъ Логиновичъ, неужели онъ рѣшится дѣлать поджоги—Ходзько отвѣчалъ: „когда поручено, то обязанъ сдѣлать и сдѣлаю при первомъ случаѣ.“ Къ этому прибавилъ: „наши братья не спятъ.“ Логиновичъ при этомъ спросила его, отъ кого получилъ онъ такое порученіе; Ходзько отвѣтилъ: женщинѣ знать этого не слѣдуетъ; послѣ, можетъ быть, узнаешь, а теперь для женщины довольно. Въ день пожара, Логиновичъ ѣхала съ Ходзько, въ его бричкѣ, въ Лебедево, по хозяйственнымъ надобностямъ. Дорогой Ходзько неожиданно открылся ей, что намѣренъ поджечь Лебедево, „если это удастся.“ По прибытіи въ мѣстечко, они остановились у одной знакомой женщины, живущей на квартирѣ бондаря, откуда Ходзько, оставивъ на дворѣ лошадь, отправился въ мѣстечко. Не болѣе какъ чрезъ четвертъ часа онъ вернулся и быстро сказалъ ей: „ѣдемъ,“ они отправились къ одному лебедевскому кожевнику для покупки кожи, и только-что вышли отъ него, какъ по мѣстечку раздались крики о пожарѣ. Тогда Ходзько, чтобъ не ѣхать чрезъ Лебедево, повернулъ свою бричку черезъ выгонъ и тутъ объявилъ своей спутницѣ, что онъ поджегъ какія-то жидовскія тряпки. Скоро вслѣдъ затѣмъ оба были арестованы.

Независимо отъ показаній, подъ присягою, болѣе двадцати свидѣтелей, относительно Ходзько собраны такого рода данныя: во время послѣднихъ поѣздокъ его по уѣзду, со дня прибытія его въ селенія, дѣлались поджоги или под-

брасывались подметныя письма объ нихъ; такихъ случаевъ извѣстно нѣсколько.

Два нижеслѣдующія дѣла, замѣчательны въ томъ отношеніи, что лица произведшія поджоги добровольно сознались въ своемъ преступленіи.

Въ первомъ изъ нихъ является дѣйствующимъ лицомъ мѣщанка Евфросинья Осипова Детловская, 40 лѣтъ. Незаконная дочь крестьянина, она въ молодости была въ связяхъ съ однимъ извѣстнымъ въ Виленской губерніи уѣзднымъ предводителемъ дворянства, который прижилъ съ ней сына и въ награду позволилъ себѣ выдать ей и сыну ея дворянское свидѣтельство, по которому она съ сыномъ извѣстны были подъ именемъ дворянъ Высоцкихъ. По наущенію одного помѣщика, Детловская сдѣлала поджогъ, но, совершивъ его, опомнилась и пришла въ такой ужасъ отъ своего преступленіи, что съ полнымъ раскаяніемъ разсказываетъ все дѣло. Вотъ сущность ея показаній. Девять лѣтъ ходила она къ помѣщику этому на работу, всегда была имъ довольна и потому охотно исполняла его порученія: такъ, лѣтомъ 1863 года, ей поручаемо было носить въ лѣсъ пищу мятежникамъ. Въ послѣднее Рождество она пришла къ помѣщику попросить лѣкарства для своего больнаго сына; помѣщикъ, разговорясь съ ней, сказалъ ей между прочимъ слѣдующее: „Знаешь ли, Высоцкая, что мы хотимъ сдѣлать? Край намъ не достался, пускай же не достанется и имъ." На первый разъ разговоръ на этомъ намекѣ и остановился. Спустя значительный промежутокъ времени, ужъ весной, помѣщикъ, повторивъ ей то же самое, высказалъ ей нѣсколько болѣе: „мы хотимъ жечь сперва города и мѣстечки, а потомъ и деревни." Послѣ такого признанія онъ сталъ уговаривать ее поджечь г. Вилейку и м. Куринецъ и обѣщалъ ей за то землю, хату, денегъ по складчинѣ заинтересованныхъ въ поджогахъ лицъ, но она отклонила отъ себя предложеніе. Помѣщикъ не терялъ однако надежды сдѣлать Детловскую орудіемъ сво-

ихъ замысловъ: онъ потребовалъ отъ нея только, чтобъ она никому не разсказывала объ разговорѣ, угрожая ей, въ противномъ случаѣ, гибелью. Послѣ нѣсколькихъ свиданій, онъ успѣлъ наконецъ убѣдить ее совершить поджогъ, причемъ сказалъ ей слѣдующія знаменательныя слова: „Не бойся, сына твоего мы не оставимъ: мы его наградимъ, ему будетъ хорошо, да и тебя мы выручимъ, только не показывай на меня, а говори, что все это сдѣлано начальствомъ; говори, что поджоги дѣлаются исправникомъ и военнымъ начальникомъ."— „Его ласки, угощенія, обѣщанія на меня подѣйствовали—добавляетъ она—и я взялась поджечь Малмыги и Слободу."

Поджечь успѣла она однако только Слободу, именно амбары при ней, со льномъ и пенькой. Для поджога, помѣщикъ указалъ ей двѣ, заранѣе приготовленныя щепки, обернутыя въ бумагу и зарытыя неглубоко въ землю. Одну изъ этихъ щепокъ она должна была употребить при поджогѣ Малмыгъ, другую въ Слободѣ. Детловская разсказываетъ, что, поджигая Слободу, она потерла щепкой, намазанной какимъ-то составомъ, объ стѣну амбара, огонь сейчасъ вспыхнулъ и пенька загорѣлась; поджигательница бросила туда и другую щепку.

Другое сознаніе учинено молодымъ человѣкомъ Иваномъ Казиміровымъ Капусцинскимъ, обучавшимся въ молодечненской прогимназіи, гдѣ онъ дошелъ до 4-го класса и оставилъ училище съ открытіемъ мятежа. Верстахъ въ 10-ти отъ имѣнія его матери, жилъ одинъ сосѣдъ, съ которымъ молодой человѣкъ свелъ знакомство. Во время послѣдняго Рождества, сосѣдъ завелъ съ Капусцинскимъ разговоръ о томъ, что „скотъ будетъ падать, люди умирать, начнутся пожары." На естественный вопросъ молодаго человѣка: „развѣ будутъ поджоги?" онъ отвѣчалъ: „найдутся такіе люди, которые получатъ за это 400 руб." Черезъ нѣсколько времени опять встрѣтился съ Капусцинскимъ и сталъ говорить ему, что, „какъ онъ, Капусцинскій, въ мятежѣ

не принималъ участія, то теперь обязанъ дѣлать все то, что отъ него потребуютъ.“ Послѣ такого вступленія, подговаривающій, вмѣстѣ съ другимъ сообщникомъ, стали уговаривать его поджечь м. Долгиново; они успѣли въ этомъ и снабдили молодаго человѣка селитрой и губкой, обтянутой ниточкой. Они поручили ему селитру эту распустить въ водѣ и въ разводѣ этомъ намочить бумагу и потомъ высушить; при поджогѣ (они совѣтовали ему выбрать для поджога такое мѣсто, гдѣ строенія стоятъ близко одно къ другому), въ бумагу эту, вложивъ спички съ губкой и, воспламенивъ, подложить въ крышу. За это обѣщали дать ему 400 рублей.

30-го мая Капусцинскій взялъ означенный составъ и поджогъ имъ въ Долгиновѣ сначала одинъ домъ, потомъ, отойдя нѣсколько шаговъ, другой; оба поджога были замѣчены во-время и потушены.

Оговариваемыхъ Капусцинскимъ лицъ уличаетъ въ подстрекательствѣ къ производству поджога другой молодой человѣкъ. Одному изъ нихъ они развивали, между прочимъ, слѣдующую мысль: „Если пойдутъ пожары народъ обѣднѣетъ, снова начнется мятежъ, и дѣло не пропадетъ, т. е. Польша можетъ думать о возстановленіи.“ По слухамъ, слышаннымъ этимъ юношей отъ другихъ лицъ, изъ Парижа выслано 12 человѣкъ для производства поджоговъ.

Отрывочныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи вопроса о поджогахъ не могутъ быть полными уже потому, что слѣдствіе продолжается еще весьма дѣятельно. При всемъ томъ, они могутъ служить подтвержденіемъ справедливости молвы народной, что приписывать поджоги однимъ случайностямъ значило бы добровольно закрывать глаза отъ истины, и что поджоги—дѣло не отдѣльныхъ личностей, а цѣлой организаціи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ еще организаціи этой вполнѣ, хоть и случалось нападать на слѣды ея. Вотъ, между прочимъ, свѣдѣнія, которыя

имѣются объ этомъ изъ-за границы и которыя добыты также путемъ слѣдствій надъ нѣсколькими политическими преступниками, задержанными въ послѣднее время.

Въ настоящее время, за границей существуютъ двѣ шайки революціонныхъ поджигателей: 1) шайка польскихъ эмигрантовъ и 2) шайка самыхъ красныхъ русскихъ революціонеровъ (герценская).

Польская эмиграція, разсыпавшись по Европѣ, раздѣлилась на многочисленныя партіи и занимается въ настоящее время политическими спорами и распрями, составленіемъ проектовъ о различныхъ революціонныхъ предпріятіяхъ и отысканіемъ людей для приведенія проектовъ этихъ въ исполненіе. Между этими партіями существуетъ тайная партія поджигателей, главнымъ притономъ которой служитъ Швейцарія, затѣмъ Парижъ и Лондонъ и наконецъ Турція. Большинство лицъ, составляющихъ эту страшную партію, извѣстно. Въ составъ партіи въ Парижѣ входятъ многія лица, занимавшія въ послѣднее возстаніе должности революціонныхъ организацій въ Литвѣ и въ Царствѣ польскомъ. Они занимаются нынѣ высылкой поджигателей въ западный край, а можетъ быть и въ Польшу. Людей для этого находятъ они въ изобиліи между эмигрантами, поселившимися въ Швейцаріи; сильно нуждаясь въ средствахъ къ существованію, весьма многіе изъ нихъ готовы всегда на все. Парижскій комитетъ не отказываетъ въ средствахъ на подобныя предпріятія. Лица, отправляемыя на поджоги, снабжаются особымъ, легко воспламеняющимся составомъ изъ угля, сѣры и фосфора. Въ теченіе 1863 года, жидкость эта изготовлялась въ Варшавѣ, въ аптекѣ Младенца Іисуса, высланнымъ нынѣ въ каторжную работу аптекаремъ Строньскимъ, откуда и разсылалась въ нѣкоторые города. Эта же самая жидкость была употреблена при поджогѣ ратуши въ Варшавѣ, съ помощью ея же была подожжена крыша казармъ, около замка; пожаръ былъ во-время замѣченъ и потушенъ. Эта же жид-

кость была употреблена при покушеніи на жизнь графа Берга, 8-го сентября 1863 года, причемъ составъ ея былъ силенъ до такой степени, что горѣлъ еще на слѣдующій день на каменной мостовой.

Шайка польскихъ эмигрантовъ-поджигателей, сносясь съ тѣми изъ поляковъ, которые, будучи замѣшаны въ мятежѣ, высланы на жительство внутрь Имперіи, въ то же время сносится съ подобною себѣ шайкой русскихъ ренегатовъ, называющейся агенціею Герцена и сосредоточенной въ Тульчѣ. Эта послѣдняя шайка, развившись сильно въ Турціи, избрала поприщемъ своихъ преступныхъ дѣйствій южную Россію.

Обѣ эти шайки состоятъ подъ покровительствомъ лондонскаго общества „Ognisko rewolucyjne" (революціонное пламя), дѣлами котораго завѣдуетъ польскій эмигрантъ; онъ же выдаетъ денежныя пособія злоумышленникамъ. Въ маѣ 1864 года, онъ привозилъ деньги агентству Герцена и жилъ нѣкоторое время въ Тульчѣ. Самое же общество революціонеровъ получаетъ деньги отъ члена своего, лондонскаго банкира Т...., сердечнаго друга Мадзини.

Ограничиваемся на первый разъ перечнемъ голыхъ фактовъ, предоставляя читателямъ выводить изъ нихъ свои заключенія. Свѣдѣнія нами почерпнуты изъ офиціяльныхъ источниковъ. Будемъ надѣяться, что обнародованіе ихъ послужитъ къ общему благу и будетъ содѣйствовать прекращенію поджоговъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ испытанные доселѣ способы (*).

(*Виленск. Вѣст.*)

(*) Что теперь сказать о нѣкоторыхъ петербург. газетахъ, такъ сильно хлопотавшихъ замаскировать подлинную причину пожаровъ и постоянно «мигавшихъ на Петровъ.» *Ред.*

ОПЕЧАТКА.

Въ статьѣ Вѣстника: «Остатки латино-польскаго преобладанія въ западной Россіи» вкралась весьма важная, опечатка, совершенно извращающая смыслъ рѣчи и истину.

На страницѣ (отдѣлъ III) 140, строкѣ 8, вмѣсто должно *бы* нужно читать: должно *было*.

Содержание 12-й книжки „Вѣстника западной Росси
за 18$\frac{64}{65}$ г.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ» на 18$^{64}/_{65}$ годъ выходитъ съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, *ежемѣсячно*, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Сеньковскаго; въ С.-Петербургѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, и въ книжномъ магазинѣ *С. И. Литова*, на углу Невскаго Проспекта и Малой Садовой; *въ Москвѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ѳерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконоспаскаго монастыря, у книгопродавца *Черенина*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца *И. В. Базунова; въ Кіевѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *С. И. Литова; въ Варшавѣ*, у книгопродавца *Дутова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА» ЗА ГОДЪ.

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала „Вѣстникъ Западной Россіи", *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «*Вѣстникъ*» за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18$^{62}/_{63}$ годъ, для жителей Вильны по 5 р. 50 к., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за 18$^{63}/_{64}$ годъ— для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.— съ пересылкой.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**
